

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЕГАЗОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ШАРИПОВА Эльвира Маннуровна

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА

22.00.06 – Социология культуры

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
социологических наук

Научный руководитель
Д.и.н., профессор Гаврилова Н.Ю.

Тюмень – 2014

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ПОНИМАНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА.....	18
1.1. Сущность религиозного фанатизма.	18
1.2. Роль религиозности и религиозной веры в формировании фанатичного сознания	32
1.3. Социокультурные истоки возникновения религиозного фанатизма. ...	50
ГЛАВА II. СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА.	69
2.1 Формы религиозного фанатизма в дискурсе социологических исследований	69
2.2 Религиозная ситуация в Тюменской области: социологический анализ.	92
2.3 Социальные мероприятия по профилактике религиозного фанатизма в Тюменской области	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
Список литературы	159
Приложение	174

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

В настоящее время одним из важнейших факторов культурной составляющей в России является религия, поскольку возникший в постперестроечный период процесс возрождения интереса к ней не угасает, а, напротив, становится все интенсивнее. Вместе с тем межконфессиональное взаимодействие в такой многонациональной стране как Россия динамично.

По данным официальной статистики в России сегодня зарегистрировано свыше двадцати одной тысячи религиозных организаций, объединяющих представителей более чем шестидесяти религиозно-конфессиональных направлений. 74 % населения России, позиционируют себя приверженцами православия. Около 7 % населения – представителями ислама [70].

В Тюменской области официально зарегистрировано более 170 религиозных организаций и 70 религиозных групп различных религиозно - конфессиональных направлений: православных, мусульманских, протестантских и других [32].

Несмотря на относительно позитивную ситуацию в нашем регионе в области межконфессиональных отношений, взаимодействие представителей различного вероисповедания носит вариативный характер, поскольку это происходит на фоне интенсивных миграционных процессов из стран бывших союзных республик. В этой связи изучение религиозной ситуации и динамики межконфессиональных отношений в регионе приобретает особую актуальность.

Современные социокультурные процессы, одним из проявлений которых является глобализация, ведут к синтезу культур и религий и сопровождаются подчас столкновением сложившихся идеологий, культурных ценностей и религиозных убеждений. Процесс глобализации оказывает влияние и на развитие мирового сообщества, и на судьбы отдельных государств. В итоге все изменения, связанные с процессами глобализации, проецируются на жизнь каждого человека. Противоречивая природа процесса глобализации включает в себя

разнонаправленные тенденции интеграции и дифференциации, которые можно рассматривать как два направления цивилизационных процессов: с одной стороны - тенденция к унификации, а с другой - стремление к сохранению культурной самобытности, включающей в себя и религиозную. Сфера духовной жизни, в том числе и религиозная, более всего сопротивляется тенденции глобализации. Не всегда достигается результат установления диалога и рационального взаимодействия между культурами. Очевидно и то, что в своих крайних формах именно глобализация выступает одним из факторов усиления многих социально-политических проблем, нарушения принципов устойчивого развития, одним из проявлений которых и является религиозный фанатизм.

Обостренная конфликтами и проявлением религиозного фанатизма ситуация между представителями различных религий может возникнуть вследствие нарушения этнокультурной и этнорелигиозной целостности одного народа за счет другого вследствие интенсивных миграционных процессов. Взаимодействие различных социокультурных ценностей, в том числе и религиозных, может осложняться конфликтными ситуациями в результате неприятия и отвержения иных культурных стандартов ценностных ориентаций. Навязывание чуждых ценностей неизбежно вызывает межконфессиональный конфликт [138, С. 364]. Эмиграционные потоки, как за рубежом, так и на территории Российской Федерации, порождают религиозные конфликты, спровоцированные нежеланием приезжающих адаптироваться к культуре, обычаям, требованиям той страны, куда они прибыли [138]. Вопрос стоит не об отказе от своих религиозно-культурных традиций, а об уважительном отношении к культуре принимающей страны. В ином случае столкновение двух идеологий неизбежно ведет к проявлению религиозного фанатизма обеих сторон.

Необходимость изучения феномена религиозного фанатизма связана и с тем, что на современном этапе развития общества данное явление лежит в основе такой глобальной угрозы как международный экстремизм и терроризм. По мнению ряда исследователей, опасность общемировых процессов, к сожалению, недооценивается сегодня человечеством и не воспринимается «как

реальная угроза для всего мирового сообщества» [12, С.42]. В современных реалиях, как в теории, так и в практике существуют разные подходы к трактовке событий, которые, в одном случае, воспринимаются как террористические и экстремистские действия, а в другом - преподносятся «как защита интересов народа, нации, как противостояние чужеродному вмешательству» [12, С.42].

Ситуация, сложившаяся на сегодняшний день, крайне неоднозначна. С одной стороны, в условиях возрождения религиозности населения радикалы и экстремисты «стремятся опереться на влияние религии», как сильнейшей составляющей культуры. С другой - государственные власти пытаются противостоять сложившейся ситуации и контролировать процесс «религиозного ренессанса» [138, С.345]. Всплеск этнических и религиозных конфликтов в современном мире убеждает в том, что изучение социокультурной специфики религиозного фанатизма имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, является важной компонентой профилактики религиозного экстремизма и терроризма.

Степень изученности проблемы. Феномен религиозного фанатизма выступает темой исследований в трудах социологов, политологов, философов, конфликтологов, историков, психологов, правоведов, юристов, психиатров, что свидетельствует о междисциплинарности данного явления.

Одними из первых о религиозной нетерпимости и фанатизме заговорили представители эпохи Просвещения: Э. Берк [179], Ж.Б. Боссюэ [180], Ф. Вольтер [24], Д. Дидро [51], П. Гольбах [30], И. Кант [54], Р. Левассер [186], Д. Локк [74]. Значительная часть их работ ставила целью дать определение и понять сущность этого неоднозначного явления.

Определить природу, причины и формы религиозного фанатизма как социокультурного явления стремились многие социологи, философы, богословы и историки. Изучение феномена веры находит отражение в работах М. Вебера [21], одного из основателей социологии религии, а также в трудах: Г. Гегеля [26], Ч. Ламброзо [75], Д. Локка [74], Ф. Ницше [85], Л. Фейербаха [143], Г. Ферреро [145], Э. Фромма [159].

Выявляя истоки религиозного фанатизма, Э. Дюркгейм выдвинул теорию о тождестве религиозного и социального [42]. Ф. Энгельс, поднимая в своих работах вопрос о предпосылках социальных конфликтов, изучал, в том числе, и конфликты на религиозной почве [119]. Ф. Тенбрук констатировал несомненную связь «социальных» и «культурных» феноменов в концепции репрезентативной культуры [128].

В дискурсе современной науки исследованием религиозного фанатизма занимались Е.Г. Балагушкин [11], С. Канерва [53], Р.К. Омельчук [93], Г. Панкратова [94], С.А. Симонова [115], Ю.Синелина [116; 117], Ж.Т. Тощенко [137; 138], С.Л. Франк [157], Г. Хеннеман [184].

Проблема политического фанатизма, как социально-психологического феномена, впервые была описана Жермен де Сталь в ходе анализа Великой французской революции, когда фанатизмом была охвачена практически вся Франция. Ее работа «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (*L'influence des passions sur le bonheur des individus et des peuples*, 1796) имеет особенную ценность как для философской науки, так и для социологии [187].

Феномен религиозности, который лежит в основе религиозного фанатизма, раскрыт в трудах отечественных исследователей: П.С. Гуревича [34], И. Ильина [48], Л.П. Карсавина [57], Н.Д. Левитова [71], В. Розанова [105], Ж.Т. Тощенко [137;138], Д.М. Угриновича [139], а одной из наиболее цитируемых, в рамках обозначенной проблематики, является работа религиозного философа Н.А.Бердяева «О фанатизме, ортодоксии и истине» [15].

Несомненное научное значение имеют идеи, высказанные В.А. Бачининым [13], который дал классификацию типов религиозности. Н.Д. Левитов [71] определил признаки религиозности, Б.Д. Парыгин [96] особое внимание уделял изучению социальных факторов возникновения религиозности.

Большой вклад в исследование феномена религиозности и религиозного фанатизма внесли американские социологи и психологи Б. Рассел [100], Д.Бэтсон и Л.Вентис [178], а также немецкий ученый Л. Фестингер [146], которые рассматривали проблему устойчивости религиозных верований. Концепция Д.

Наэма [82] затрагивала идею о влиянии культуры и религиозных убеждений на ценностные ориентиры в обществе. Попытку определить индикаторы религиозности предприняли Р.Старк и Ч. Глок [188]: основными из них исследователи назвали веру, практику, опыт, знание и результат.

Р. Масси [78] в своих трудах акцентировал внимание на особых социокультурных свойствах православных людей, подчеркивая их особую набожность, жалостливость и набожность. Т. Оллпорт и У. Кларк [177] сформулировали и обосновали социальные факторы, усиливающие религиозность в обществе. Д. Фолкнер и Г.Де Йонг [152], основываясь на концепции Ч. Глока, эмпирическим путем исследовали религиозность в пяти измерениях: по идеологической, интеллектуальной, ритуалистической, опытной и результирующей шкалам.

П. Концен [61], современный немецкий ученый, в своих трудах раскрывает сущность религиозного фанатизма и предлагает свою классификацию его форм. Исследование П. Концена позволило не только понять политико-экономические и исторические причины возникновения фанатизма, но и интрапсихические детерминанты данного явления. Закономерности возникновения религиозного фанатизма, характеристики типов фанатиков выявляет А.М. Фойгель [150].

Религиозный фанатизм представляет собой серьезную социальную проблему, но его изучению, как разновидности фанатизма, до недавнего времени были посвящены в основном работы философов. К ним целесообразно отнести труды Т.Н.Санаевой «Социальный фанатизм» (2002) [108]; М.Н. Кузнецовой «Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления» (2003) [64]; В.В. Ким - «Фанатизм как социальный феномен» (2003) [58] и М.Я.Яхьяева - «Религиозный фанатизм, как исторический феномен» (2006) [176]. В социологии проблема религиозного фанатизма как социокультурного явления не нашла должного отражения. Религиозный фанатизм упоминался лишь косвенно при изучении таких явлений как религиозный экстремизм и терроризм, психология толпы и сектантское движение, которые исследовались В. Асмоловым [8], Ж.

Бодрияром [17], Д.В. Ольшанским [91] и др. В их трудах анализируется и проблема взаимосвязи данных феноменов с фанатизмом.

Социально-психологические особенности личности, потенциально способной стать фанатиком, активным членом экстремистской или террористической группы, были изучены Й. Хейзинга [162], В. Левитовым [71], Б. Парыгиным [96] и др. Технологии психологического управления в религиозных культурах выявлены в работах П.С. Гуревича [34], О. Керенберга [185], Г. Лебона [68], Л. Фестингера [146], З. Фрейда [158].

Общим вопросам возникновения религиозного фанатизма, разработке понятийно-терминологического аппарата, а также классификации и характеристике современных псевдохристианских, псевдоиндуистских постсоветских новых религиозных организаций, имеющих непосредственное отношение к проблеме религиозного фанатизма, посвящена значительная часть работ А.Л. Дворкина [37].

Таким образом, несмотря на наличие многочисленных трудов, обращенных к изучению религиозного фанатизма, исследование его как социокультурного феномена, не нашло должного отражения в социологической науке. Зачастую упоминание о данном социокультурном явлении является косвенным при изучении религии, религиозности, феномена веры, а также при осмыслении таких социальных феноменов как экстремизм, терроризм, нацизм, вождизм. В публицистике термин «религиозный фанатизм» также носит фрагментарный характер, при обсуждении проблемы религиозного возрождения постперестроечного этапа российского общества или при изложении событийных актов, носящих экстремистский или террористический характер, что и обусловило **актуальность данного направления научно-практического исследования.**

Объект исследования – религиозный фанатизм.

Предмет исследования – специфика религиозного фанатизма как социокультурного феномена.

Основная цель исследования – разработка комплекса социально ориентированных мероприятий по профилактике религиозного фанатизма (региональный аспект).

В соответствии с целью были поставлены следующие **задачи исследования:**

1. Выявить сущность и истоки религиозного фанатизма как социокультурного феномена.
2. Исследовать роль религиозности как функционального элемента религиозного фанатизма; обосновать взаимосвязь религиозности и культуры.
3. Определить социальную направленность религиозного фанатизма как фактора, влияющего на стабильное развитие общества.
4. Предложить авторскую классификацию форм религиозного фанатизма в контексте социологического дискурса.
5. Выявить социокультурные особенности религиозной ситуации на территории Тюменской области на основе изучения отношения населения к религиозному фанатизму.
6. Разработать комплекс социально-ориентированных мероприятий, направленных на профилактику религиозного фанатизма в регионе.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Проведено теоретическое уточнение категориально-понятийного ряда по проблематики исследования; выявлены специфические особенности мировоззрения религиозных фанатиков; обоснованы предпосылки возникновения религиозного фанатизма в современных условиях.

2. Выявлена социокультурная специфика и сущность религиозного фанатизма как крайней степени религиозности; интегрированы и систематизированы критерии и индикаторы религиозности; обозначена взаимообусловленность религиозности и культуры.

3 Обоснована социальная направленность религиозного фанатизма как деструктивного социокультурного явления, как для личности, так и для общества в целом; номинированы наиболее опасные формы данного феномена.

4. Актуализированы зарубежные и отечественные теории классификации форм религиозного фанатизма, предложена авторская концепция форм религиозного фанатизма.

5. Изучена социокультурная ситуация в регионе посредством выявления отношения населения Тюменской области к проблеме религиозного фанатизма, на основе анкетного опроса охарактеризован уровень религиозной толерантности респондентов.

6. Определены прикладные аспекты диагностики и профилактики религиозного фанатизма; разработан комплекс социально-ориентированных мероприятий, способных профилировать проявления религиозного фанатизма на региональном уровне.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные положения классиков социологии, философии, психологии, труды современных отечественных и зарубежных ученых, а также результаты прикладных исследований в области социологии культуры, социологии религии. В качестве основных использовались: теория социального действия, теория социального изменения и типологии религиозных групп и религиозного лидерства М. Вебера [21]; интеграционистская теория о тождестве религиозного и социального Э. Дюркгейма [42]. Значимой основой стали эволюционизм в социологии религии Г. Зиммеля [45] ; социопсихологическая теория З. Фрейда [158], Э. Фромма [159]; конфликтологические теории Ф. Энгельса [119]. Важной для достижения цели исследования явилась эпигенетическая теория роста радикального потенциала П. Концена [61] в силу новизны идей немецкого ученого, а так же концепция репрезентативной культуры немецкого социолога Ф. Тенбрука [128].

При разработке проблематики автор диссертационного исследования исходил из методологических принципов объективности, комплексного подхода

к анализу предмета исследования, целостности и системности его характеристик. Поскольку феномен религиозного фанатизма представляет объект изучения многих наук, выявление его социокультурной природы и сущности носит междисциплинарный характер.

В работе использованы принципы системного подхода, применялись общенаучные методы анализа и обобщения, а также логический анализ процессов социального развития, метод диалектической оценки эмпирических данных.

Эмпирической базой доказательности концептуальных положений явились материалы служб государственной статистики Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области; результаты деятельности Комитета по делам национальностей; долгосрочная целевая программа «Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений в Тюменской области и профилактике экстремистских проявлений» на 2014–2016 годы.

Собственно эмпирическую базу диссертации составили результаты социологических исследований, проведенных автором в 2010–2013г.г. Достоверность результатов проведенного анализа, теоретическую и практическую обоснованность основных выводов и положений диссертационной работы обеспечили:

анкетный опрос – количественное исследование мнения жителей Тюменской области без автономных округов (N=757) с использованием целевого (направленного) типа выборки по вопросам, связанным с оценкой религиозной ситуации в регионе. Статистическая обработка данных результатов опроса осуществлялась в программе SPSS 17.0.

экспертный опрос - качественное и количественное исследование мнения специалистов в области межконфессиональных отношений (N=10): представителей научного сообщества, занимающихся изучением проблем в сфере межконфессионального взаимодействия; ведущих специалистов Комитета по делам национальностей; руководителей общественно-религиозных организаций.

Данный выбор определялся необходимостью выявления компетентного мнения и получения квалифицированных рекомендаций о возможности разработки и реализации комплекса социально-ориентированных мероприятий по профилактике религиозного фанатизма.

анализ данных и результатов материалов социологических мониторингов ведущих всероссийских и региональных центров по проблематике диссертационной работы: исследования Левада Центра по вопросам динамики религиозности населения России; ООО «Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2» по изучению ситуации в сферах общественно-политических, межнациональных и общественно-религиозных отношений в Тюменской области 2012-2013 гг. [93].

Теоретическая и практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что его основные положения и выводы вносят определенный вклад в теорию социологии культуры и социологии религии. Поскольку диссертационная работа носит теоретико-прикладной характер, разработанный инструментарий может использоваться: - при осуществлении подобных или смежных исследований по изучению степени религиозности населения и уровня его религиозной толерантности; - при диагностике межрелигиозных отношений; - при профилактике конфликтогенных факторов напряженности между различными конфессиями и религиозными объединениями, существующими не только на территории Тюменской области, но и в других регионах России.

Материалы диссертационной работы могут быть использованы в деятельности Комитета по делам национальностей администрации Тюменской области при разработке региональной политики по вопросам религий и определении социальных механизмов противостояния религиозному фанатизму. Основные результаты и выводы, полученные в ходе проведенного исследования, могут актуализировать используемые в настоящее время программы спецкурсов по социологии, религиоведению, политологии, культурологии.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его основные положения и выводы вносят определенный вклад в теорию

социологии культуры и социологии религии. Поскольку диссертационное исследование носит теоретико-прикладной характер, разработанный инструментарий практической части может использоваться при осуществлении подобных или смежных работ для изучения степени религиозности населения, по диагностике межрелигиозных отношений, конфликтогенных факторов напряженности между различными конфессиями и религиозными объединениями, существующими не только на территории Тюменской области, но и в других регионах России.

Материалы диссертационной работы могут быть использованы в деятельности Комитета по делам национальностей администрации Тюменской области по диагностике и профилактике конфликтов и противоречий, возникающих на религиозной почве, а также при разработке региональной политики по вопросам религий, при определении социальных механизмов противостояния религиозному фанатизму. Основные концепции и полученные результаты могут актуализировать используемые в настоящее время программы спецкурсов по социологии, религиоведению, политологии, культурологии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Многообразие в современной социологической науке подходов и концепций к определению религиозного фанатизма, выявлению сущности и природы данного явления, вызвали необходимость их анализа, систематизации и конкретизации его специфики как социокультурного феномена, выражающего, по мнению автора, определенные убеждения, представления, идеи и идеологии, влияющие на социальные действия, в силу того, что они разделяются людьми, и тем самым интерпретируют реальность. Детерминанты и сущность религиозного фанатизма не претерпевают значительных изменений в ходе прогресса человечества, но предпосылки его возникновения и формы проявления трансформируются в связи с временными социальными мотивациями.

2. Религиозный фанатизм, базирующийся на религиозной вере и религиозности человека, не может быть подвержен анализу вне их контекста. Религиозность целесообразно определять как специфический социокультурный

феномен. В современном мире формирование личностных религиозных ориентиров обусловлено совокупностью идеологических, социальных и культурных факторов. Исходя из базовых парадигм определения степени религиозности, признанных в социологической науке, религиозный фанатизм является крайней степенью ее проявления. Показателем трансформации социально нейтральной формы религиозности в крайнюю потенциально опасную для общества – религиозный фанатизм, является ситуация, при которой религиозность индивида или группы, приобретает формы активного социального действия, начинает вторгаться и негативно воздействовать на мировоззренческие убеждения других верующих. Различный по содержанию и формам религиозный фанатизм возникает вследствие кризиса религиозной идентичности индивида, вызванного ослаблением значимых культурных ценностей и появлением новых реалий социокультурной ситуации: идей, идеологий и ценностных установок.

3. Факторами дестабилизации межконфессиональных отношений являются современные глобализационные процессы, ведущие к унификации социокультурных составляющих; а также интенсивные миграционные процессы, влияющие на количественные и качественные характеристики социальной действительности. Несмотря на относительную стабильность религиозной ситуации в Тюменской области, миграционные процессы приносят в ее социокультурное пространство иные модели поведения, символы, установки, трансформируя культурный облик региона, создавая риски возникновения религиозного фанатизма. Это способствует основанию утверждать, что проблема возникновения религиозного фанатизма есть и остается латентной и требует диагностики существующих тенденций и профилактики кризисных ситуаций. Поликонфессиональный состав населения и интенсивные потоки мигрантов из стран бывших союзных республик дают основание говорить о потенциально существующей возможности дестабилизации ситуации в регионе в сфере межконфессиональных отношений.

4. Структуру религиозного фанатизма целесообразно классифицировать по подгруппам, среди которых особенно значима дифференциация по идейным

предпосылкам того или иного явления; количественному составу участников; характеру интенсивности проявлений религиозного фанатизма. Разработка социологических классификаций религиозного фанатизма (с учетом применения междисциплинарного опыта), создадут основу для объективного структурирования его форм.

5. Изучение динамики межконфессиональных отношений как в целом в стране, так и в частности в Тюменском регионе, требует перманентного внимания и анализа возможных перспектив развития данного социального явления. Контент - анализ источниковой базы, посвященной вопросам обострения религиозного фанатизма и экстремизма в современной России, позволяет сделать вывод о том, что на молодежную среду, в силу ее несформировавшейся религиозной идентичности, могут оказывать негативное влияние деструктивные тенденции в области межрелигиозных отношений. Современные информационные технологии позволяют влиять на данную возрастную категорию и использовать социальный потенциал молодых людей в целях обострения межконфессиональных конфликтов, способствовать распространению интолерантных настроений в обществе и вызывать проявление различных форм религиозного фанатизма и экстремизма.

6. Комплекс социально направленных мероприятий, способствующих профилактике религиозного фанатизма, – это система мер, основанная на взаимодействии государственных органов, общественно-религиозных объединений и научного сообщества. Разработка данных мероприятий может стать дополнением к практическим мерам, реализуемым органами государственной власти и общественными организациями, направленным на предупреждение дестабилизации религиозной ситуации в регионе и создание благоприятных условий для межконфессионального взаимодействия; а также к целевой программе Комитета по делам национальностей Тюменской области «Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных и общественно-

политических отношений и профилактике экстремистских проявлений» на 2014–2016 годы [4].

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на кафедре социологии Тюменского государственного нефтегазового университета, сообщались на всероссийских, международных конференциях, среди которых:

Международные: «Актуальные проблемы современного общества» (Тюмень, 2011г.), «Информационные технологии в жизни современного человека» (Саратов, 2013), «Общество в эпоху перемен: формирование новых социально-экономических отношений» (Саратов, 2014), «Мировая наука и современное общество: актуальные вопросы экономики, социологии и права» (Саратов, 2014), «Мир на пороге новой эры. Как это будет?» (Саратов, 2014).

Всероссийские: «Нефть и газ Западной Сибири» (Тюмень, 2007), «Гуманитарные стратегии развития региона» (Тюмень, 2008), «Гуманитарные проблемы современности» (Тюмень 2009), «Молодежь: гуманитарные стратегии преодоления социальных рисков» (Тюмень, 2010), «Гуманитарные аспекты модернизации России» (Тюмень, 2011), «Демократия и гражданские инициативы в глобальном мире» (Тюмень, 2012), «Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона» (Тюмень, 2013), «Устойчивое развитие: вопросы экономики, права, экологии, социологии, образования, управления проектами» (Санкт-Петербург, 2013г.), «Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона» (Тюмень, 2013г.), «Третий Социологический форум» (Тюмень, 2013г.).

Основные положения диссертационной работы отражены в 17 научных публикациях общим объемом 5,04 п.л.; 5 из которых – в научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 22.00.06 – Социология культуры в части п. 15. Религия как социокультурное явление. Социальные функции религии и п. 16. Религиозные организации и движения в современном мире.

Структура и объем диссертации. Диссертация изложена на 173 страницах и состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка использованной литературы, включающего 188 наименований и 7 приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ПОНИМАНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА

1.1. Сущность религиозного фанатизма.

Для выявления сущности религиозного фанатизма как социокультурного явления в рамках нашего диссертационного исследования представляется целесообразным:

- обозначить широко практикуемые значения понятия « религиозный фанатизм»;
- расставить смысловые акценты данного понятия в разных дисциплинарных подходах, что позволит выделить и зафиксировать социокультурные особенности феномена « религиозный фанатизм»;
- предпринять этимологический анализ понятия «религиозный фанатизм», в том числе его исторические и семантические трансформации, обусловленные, прежде всего, социокультурными особенностями возникновения данного социального феномена;
- проанализировать истоки становления и развития научного понятия «религиозный фанатизм», содержащиеся в концепциях социологов, социальных философов XIX – XX веков. Как правило формирование концепций, характеризующих данный феномен, так или иначе было обусловлено прежде всего событиями Великой французской революции и анализом догматов того или иного вероисповедания.

Существуют различные интерпретации феномена религиозного фанатизма, которые в основном опираются на внешние признаки этого многогранного социокультурного явления. Заключение в рамки одной науки явление религиозного фанатизма представляется крайне затруднительным и в силу этого оно является предметом изучения нескольких наук. Междисциплинарность предмета исследования религиозного фанатизма не позволяет однозначно раскрыть его сущность, природу, структуру и формы проявления. Кроме того, возникает проблема и при диагностировании этого феномена, ведь порой критическая

дистанция между фанатизмом и идейными перегибами настолько мала, что понимание чужих культур, в которых чрезмерное религиозное рвение или готовность верующих к самопожертвованию являются частью традиции, вызывает затруднения.

Исследование социокультурных предпосылок религиозного фанатизма необходимо предполагает обращение к событиям, в рамках которых наблюдались действия социальных фанатиков - прежде всего речь идет о Великой французской революции, так и к исследованиям данного феномена, предпринятым в XX-м веке Н. Бердяевым [15], П. Конценом [61], Б. Расселом [100], Ж. Тощенко [137].

Представление о религиозном фанатизме как феномене, возникающем вследствие слепой религиозной веры, при невысоком уровне интеллекта и образования людей сложилось в эпоху Просвещения. Французские мыслители, такие как Д. Дидро, д'Аламбер, П. Гольбах, полагали, что при условии упразднения монополии религиозной идеологии и развития науки, культуры и образования, это явление перестанет представлять угрозу для социума и исчезнет [48], [30].

Так, в работе Ф. Вольтера, предпринята попытка определить природу религиозного фанатизма [24]. По его утверждению, фанатизм - негативное явление, которое тормозит развитие общества. Философ полагал, что не вера, а именно суеверие может вызвать вспышки фанатичного состояния общества. Суеверие, слепая вера, чрезмерная религиозность, будучи основой фанатичной веры, выполняют деструктивную функцию.

По концепции Вольтера сущностное содержание явления фанатизма - в готовности любым способом отстаивать свои идеи, при которой приемлемыми могут стать даже социальные акты преступной направленности. Приоритетная мотивация фанатика не мораль, а сила.

Как научное понятие «fanaticism» (фанатизм) появилось значительно позже, первым его использовал Ж.- Б. Боссюэ, согласно концепции которого, католичество, отделившееся от Рима и превращенное в национальную религию, представляло официальную систему взглядов для монархической Франции. По

трактовке мыслителя, фанатиками были протестанты, которые полагали, что все их «мечтания» вдохновлены Богом [180]. Поскольку Ж. Боссюэ развивал идею, о том, что основное в религии - это дисциплина, послушание и мораль, именно протестанты были для него фанатиками. Всякое проявление мистического, эмоционального и личного Боссюэ относил к «духовной чуме», ощущение зависимости веры только от Бога для него было неприемлемым. Примордиальным фактором в религии для Ж. Боссюэ - были установленные церковные правила. Согласно его концепции, любой, кто проявлял самостоятельную, независимую от церкви религиозность, проявлял признаки фанатика. В данной трактовке Ж. Боссюэ к категории фанатиков относились все индивиды, не причастные к католической вере.

Природа религиозного фанатизма определяется и в трудах Жермен де Сталь, которая анализирует предпосылки, ход истории и последствия Французской революции. По ее мнению, именно религиозный фанатизм приводит к идейному перегибу и агрессии: «Чистый фанатизм ... заставляет придерживаться крайности во всех идеях» [С.217]. В аспекте исследования представляется важным, что Ж. де Сталь отмечает включенность явления религиозного фанатизма в иное социальное явление, которое она называет «Духом партии» (*L'esprit du parti*).

Изучение природы религиозного фанатизма нашло отражение и в немецкой философии. Г. Гегель в размышлениях о сущности религии не мог избежать и темы фанатизма, который «следует тенью за любой религией» [27,С.180]. Природу феномена фанатизма он называет «разрушительной попыткой к самоубийству» [27,С.180]. Религиозный фанатизм по своей природе противоречив, как считает философ, он разрушает, «наносит удар, ...оскорбляет» для того, чтобы сохранить существующую действительность религии, оградить ее от посягательств [27,С.180].

Неординарную идею об общих чертах становления христианской веры с ее фанатизмом и первых коммунистических общин высказывал Ф. Энгельс. Оценивая процесс становления христианства, он подчеркивает отдаленность от

существующих реалий и исключительно теоретическую основу сущности этого явления, что впоследствии очень сильно напоминало Ф.Энгельсу суть первых коммунистических общин, их излишний энтузиазм, ведомость и легковёрность: «Не было такого вида фанатизма, глупости или мошенничества, который не проник бы в молодые христианские общины. ... И как наши первые коммунистические рабочие общины, так и первые христиане отличались беспримерным легковёрием по отношению ко всему, что им подходило, так что у нас нет даже уверенности в том, не вкрался ли в наш Новый завет тот или иной отрывок из «большого количества писаний», сочиненных для христиан Перегрином» [119, С.25000].

В русской религиозной философии трактовка «религиозного фанатизма» принадлежит В. Розанову. С позиции В.Розанова, «только сильнейшая вера - вера, доведенная до равенства с реальным ощущением» [105,С.864], является религиозным фанатизмом. Поскольку религиозность и религиозная вера основываются на таком категориальном понятии как совесть: все, что касается религиозности человека, непрерывно связано с его образом жизни. В. Розанов определяет прямую зависимость характера религиозного фанатизма от догматических принципов веры: «Вообще, какова вера - таков и ее «фанатизм», белый или черный, плюсовой или минусный. «Фанатизм» человеколюбивой веры заставит всю жизнь отдать состраданию и помощи ближним; «фанатизм» миролюбивой веры заставит новобранцев-рекрутов поломать данные им казенные ружья или закопать их в землю» [105,С.864]. Рассуждая о Православии, мыслитель подчеркивает, что религиозный фанатизм – это патологическое отклонение от здоровой веры: «Полное Православие - совершенно нормальное, без всякого сектантства. Это показывает, что и в сектантстве случаи самоубийства, уже чрезвычайно частые, выросли не на почве нормального Православия, но «фанатичного», горячего, пылкого, равнодушного» [105, С.864].

Трактовать природу фанатика пытался Н.Бердяев. Развивая теорию о ритмичности истории, ученый подчеркивает социальную обусловленность

природы религиозного фанатизма. Так, XX век принес на смену XIX веку времена, «когда преобладает направленность к принудительному единству, к обязательной для всех ортодоксии, к порядку, подавляющему свободу» [15, С.182]. Общество само производит и продуцирует фанатизм. Субъективно-личностная и объективно-социальная природа фанатизма ведет к постоянному его обновлению, воспроизводство фанатизма напрямую зависит от состояния общества. В основе поведения фанатика, по суждениям религиозного философа Н.Бердяева, лежит нетерпимость, которая сродни ревности [15, С.182].

Н.Бердяев дает оценку религиозной природе фанатизма. Будучи посеянным на религиозной почве, фанатизм может трансформироваться и влиять на другие социальные уровни – политические, этнические, культурные. Фанатизмом движет страх, который отождествляется в религии страхом перед дьяволом, а в других измерениях это может быть страх перед конкретным человеком или даже учреждением. Мотивы поведения фанатика, ведомого страхом, асоциальны. Фанатичная вера, по мнению Н. Бердяева – это «отрицательная вера», ее слабость, отсутствие веры [15,С.180].

Развивая идею специфичности природы этого неоднозначного явления, следует выразить согласие с идеей Н. Бердяева о том, что религиозный фанатизм делит мир «на два враждебных лагеря», для него сосуществование разных точек зрения, разных мировоззрений не допустимо. Тот, кто не разделяет мнение фанатика, становится врагом. Такой примитивный подход значительно упрощает процесс борьбы. Это своего рода выбор, который по своей природе является заведомо ложным, поскольку мир многообразен и неограничен. Принцип фанатика к такому упрощению мира философ называет «искусственным взвинчиванием, стилизацией», что, по сути, и является «порождением коллективных внушений и демагогий» [15, С.180-182]. При этом Н. Бердяев подчеркивает, что «современный пафос нетерпимости очень отличается от средневекового: тогда действительно была глубокая вера» [15, С.180-182]. То, что отождествляют с фанатичной верой начала XX века, считает Н.Бердяев, на самом деле является инстинктами и аффектами, это «истина, полезная для организации»,

таким образом, подчеркивая возможность трансформации религиозного фанатизма в социально-политический [15,С.180-182].

XX-XXI века показали, что религиозный фанатизм не прекратил своего существования окончательно, а лишь приобрел новые формы. Более того, многие российские ученые, такие как Ж. Тощенко, М Яхьяев и другие, указывали на то, что феномен религиозного фанатизма может приобретать новый статус в условиях социального и духовного кризиса [137], [174]. Безусловно, повышение культурного и образовательного уровня «способствует преодолению суеверий, умеряет фанатизм и тем самым благотворно влияет на состояние общественной нравственности» [10; С.48]. Однако научный прогресс и распространение знаний и в XX столетии не помешали «этому веку быть самым кровавым в истории человечества и наполненным всякого рода фанатизмом, особенно идеологического свойства», отмечают современные ученые [10; С.48].

П. Концен подчеркивает, что «ни одна эпоха, за исключением XX века, не сомневалась в иллюзии того, что с каждым шагом прогресса человечества связано постепенное «приручение фанатизма» [61,С.18]. В то же время, исторический опыт показал, что наука и прогресс вместо того, чтобы способствовать упразднению этого социально-психологического феномена, парадоксальным образом благоприятствовали проявлениям религиозного фанатизма, явления, которое «пренебрегает идеалами пацифизма и жизни без насилия» [61, С.18].

Как отмечает П. Концен в латинском языке «*fanum*», означало также и «сферу священного», а «*fanatici*» - «одержимые демоническим бешенством, впадающие в священное безумие». По концепции этого ученого фанатизм можно определить как «преувеличенную и патологически притягивающую веру. Мироззрение, ценности, видения, которые человек переживает с некой нездоровой пристрастностью» [61, С.16]. Исходя из данных констатаций, следует, что вера, а для религиозных фанатиков – религиозная вера лежит в основе явления религиозного фанатизма.

В настоящее время термин «религиозный фанатизм» зачастую используется в средствах массовой информации в качестве негативного при оценке конкретных

явлений или действий, выходящих за рамки общепринятых норм. Такое использование термина «религиозный фанатизм» связано с многогранностью его определения.

В дискурсе современной науки существуют различные трактовки этого феномена. В одних из них акцентируется внимание на области применения данного понятия - сфера священного; в других - на оценочное восприятие человеком - фанатиком окружающего мира через призму его идей; в третьих – подчеркивается конфликтогенный потенциал данного феномена; в четвертых – термином обозначается принадлежность к нетрадиционному вероисповеданию в целом.

Традиционно авторы исследований ссылаются на латинское слово «*fanum*» или «*fanaticus*», что в переводе с латинского языка означает «жертвенник» или «храм» [91]. В.И. Даль трактует фанатизм как «изуверство, грубое упорное суеверие; замест веры, преследование разномыслящих именем веры. Фанатик-изувер» [35 С. 686].

В трактовке СЭС фанатизм - (от лат. *fanatismus*), иступленная, доведенная до крайней степени приверженность к каким-либо верованиям или воззрениям, «нетерпимость к любым другим взглядам, например, религиозным». [120, С.1409].

Психологически акцентированная трактовка определения этого феномена дается М. Делейром : «Это введенное в действие суеверие или плод незнания, примитивной души, иррационального или, вернее, предрационального сознания, которое родилось в лесах среди ночной темноты и панических страхов и воздвигло первые языческие храмы» [166, С.26].

Как отмечает А.М. Фойгель, слово «фанатизм» весьма широко употреблялось и в атеистической литературе 20-80 годы. XX-го века, когда религиозными фанатиками объявлялись и Франциск Ассизский, и преподобный Серафим Саровский, и Римский Папа Иоанн Павел II, и священник Александр Мень. По его мнению, слово «фанатик» так же происходит от латинского *Fanum* - храм, жертвенник, фанатик означает «посвященный» [150, С.4].

Наряду с термином «фанатизм» существует и понятие «fanatic – фанатик, изувер». Фанатиком называют человека «до исступления преданного своей религии, вере, какой-нибудь идее или делу» [90, С.839].

В традиционных трактовках этим словом называли священников, служивших в храмах древнеримской богини Кибелы. Кибела, а по другим источникам Кубаба, - богиня плодородия, а впоследствии, мать всех богов – древневосточное, древнегреческое и древнеримское божество. Ее культ зародился в Малой Азии, откуда распространился на Древнюю Грецию и Древний Рим. Кибела – мать не только всех богов, но и всех людей, животных и природы.

В.В. Ким в своей работе, посвященной изучению фанатизма как социального явления, обращается к древним религиозным племенам и также упоминает о том, что «фанатиками называли жрецов фригийской богини Кибелы, культ которой был перенесен из Малой Азии в Рим». Развивая идею специфичности этого культа, ученый утверждает, что именно с этих времен слово «фанатизм» непременно ассоциируется «с его эмоциональным, оценочным восприятием, использование слов «фанатик» и «фанатизм» всегда предполагает некоторое отношение к человеку или явлению» [58].

В ракурсе современных трактовок сущности религиозного фанатизма особый интерес представляет концепция финского ученого Сеппо Канерва, в которой отражена динамика значения понятия «религиозный фанатизм»: «поначалу фанатизм означал глубокое религиозное чувство, религиозное «рвение»; в более поздние времена его значение расширилось и стало включать любой тип односторонней, предубежденной религиозной активности в позитивных целях, безотносительно к последствиям» [53]. Мировоззрение фанатика характеризуется чрезмерной категоричностью, его социальная позиция исходит из следующего тезиса: только точка зрения фанатика является истинной и необходимо донести ее другим, любой ценой. Но при этом очень сложно провести грань между поведением, направленным на сохранение истиной веры, на защиту правоты истины и фанатизмом. С. Канерва является сторонником убеждения о том, что явление фанатизма следует рассматривать как негативный,

разрушительный социальный феномен. Религиозный фанатизм - противоположность терпимости и сдержанности. [53].

В социально-философской трактовке данного феномена М. Яхьяева, акцентирована преимущественная установка религиозного фанатика на восприятие и отношение к «другим», которая почти всегда носит нетерпимый характер. Исследователь определяет религиозный фанатизм, как «отрицание за другими права быть не такими как мы, неприятие иных убеждений, верований, обычаев и ценностей, отсутствие понимания и согласия между «нами» и «другими», в конечном счете, это нарушение разумного соотношения между столкновением и согласованием интересов» [176]. Именно религиозный фанатизм вызывает такие негативные переживания как ненависть и озлобление. Нетерпимость и неприятие мировоззрения других – главное в природе фанатизма. Религиозный фанатизм базируется на убеждении в том, что «иной» всегда является врагом, явным или потенциальным, положиться же можно только на «своего». По мнению М. Яхьяева, религиозный фанатизм – это установка на восприятие отличных от наших качеств другого в духе крайней нетерпимости [176].

В социальной психологии подчеркивается оценочное отношение фанатика к окружающему миру, при котором его активность полностью зависит от приверженности личности к определенным убеждениям и представлениям. Исходя из этого тезиса, социальные психологи определяют фанатизм как «социально-психологический феномен, характеризующий личностную позицию и систему отношений этой личности с референтными группами и группами членства в логике неприятия даже обоснованной, но противоречащей жестким установкам фаната информации». При этом, подчеркивается крайне некритичный подход к своим представлениям и убеждениям, «готовность к жертвенному поведению» при любом характере активности - позитивно нравственной или аморальной [60].

Д.В. Ольшанский номинирует религиозный фанатизм особым феноменом групповой и массовой психологии, связывая это понятие с другими социальными

явлениями такими как, экстремизм, шовинизм, терроризм, фундаментализм. Ученый определяет фанатизм как «особое состояние психики», которое характеризуется «монодеизмом», сужением сознания человека.

Д. Ольшанский подчеркивает, что глубокая вера в свою исключительную правоту, готовность к самопожертвованию, подчинение всего жизненного процесса своей идее, при этом полное отсутствие ощущения совершаемого «подвига» являются характерными признаками этого феномена. По Д.В. Ольшанскому «фанатизм – субъективная форма фундаментализма», при котором привязанность к «основам», «фундаменту» некоторых взглядов, убеждений и ценностей переходит в рамки фанатизма. [91, С.238].

В социальной конфликтологии акцентируется внимание на нескритичности и жертвенности в социальных актах фанатика, фанатизм называют источником «конфликтов между собственно фанатиками и людьми, не разделяющими их взглядов». Религиозный фанатизм признается основой экстремизма и терроризма [7].

Таким образом, понимание сущности религиозного фанатизма нашло отражение в философских концепциях представителей эпохи Просвещения, в русской религиозной философии, в современной социальной психологии. Несмотря на разные подходы, большинство исследователей исходили из определения религиозного фанатизма как крайнего проявления нетерпимости по отношению к иным религиозным убеждениям.

В социологической науке трактовка религиозного фанатизма исходит из понимания его как социокультурного явления. Дифференциация различных социальных групп может осуществляться на разных культурных уровнях, в том числе и на религиозном. Представляется необходимым обратиться к концепции репрезентативной культуры немецкого социолога Ф.Тенбрука, который отмечает тесную взаимосвязь понятий «общество» и «культура», подчеркивая их целостность [128, С.100]. По мнению Ф. Тенбрука, характеризуя тот или иной феномен как социальный или культурный, затрагиваются «различные аспекты одних и тех же явлений, нежели реально разделенные сферы» [128, С.100].

Социология, рассматривая культурные явления, не может рассматривать их с других точек зрения, отличных от общественных: «культура является социальным фактом, так как она репрезентативна, т. е. производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает те убеждения, представления, картины мира, идеи и идеологии, которые влияют на социальное действие, так как активно разделяются или пассивно принимаются» [128,С.101].

Вышеизложенное позволяет констатировать, что культурный контекст при изучении религиозного фанатизма как социального феномена является основополагающим. Однако, как подчеркивают Ж. Тощенко и Л. Митрохин, взаимоотношения культуры и религии крайне сложные и запутанные, в силу того, что многими религиозными деятелями делаются попытки представить религию как «стержень, ядро, сердцевину человеческого общества», которая во многом определяет возможности его существования, перспективы его развития [137], [79]. Такие попытки «поглотить» культуру, подчеркивает Ж. Тощенко, предпринимаются для усиления влияния религии на государство, что в свою очередь вызывает обратную реакцию у деятелей культуры, которые пытаются отторгнуть религиозные ценности. Большая часть духовных и материальных благ создается неверующими людьми, что не может умалять их значения для культурного развития всего социума [137]. Поэтому, в рамках нашей исследовательской работы будем рассматривать религию как часть культуры общества, а религиозный фанатизм как социокультурный феномен, способный оказывать влияние на духовную и социальную стабильность в жизни общества.

В аспекте проблематики нашей работы привлекает внимание и исследование Г. Лебона, который приходит к пониманию того, что «религиозность обуславливается не одним только обожанием какого-нибудь божества; она выражается и тогда, когда все средства ума, подчинение воли, пылкость фанатизма всецело отдаются на службу какому-нибудь делу или существу, которое становится целью и руководителем помыслов и действий толпы» [68]. По его концепции нетерпимость и фанатизм являют собой

«необходимую принадлежность каждого религиозного чувства и неизбежны у тех, кто думает, что обладает секретом земного или вечного блаженства. Эти черты встречаются в каждой группе людей, восстающих во имя какого-нибудь убеждения» [68].

Б. Рассел в своих размышлениях о религиозном фанатизме сформулировал мысль о природе этого явления, связав его с нестабильностью социально-политических условий, что «провоцирует ситуацию, благоприятствующую расцвету фанатизма». [100]. Он считал, что в мире большая часть разрушительных социальных актов основывается на фанатизме и происходит исходя из фанатических побуждений.

Подобного мнения придерживается и немецкий исследователь П. Концен. Он видит историю религиозного фанатизма в ракурсе истории всего человечества: «Радикально верующие всех мастей причиняли в свое время больше зла, чем все подлецы и психопаты вместе взятые» [61, С.13]. Согласно П.Концену, все аспекты человеческой сущности связаны с религиозным фанатизмом. Фанатизм может быть по своей природе сознательным и бессознательным, здоровым и патологическим, рациональным и иррациональным. Его сущность берет начало в глубинах человеческой социальности.

Природа религиозного фанатизма неоднозначна и ученые в попытке детерминировать ее исходили от различных критериев. А.М. Фойгель склонялся к мысли о том, что религиозный фанатизм представляет собой высшую степень религиозности человека, основной характеристикой которой является чрезмерная поглощенность сознания верой. Чрезмерная религиозность, религиозный фанатизм, по мнению А.М. Фойгеля, отличаются стремлением к мистицизму, крайней нетерпимостью и характеризуются крайней асоциальностью [150].

С.Л. Франк подчеркивает специфическую логику рассуждений религиозных фанатиков и своеобразное нерациональное восприятие мира. Ложная идея преобладает над действительностью: «всякий фанатизм сводится к мистической вере, которая дает человеку сознание непогрешимости, непоколебимой уверенности в обладании абсолютной и универсальной истиной, неразложимым

на рациональные мотивы первичным мистическим чувством откровения и прозрения» [154, С.120].

Современный ученый М.Яхъяев подчеркивает «революционный» характер явления религиозного фанатизма, который возникает с желанием изменить существующую реальность. Но при этом, по логике рассуждений этого ученого этот феномен сам разрушает личность, «уничтожает отдельных людей и отдельные элементы социальной реальности», при этом, не меняя социальную систему, а обостряя ее, «доводя до абсурда, и тем самым исчерпывает себя» [176,С.67].

Подобного мнения придерживаются и другие ученые. Так, Ж. Тощенко отмечает, что современный экстремизм и терроризм, деяния которого осуществляют самые ярые религиозные фанатики, лишь «дестабилизирует обстановку, но не решает проблему» [137,С.124]. События последних нескольких лет в России подтверждают абсолютную обоснованность этого высказывания.

Одним из основных факторов сущности религиозного фанатизма является борьба со своей социальной несостоятельностью: «Фанатизм неизбежен только у той личности или общности, которая в отчаянии от своей материальной немощности, от невозможности противопоставить силе противника такую же открытую силу, прибегает к материально доступной ей скрытой борьбе со своим угнетателем и доходит в этой смертельно опасной для него борьбе до игнорирования различия между организацией насилия угнетателя и остальными его представителями», полагает Т. Санаева [108,С.101]. По ее мнению, переломный момент наступает тогда, когда происходит отождествление сил угнетения с общей массой представителей врагов. В этом прочтении справедливая социальная борьба против угнетателей переходит в деструктивный, разрушительный террор, который характеризуется своей крайней нетерпимостью и антигуманностью и, как утверждает Т. Санаева именно на этой ступени, фанатизм, по своей сути, переходит в негативную форму. Не ставя целью критиковать позицию исследователя, мы обращаем внимание на то, что в данном случае прослеживается некая нелогичность суждений, поскольку в данном

контексте речь не идет о защитных характеристиках фанатизма, когда действительно существует переломный момент перехода позитивных его характеристик в негативные. Фанатический терроризм, о котором идет речь в данной ситуации, изначально бесплоден и разрушителен для социума.

Предпринятый в данном параграфе анализ теоретико-методологических подходов, направленный на выявление религиозного фанатизма как социокультурного явления, позволяет сделать некоторые выводы. Как показал анализ трудов зарубежных и отечественных исследователей, природа фанатизма может базироваться не только на непросвещенности и слепой религиозной вере, основой которой является страх и суеверие, а в равной степени на высоком уровне интеллекта в сочетании с нетерпимостью к инакомыслию в благоприятно сложившихся для возникновения фанатизма социально-политических условиях.

Будучи посеянным на религиозной почве, религиозный фанатизм может трансформироваться и влиять на другие социальные уровни. Субъективно-личностная и объективно-социальная природа религиозного фанатизма ведет к постоянному его обновлению, воспроизводство фанатизма напрямую зависит от состояния общества. Чаще всего откровенная абсурдность идей религиозных фанатиков базируется, прежде всего, на теории и исключительной решимости воплотить ее в жизнь. Сущность фанатичного мировоззрения в том, что оно всегда делит мир на две части, игнорируя его многообразие.

Природа религиозного фанатизма всегда социальна и ищет образ врага в конкретных людях. Крайний эгоцентризм фанатика также является одной из его характерных черт.

Таким образом, в структуре исследуемой категории, опираясь на выявленные в ходе исследования социальные признаки сущности религиозного фанатизма, представляется возможным определить его как социокультурный феномен, который основывается на религиозной вере, догмы и степень интенсивности которой, имеют тенденцию к противопоставлению мировоззрения ее последователей другим верованиям или социокультурным концепциям,

вследствие чего возникает категоричное социальное неприятие и приоритетно-негативная модель поведения.

Идейность социальных актов фанатично настроенного индивида характеризует его интолерантное социальное поведение, следствием которого могут стать проявления агрессии и религиозного экстремизма. Природа феномена религиозного фанатизма не претерпевало значительных изменений в ходе прогресса человечества, но при этом предпосылки его возникновения и формы проявления были в непосредственной связи с временными социальными мотивациями.

Предпринятый нами анализ научных источников, посвященных теме религии, религиозной веры, религиозного фанатизма, позволил зафиксировать тенденцию избегать и заменять термин «религиозный фанатизм», (при описании явления, полностью соответствующего сути этого феномена), на термины - «чрезмерная преданность вере» (М.Вебер) [21], «религиозная самоотверженность» (Э.Дюркгейм) [42], «религиозный энтузиазм» (М. Ямпольский) [174], «религиозная патология» (М. Яхьяев) [176].

1.2. Роль религиозности и религиозной веры в формировании фанатичного сознания

Религия во всех формах проявления – сложнейший объект социологического дискурса в силу своей специфичности и субъективности. Анализ научных источников по теме данного исследования дает возможность установить следующую исследовательскую парадигму: феномен религиозного фанатизма не может рассматриваться вне зависимости от двух явлений: религиозности человека и религиозной веры, которые, по сути, являются фундаментальными понятиями, на которых базируется феномен религиозного фанатизма. Одним из подтверждений данного тезиса является то, что история фанатизма неразрывно связана с историей любой религии. Религиозность,

религиозная вера являются собой социальные феномены, которые изучаются социологами как социальные факты, нормы и ценности в реальных системах мировоззрения. Эти явления представляют для ученых интерес в том аспекте, в каком они выступают как движущая сила социально обусловленного поведения, как отдельной личности, так и групп людей. [136,С.291].

В социологии феномен религиозности изучается в тесной взаимосвязи с такими категориями как этнорелигиозная идентичность, воцерковление, конфессиональное самоопределение, религиозная социализация. Существуют различные теоретические и прикладные методы в изучении этого феномена, но при этом сохраняется единство в понимании объекта исследования, которым является образ жизни, самоидентификация и социальное поведение верующего человека.

Как отмечает Ж.Т. Тощенко, возникновение религиозных учений, всплески и угасание религиозности людей обусловлены определенными общественными условиями прошлого и настоящего. Любой опыт человеческих отношений, который был пережит на протяжении многих веков, отражен « в религиозных представлениях, образах, вероучительных текстах». Любые типы социальных отношений актуализируются и трактуются в различных религиозных учениях вариативно [136,С.292]. Согласно данному тезису нельзя рассматривать феномены, основанные на религиозной вере и религиозности, вне общества в каком-то «изолированном, самодостаточном» состоянии» [136,С.292]. Религиозность является частью общественной структуры, «переплетаясь и взаимодействуя с другими сферами и формами жизнедеятельности общества»[136,С.292]. Религиозность людей может оказывать либо большее, либо меньшее влияние на политику, экономику, общественную мораль.

Кроме того, нельзя отрицать аксиомы о том, что существует огромное влияние религии на формирование культурных ценностей общества. Многие ученые сходятся во мнении о том, что культурные истоки складывались веками под воздействием разного рода религиозных традиций, обычаев, верований. По утверждению Ж. Тощенко, «спор об исходных корнях любой культуры абсолютно

иррационален: культура человечества, почти всех народов во многом складывалась в рамках религиозных культов» [137, С.453].

Проблематика и актуальность исследования включают в себя необходимость рассматривать социальную дифференциацию культуры и религии, что позволяет трактовать феномены религиозности и религиозного фанатизма в тесной взаимосвязи, как социокультурные феномены, возникающие на почве религиозной веры в рамках определенной культуры. Так, например, американский ученый Д. Наэм отмечает существующую в социальной реальности тенденцию, когда влияние культуры на разум человека, на состояние и здоровье общества имеет деструктивную направленность: «...культура, прославляющая жестокость, насилие, порнографию, безнадежность, ничтожность человеческой личности, подавляет человеческий разум» [82, С.85].

Возвращаясь к истокам социологической науки, представляется логичным, что первые рассуждения западных социологов о религиозном фанатизме, несмотря на различные подходы к этому явлению, являли собой социальные концепции, затрагивающие такие понятия как «вера», «религиозность», «дух». Так, М Вебер, который одним из первых начал рассматривать религию как социальный феномен, считал, что религиозность является мотивом, побудительной силой на пути овладения миром, в ходе которого люди совершают определенные социальные действия [21, С.135-138]. По концепции Вебера, наука, развиваясь, постепенно оттесняет традиционные религии и дает простор для развития нетрадиционной религиозности, в рамках которой чаще всего проявляет себя религиозный фанатизм.

Г. Гегель указывал на то, что в определенных условиях религиозность может перерасти в религиозный фанатизм, как ответная реакция на угрозу религиозным верованиям и культурным ценностям. «Фанатизм ... есть и у иудеев, но он обнаруживается только в том случае, если опасность грозит их владению, их религии; он тогда обнаруживается, потому что только одна эта цель является совершенно исключавшей и не допускает никакого опосредования, общности, никакой общей направленности с чем-то другим» [27, С.106]. Следует отметить,

что данная точка зрения разделялась Ф. Ницше, который полагал, что нетерпимость христианства была обусловлена посягательствами других вероучений [85].

Л. Фейербах развивал теорию о том, что основой религии и религиозности является необходимость человека зависеть от чего-либо: «в первоначальном смысле природа и есть предмет этого чувства зависимости» [143,С.421-423]. Проявления религиозности ученый называет «боязливым духом», «невежественностью и необразованностью ума». Именно эта невежественность, по мнению ученого, приводила чрезмерную религиозность в фанатичное сознание. Чувство зависимости, подчинения идее, наставнику, общине является основополагающим для религиозных фанатиков [143,С.421-489].

По теории о тождестве религиозного и социального Э. Дюркгейма любая религиозная система имеет черты первобытного общества. Ученый рассматривал культурное выражение любой человеческой потребности через «самые варварские или диковинные обряды, самые странные мифы» и подчеркивал их социальную направленность [42,С. 35-69]. Рассматривая религию, как разновидность социального действия, Э. Дюркгейм считал, что уровень соотнесенности религии с социальным в том, что религиозный культурный ритуал способствует укреплению солидарности, а общий объект веры может укрепить моральную общность. В зависимости от характера и интенсивности религиозность может принимать самые различные формы.

Ф.Ницше называет религиозный фанатизм, «заболеванием воли», опорой для людей лишенных способностей повелевать самим и стремящихся к тем, кто управляет ими, некоторые абсурдные, по его мнению, религиозные догматы. Религиозность как социокультурный феномен имеет свои характерные особенности – она алогична, иррациональна, имеет «свою непосредственность и здоровую наивность» [184,С.18-19]. Представляет интерес то, что в данном случае объективность и субъективность, в виде противоречащих друг другу точек зрения, таких как, вера в сверхъестественные силы, вера в религиозные догмы,

иногда весьма сомнительные, и научные знания и опыт могут сосуществовать в социальном мироощущении.

В концепциях российских исследователей – социологов, социальных философов, феномен религиозности и религиозной веры рассматривается как элемент мировоззрения человека.

Л. Карсавин понимает под религиозностью способность человека верить во что-либо. Вера представляет совокупность законов и догм, которые человек принимает за истину, религиозность предшествует понятию «вера». Причем ученый подчеркивает, что важно не то, во что верит человек, а имеет ли он эту способность вообще, как он верит, каково при этом его эмоциональное состояние. «Религиозность включает в себя живые и творческие (т. е. развивающиеся) элементы веры» [57, С.23]. По концепции Л. Карсавина, вера является движущей силой в жизни человека, от которой зависит его поведение, мироощущение «в разнообразнейших сочетаниях с другими сторонами его бытия» [57, С.23].

Основа религиозности концентрируется в отношениях между Богом и человеком или наоборот. В зависимости от типа религий отношения могут центрироваться и на других вариантах. « В развитых религиозных системах личность может представать в различных типах – «святой», «юродивый», «оглашенный», «аскет», «отшельник» и т.д., а в обыденной жизни – «верующий», «фанатик», «колеблющийся», «личность с превалирующей религиозной ориентацией» или «с подчиненной» [57, С.248]. В ходе приобретения социального опыта в определенных условиях религиозной среды религиозные качества интегрируются в повседневную жизнь [169, С.248].

И. Ильин, полагает, что феномен религиозности представляет область сознания личностных чувств, ощущений и знаний человека, которую достаточно проблематично изучать, так как это предельно интимная и сугубо индивидуальная тема [48, С.25]. Тема религиозности, по мнению Ильина, настолько многогранна, что достаточно трудно найти четкие определения, дефиниции и характеристики, поскольку «между верой и неверием, между религиозностью и безбожием существует множество своеобразных промежуточных состояний, где человек

пребывает в нерешительности, неуверенности, сомнениях, колебаниях, раздвоенности и откуда он приходит или к подлинной вере, или к окончательному очерствению» [48,С.25]. Внешние признаки религиозности человека, могут, по сути, не отражать его неверия, и наоборот, словесное отрицание религиозной веры, может скрывать глубокое религиозное чувство. По убеждению И. Ильина, главный признак религиозности – целостность. Религиозный человек не способен отказаться от своих взглядов, какими бы сложными не были обстоятельства его жизни и какими бы не были требования изменить его идеи. Нельзя считать религиозным человека только потому, что он молится. В религии, как впрочем, и во многих других явлениях, внешнее не является определяющим сути.

В социологии существуют несколько определений и классификаций типов религиозности. Понятие «религиозность» трактуется учеными по-разному. Д.М. Угринович рассматривает религиозность как воздействие на сознание и поведение отдельных индивидов, а также социальных и демографических групп [140]. И.Н. Яблоков трактует религиозность как «качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений» [169,С.248]. Ж.Т. Тощенко называет религиозностью определенное состояние отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему, их приверженность к религии, принятие ее вероучений и предписаний [137,С.351]. Несмотря на различные определения данной категории, общей связующей социологических исследований религиозности, их общим признаком и критерием является религиозная вера, «которая включает знание и принятие в качестве истинных религиозных идей, представлений, понятий, повествований и уверенность в существовании гипостазированных существ, атрибутизированных свойств и связей» [169,С.248]. Исходя из сказанного, будем трактовать религиозность как социокультурный феномен, определяющий степень влияния религиозной веры на социальные процессы и тенденции, на социальные группы и отдельных индивидов.

В науке предлагается несколько концепций определения критериев религиозности, основные из которых – классическая, постклассическая,

современные теории. Следует отметить то, что систематическая научная рефлексия о религиозности, как социальном феномене, опирается на развитие философской науки эпохи Просвещения, поскольку предшествующая эпоха «в целом характеризуется господством религии в общественных отношениях, культуре, в сознании и образе жизни людей. При определяющей роли религиозных институтов и умонастроений, для нее относительно мало актуальна рефлексия социального плана» [67,С.87]. Исходя из этого, можно утверждать, что впервые проблема религии как фундаментальной реальности и части социальной жизни анализировалась именно в период эпохи Просвещения.

Именно классической концепции, развитой представителями Просвещения, придерживаются ученые, которые выделяют следующие моменты при определении религиозности. Первостепенным подходом определения религиозности является доказательство религиозной позиции субъекта, выражающиеся в регулярных культовых действиях, таких как посещение храма, соблюдение постов, выполнение религиозных обрядов. Не менее важным является и следующий критерий – это комплексность религиозности, которая выражается «в строгом соблюдении канонической чистоты и полноты образа действий и образа мысли, предписываемого той или иной религиозной традицией» [94]. В данном случае религиозная самоидентификация не имеет большого значения.

В постклассической концепции акцентируется внимание на особенностях конкретной религии. В данном случае, наоборот, религиозная самоидентификация имеет первостепенное значение. Кроме того, человек, который причисляет себя к той или иной религии, необязательно должен быть «религиозно грамотным» [94]. Так, например, в этой связи, если человек не причисляет себя к какой-либо иной конфессии, не позиционирует себя атеистом, называет себя православным, значит, его следует считать членом Православной Церкви. Соответственно, даже «вопиющая религиозная безграмотность... не может служить основанием, чтобы отказывать людям в праве именовать себя православными, если они так себя определяют» [116,С.95].

Проблема изучения религиозности состоит в том, что данный феномен «представляет собой латентную (неизмеряемую напрямую) характеристику, что влечет необходимость подбора адекватных индикаторов, в которых она проявляется» [98,С.269]. Современные теории развивают идеи социализирующих функций религиозности и основываются в большинстве своем на теории Чарльза Глока, который, внес значительный вклад в продвижение социологической науки, применив многомерный подход к изучению религии и религиозности. Ч. Глок в соавторстве с Р. Старком, детализировал пять «индикаторов» религиозности [182]:

- 1) вера (принятие доктрин);
- 2) практика (ритуальная и молитвенная);
- 3) опыт (например, общение с Богом);
- 4) знание (прежде всего, религиозной культуры);
- 5) результат (образ жизни)

Д. Фолкнер и Г. де Йонг, опираясь на теоретические идеи этих американских социологов, построили и протестировали шкалы для эмпирического измерения религиозности, которые были впоследствии использованы и усовершенствованы Луи Гуттманом. Границы нашего исследования не предполагают подробного анализа этих концепций. Данные эмпирические подходы были использованы в практической части автором диссертационного исследования для достижения цели работы. Отметим также ряд социологических исследований, посвященных особенностям религиозности различных конфессий, основанные на применении подобных эмпирических методик: В.Ф. Чесноковой [165] - изучавшей процесс воцерковления в православии, Г.А. Сабировой – религиозная социализация в исламе [106], Ю.А. Чернышом – религиозность старообрядческих общин [164].

«Знание религиозной культуры», как это называют Р. Старк и Ч. Глок [182], или «степень информированности индивида о вероучении», как это называет Г. Панкратова [94], зависит от возможного сочетания религиозной, в том числе и фанатичной веры и незнания догматов, или наоборот – знания догматов, но

неверия в них. Религиозная вера и религиозный опыт – это критерии, которые взаимосвязаны. Г. Панкратова трактует религиозный опыт как одно из проявлений религиозной веры в виде различных экстатических состояний человека, мистических переживаний. Интенсивность религиозной веры основывается на том, насколько верующий уверен в истинности религиозных догматов, испытывает ли он сомнения в их истинности. «Интенсивность веры находит свое отражение и субъективно определяется, прежде всего, глубиной и яркостью религиозных чувств и переживаний, испытываемых индивидом. Она также реализуется в поведении индивида — частоте посещения богослужений, молитв и прочего» [94]. В данном случае интенсивность веры может выявляться не только при помощи различных социологических опросов, но в ходе изучения поведения верующего, а также хорошим индикатором является уровень его толерантности по отношению к другим людям. Современные социологи определяют типы религиозной идентичности от нулевой до фанатичной [114]. Это социальный критерий, отражающий, по сути, степень религиозности респондентов.

Учитывая имеющиеся в науке концепции, следует отметить, что изучение религиозности – процесс сложный и требует комплексного подхода. В существующем множестве теорий (которые зачастую противоречат друг другу), за основу берутся самые различные параметры. В зависимости от этого внимание исследователей акцентируется на вариативных характеристиках. Так, например, О. Бреская [18], рассматривая социологические аспекты в изучении феномена религиозности в контексте существующих в науке теорий, попыталась охватить самые различные критерии, характеризующие данное явление, лишив свое исследование логической последовательности. Кроме того, одним из основных факторов, которые должны учитываться при проведении исследований являются и сами догматические принципы веры: например, не всегда критерии, подходящие для изучения христианства, будут реально характеризовать положение религиозности в исламе и наоборот. Для объективного и системного исследования религиозности представляется целесообразным использовать

следующую терминологию, которая, как мы полагаем, отражает суть изучаемого феномена и дает основную его парадигму: показатель религиозности, степень или интенсивность религиозности и типы религиозности.

Показателем религиозности, по трактовке И.Н. Яблокова, является религиозное поведение, которое может выражаться в различных характеристиках: в действиях во время богослужения, выполнении религиозных обрядов, соблюдения традиций, в пропаганде религии. Под степенью религиозности И.Яблоков понимает «определенный уровень интенсивности религиозных свойств индивида и группы» [169]. Ж. Тощенко считает этот критерий значимой характеристикой и рассматривает проявления степени религиозности в сильной/слабой вере в Бога, в сверхъестественное, в регулярности посещения богослужений. Ученый акцентирует внимание на том, что при одинаковом уровне религиозности, может проявляться различная степень интенсивности. Типами религиозности являются «понятия, которые отражают определенный ее характер, общий для некоторого числа людей, и на этой основе выделяют соответствующие классификационные группы» [137]. Кроме того существует в социологических исследованиях и такой термин, как «критерий религиозности», который характеризуется тремя основными признаками:

- терминальным характером религиозной веры;
- положительной самоидентификацией субъекта в отношении религии;
- положительной самоидентификацией субъекта в отношении к конкретной конфессии [117].

В логике рассмотрения теоретических контекстов диссертационного исследования, нам представляется наиболее приемлемой концепция Ю.Синелиной, которая проанализировав существующие социологические теории, выделяет и анализирует пять методологических подходов измерения религиозности по ее показателям.

1. *Методика показателей самоидентификации.*
2. *Методика показателей религиозного сознания.*
3. *Методика показателей религиозного поведения.*

4. *Методика сочетания показателей религиозного сознания и поведения.*

5. *Методика показателей экспертных оценок.*

Наиболее применимым показателем *самоидентификации* является соотнесение респондентом себя к определенной конфессии или религиозной группе. При этом подчеркивается, что существует проблемная зона в виде «колеблющихся» респондентов или назвавших себя, например «христианами», обобщая христианскую веру в целом. В данном контексте требуются дополнительные индикаторы для более точной детерминации религиозной идентификации респондентов [117].

Главным в методиках показателей *религиозного сознания* является вера респондента в Бога или в существование сверхъестественных сил. В аспекте предлагаемых методик используется большое количество «индикаторов религиозного отнесения религиозной веры к основополагающим жизненным ценностям» [117].

Методики *религиозного поведения* основываются на соблюдении «религиозных предписаний» [117]. Именно эту методику использовала за основу своего исследования В. Чеснокова для изучения «воцерквления» в современном православии. Основой методики В. Чесноковой является выявление индекса погруженности в православную веру, который основывается на пяти индикаторах образа жизни религиозных людей: «посещении храма, исповеди и причастия, чтения Евангелия, молитвы, поста» [117]. По мнению Ю. Синелиной, методы шкалирования и методы измерения религиозности зависят от содержания религиозного учения. В данном случае методика В. Чесноковой является одной из самых достоверных для измерения степени религиозности православного населения, но не применима по отношению к другим религиозным учениям. Неоднократно этим методом пользовались и в ИСПИ РАН для изучения мнения респондентов по вопросам, связанным с Православием [117].

Самым надежным инструментом измерения религиозности, по мнению Ю. Синелиной, являются методики сочетания показателей *религиозного сознания и поведения*. Но при этом, существует сложность его использования «в выборе

оптимального набора индикаторов религиозного сознания и поведения» [117], поскольку недостаточное количество может поставить под сомнение истинность исследования, а большое «не даст адекватной наполняемости мировоззренческих групп» [117].

Как подтверждают исследования, в некоторых опросах можно воспользоваться методиками *показателей «экспертных оценок»*. Так, например, предпринимались попытки исследовать взаимосвязь «религиозности населения и уровня экономического развития страны» [117], которые привели к самым противоречивым результатам в зависимости от государства, в которой проводилось социологическое изучение.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет подчеркнуть очевидную связь таких феноменов как «религиозная вера», «религиозность» и «религиозный фанатизм», который мы, следуя современным социологическим концепциям, будем рассматривать как крайнюю степень проявления религиозности и интенсивности религиозной веры, который в некоторых теориях называют типом религиозной идентичности

Иное понимание содержится в размышлениях Р.К. Омельчука, который выражает свое полное несогласие со сложившейся тенденцией связывать между собой эти понятия. «Сущность веры – человечность, а потому агрессивность, уничижительность и рабская покорность фанатика, слепо подчиняющегося авторитету, совершенно несовместимы с верой, предполагающей стремление к совершенству, гармонии, устойчивости» [92,С.25-34]. По его мнению, распространенное в последнее время в науке определение религиозного фанатизма в качестве полной поглощенности какой-нибудь идеей, мировоззрением, религией или «крайней степени приверженности делу, идеологии» является некорректным, поскольку, как считает Р.К. Омельчук, «именно в такой интерпретации понятия фанатизма и веры могут рассматриваться как тождественные, что совершенно не соответствует действительности» [93,С.25-34]. Диссертант склонен не согласиться с такой постановкой вопроса,

поскольку речь не идет об отождествлении этих двух понятий, подчеркивается лишь существующая бесспорная научная взаимосвязь этих феноменов.

К подобному умозаключению о тесной взаимосвязи явления фанатизма и веры приходит и Г.В. Залевский, который считает, что «фанатизм выходит на авансцену истории в эпохи, во-первых, упадка живой веры и кризиса религиозного мирозерцания, во-вторых, в моменты смены духовных ориентиров, когда большинство верующих, в том числе за пределами религиозной веры, крайне слабо представляют, во что они верят или должны верить, и наконец, в те периоды, когда в жизни общества вообще начинает преобладать новое» [44, С.67].

Классификация типов религиозности может определяться различными подходами. Проявление крайней религиозности, возникновение фанатичного сознания может иметь различные выходы в зависимости от социального типа личности, от его социальной мобильности. Следует учитывать «настрой», в силу которого возникает религиозность. Важным является «ситуативный настрой», представляющий из себя мобильное, подвижное «образование». Характерной, «константной» особенностью «ситуативного настроения» является связь с общей системой жизненных взглядов, убеждений и мировоззрения личности. Данный «константный настрой» связан с определенным социальным типом личности [71, С.20]. К устойчивым факторам относятся «сложившееся мировоззрение, цельность убеждений, критичность, уравновешенность». К числу факторов неустойчивости можно причислить несложившееся отношение к миру, несформированность убеждений, ведомость, неуравновешенное состояние, невысокая самокритичность [96, С.152].

В социологии существует многообразие подходов к классификации типов религиозности. В религиозной философии первая концепция типологии религиозности принадлежит Л. Карсавину [57]. Выявляя различные типы религиозности, Л. Карсавин выделяет, прежде всего, религиозность, свойственную русским людям. Формирование религиозности происходит в силу различных факторов: исторических, политических, социальных. Говоря о

феномене русской религиозности, Л. Карсавин связывает данное явление с особенностями существующей в России ментальности и особой конфессиональной спецификой православных людей. Р. Масси также выделяет особенные социокультурные свойства православных людей: «В России гораздо меньше, чем на практическом Западе, интересуются, отчего происходит то или иное явление, как сделать, чтобы оно повторилось – или не повторилось – вновь. Случаются несчастья, и русские примиряются с ними; издаются законы и русские им подчиняются. И эта покорность - совсем не тупая, а скорее проистекающая от сознания неизбежности естественного хода жизни» [78, С.92]. Л. Карсавин называет это «соборной» религиозностью русских как отдельной нации.

Множество индивидуальностей, которые составляют «соборную» русскую религиозность, Л. Карсавин подразделяет на несколько типов: византийский, евангелистский, секулярный и маргинальный [57].

Люди в процессе социализации склонны менять свои взгляды, устои, мировоззренческие позиции в силу разных причин как личного, так и социального плана. Исходя из данного утверждения, можно предположить, что три первых типа религиозности в чистом виде встречаются реже, нежели, маргинальный тип религиозности. Г.Сухдео писал, что «общество так богато альтернативами, а люди вынуждены так много из чего выбирать, что часто не способны эффективно принять собственные решения. Они хотят, чтобы другие решали за них, а они будут следовать за ними. Часто люди готовы существенно ограничить свою свободу, лишь бы принести какую-то определенность в свою жизнь» [126].

Современные концепции типов религиозности охватывают достаточно широкий диапазон и отличаются вариативностью терминологии и подходов. Так, например, П. Гуревич различает религиозность двух типов. Первая – «традиционная» или «институциональная». Ученый определяет эту религиозность как рутинную, повседневную. Тот, кто разделяет ее, обычно «непрерывно принадлежит какой-нибудь церкви, соблюдает обряды, высоко ценит традиционализм, деятельность в религиозной общине» [34, С.30].

Иначе ведут себя приверженцы «нетрадиционной», «неинституционной» религиозности. Они не разделяют традиционных религиозных догматов, не посещают церкви. Как указывает П. Гуревич, «им присуща меньшая ортодоксальность, большая свобода в выборе конкретных верований, религиозные искания» [34,С.31]. Позиционируя себя вне традиционной церкви, «они предались поискам религиозных форм, носящих фанатический и экстатический характер» [34,С.31]. «Неинституционная религиозность» существует, по словам Гуревича под различными ярлыками. В литературе как научной, так и публицистической, затрагивающей тему современной религиозности и религиозного фанатизма, используется самая различная терминология, которая, по сути, не всегда сопряжена с религиозной направленностью: «эзотерическая культура»; «светский гуманизм»; «внеисповедная религиозность». П.С.Гуревич, считает, что все перечисленные определения не отражают в полной мере характер «неинституционной религиозности» и наиболее удачным видит выражение «нетрадиционная религиозность». В рамках изучения религиозного фанатизма, именно этот тип религиозности представляет для нас особый интерес.

Сравнительный анализ научной и публицистической литературы показал, что понятие «нетрадиционная религиозность» ассоциируют чаще всего с термином «деструктивные культы», что вызывает немало споров у социологов. Исследователи с осторожностью относятся к этому термину, поскольку он априори содержит в себе негативный оценочный смысл, хотя чаще всего используется для дефиниции религиозных организаций, основополагающихся именно на «нетрадиционной религиозности». Так, И. Кантеров предостерегает от использования этого термина в связи с его крайней субъективностью и некорректным отражением сути новых религиозных организаций. Он также высказывается против использования термина «тоталитарная секта», который часто используется как синоним понятия «деструктивный культ». И. Кантеров поднимает одну из важнейших проблем корректного наименования того или иного религиозного учения: «... типологизация (классификация) религий — дело

не только сложное, но весьма ответственное. Ведь не только в далеком прошлом, но и в наши дни причисление конкретной группы или организации верующих к категории, носящей негативный оттенок, порождает дискриминацию и даже преследования» [56].

Тем не менее, некоторые ученые широко используют термин «деструктивные культы» для номинации организаций, применяющих социальные «техники манипулирования для вербовки». Такие организации пытаются осуществлять «тотальный контроль мыслей, чувств и поведения своих приверженцев с целью удовлетворения интересов лидеров и группы» [23,С.87-93]. Современные тенденции таковы, что подобные организации используют в основном религиозное прикрытие, «но есть политические, коммерческие, псевдотерапевтические, восточные медитационные и даже группы по избавлению от алкоголя и наркотиков, в которых одна форма зависимости просто заменяется другой» [23,С.87-93].

Учитывая, что проблема религиозного фанатизма и религиозности является одной из самых деликатных в социологической науке, в данной работе для обозначения религиозных организаций, проповедующих нетрадиционной религиозные учения, будем использовать термин, предложенный И.Кантеровым, «новые религиозные движения», поскольку на сегодняшний день он видится нам наиболее приемлемым [56].

В настоящее время идет интенсивный процесс поиска параметров религиозности, которые приводят к разным типологиям этого явления. Происходит акцентирование внимания на различных характеристиках религиозности. Так, Л.Титаренко, разделяя точку зрения П. Гуревича и дополняя ее в терминологическом плане, выделяет типы - «церковная», «институциональная», «традиционная» / «внецерковная», «неинституциональная», «нетрадиционная» [129]. Л. Новикова классифицирует тип религиозности на «религиозный» - «квазирелигиозный» - «колеблющийся» - «безрелигиозный» [88], позднее выделяя также «церковно-ориентированный» тип религиозности - тип религиозности, «ориентированный на секту». И. Налетов

выделяет типы - «настоящие», «традиционные верующие» / «новые верующие» [80]. Ж.Т. Тощенко, анализируя типы религиозности в зависимости от качества религиозности, отмечает, что под воздействием динамичности религиозной ситуации стала проявлять себя и категория «примкнувших» к вере под воздействием новых веяний времени. Исходя из того, что понятие «верующий» на данном этапе развития общества «становится все более «нормальным», уважаемым, а слово «атеист» - сомнительным, спорным» происходит следующий процесс: атеизм постепенно освобождается от тех, кто примыкал к нему формально, а вера «замутняется» из-за тех, кто стал верующим не искренне, а из-за социальных тенденций [137,С.359]. Поэтому достаточно сложно детерминировать четкие границы типов религиозности по причине множественных переходных состояний.

В структуре исследуемой категории «религиозности» представляется целесообразным выделить еще несколько типологий:

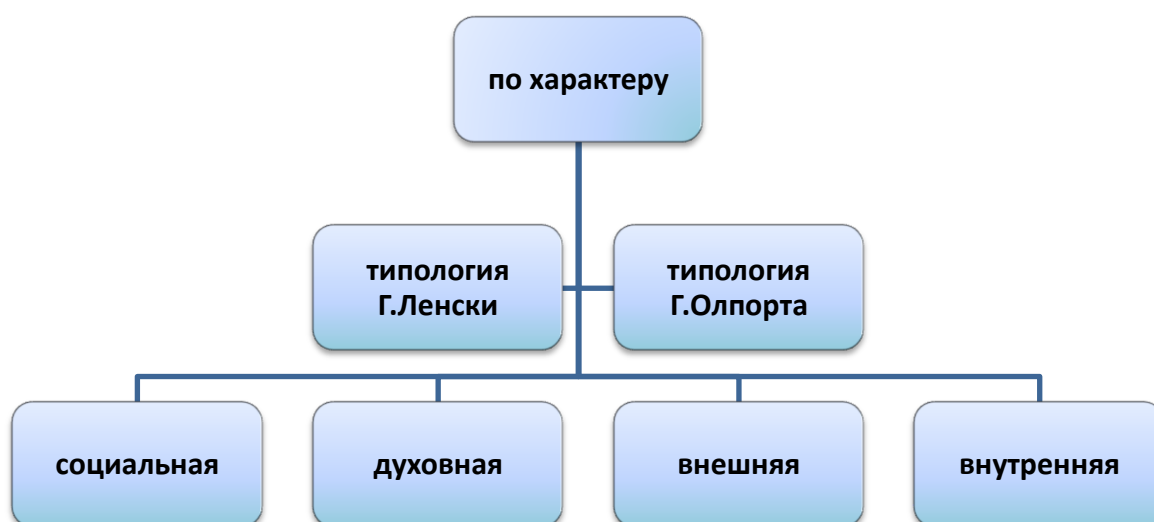

Рис.1.2.1. Типология Г.Ленски и Г. Олпорта по характеру религиозности.

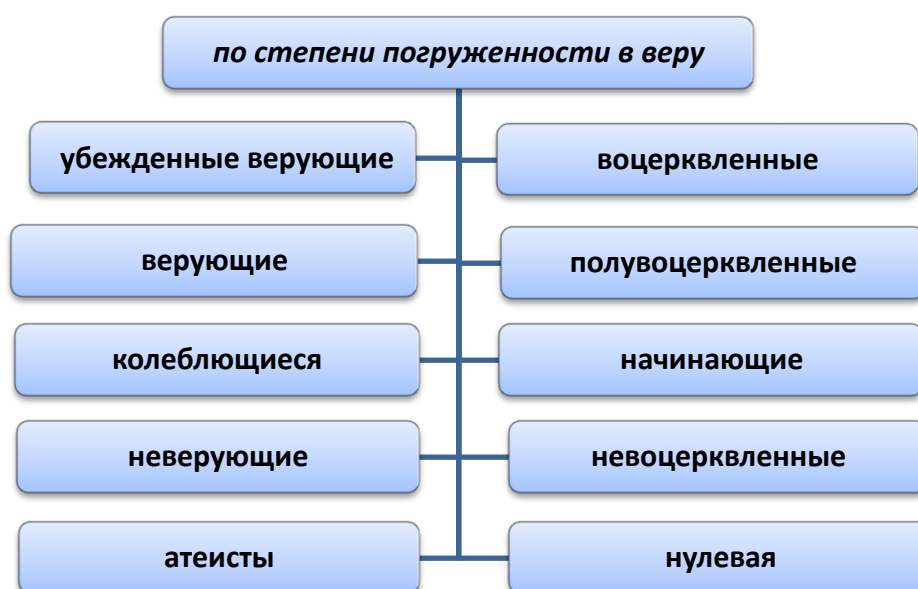

Рис.1.2.2. Типология религиозности Д.Угриновича (слева) и В.Чесноковой (справа) по степени погруженности в веру.

Сравнительный анализ данных типологий позволяет констатировать, что в классификациях Г.Ленски и Г. Олпорта при использовании различной терминологии сущностное содержание разновидностей религиозности идентичное. Так, приверженцы *социальной* и *внешней* религиозности характеризуется «приверженностью к одобряемой социальной установке, определяемой моде, их религиозность в меньше степени связана с осознанными внутренними духовными потребностями» [94]. *Духовная* и *внутренняя* религиозность представляет ценностные ориентиры, состояние мировоззрения индивида.

Перекликаются и типологии Д.Угриновича [140] и В. Чесноковой [165], которые выделяют промежуточные состояния религиозности. Теория В. Чесноковой специфична, исходя из того фактора, что может использоваться в первичном виде лишь применительно к православию.

В целом предпринятый анализ концептуальных подходов к исследованию феноменов религиозности и религиозной веры с точки зрения предпосылок формирования религиозного фанатизма позволяет сделать следующие выводы:

Феномен религиозного фанатизма не может рассматриваться вне зависимости от двух явлений: религиозности человека и религиозной веры,

которые, по сути, являются фундаментальными понятиями, на которых базируется и с которыми тесно связан феномен религиозного фанатизма.

Существует несколько концепций определения критериев религиозности. Формирование религиозности у индивида, также как и любого социально-психологического феномена, может происходить в силу многих факторов: исторических, социальных, политических, психологических, а также частного характера. Религиозность личности в равной степени феномен социальный, как и психологический. Существует множество критериев, отражающих суть изучаемого феномена: показатель религиозности, степень или интенсивность религиозности и типы религиозности. В зависимости от состояния степени религиозности или религиозной идентичности будут проявляться и вспышки религиозного фанатизма.

Типы религиозности специфичны в зависимости от применяемых подходов, методов измерения, шкал, от специфики религиозного учения. Нашему исследованию наиболее приемлема следующая типология религиозности: *традиционная/нетрадиционная*, внутри которой рассматриваются категории *верующих – неверующих – колеблющихся*, представляющая особый интерес в рамках изучения религиозного фанатизма, которую мы считаем наиболее универсальной, применительно различным религиозным учениям.

Теоретическое осмысление данной проблемы позволяет нам сделать вывод: религиозность переходит грань неопасной своей формы в крайнюю и социально опасную – религиозный фанатизм - в такой ситуации, когда религиозность индивида или группы переходя в активное социальное явление, начинает вторгаться и негативно воздействовать на убеждения других верующих людей.

1.3. Социокультурные истоки возникновения религиозного фанатизма.

Истоки возникновения фанатизма как социокультурного явления многогранны и обнаруживают общие границы исследовательских полей социологов, философов, политиков. Но есть все основания утверждать, что благоприятной ситуацией для возникновения феномена религиозного фанатизма

является *кризисная*, будь то кризис цивилизаций, государственно - политический, экономический, культурный или относящийся к одному индивиду - личностный. Современный мир испытывает глубокий духовный кризис в процессе происходящих глобализационных изменений и одновременного сопротивления им. Все это происходит на фоне накопившихся за долгий исторический промежуток существования религий их взаимных противоречий и неприятия. Таким образом, исследуя причины возникновения религиозного фанатизма как социокультурного феномена, представляется необходимым проанализировать социокультурные истоки возникновения этого феномена.

Истоки фанатизма имеют глубокие корни. Проявление фанатизма на современном этапе не только в России, но во всем мире можно назвать «ренессансом» этого феномена [137].

Анализируя причины религиозных войн в истории человечества, которые были начаты религиозными фанатиками, Ф.Вольтер отмечает, что порождены они суеверием, которое противостоит «чистому поклонению» [24]. *Крайности в вере и ее отрицание*, что также является следствием суеверия, неумеренность в вере приводят к религиозному фанатизму, агрессии и уничтожению целых народов.

Д. Дидро, рассуждая о христианстве, подчеркивает: «Христианская религия по своему устройству нетерпима. Всюду, где она господствует, она не допускает существования других религий, она предлагает своим приверженцам символ веры, содержащий много неясных догм, она неизбежно заставляет умы делиться на секты, каждая из которых изменяет этот символ веры по своему вкусу» [48, С.118]. Христианство ревностно защищало свои догмы и преследовало тех, кто посягал на них с целью сохранения чистоты религии, полагает Д. Дидро [48,С.118]. В отличие от традиционного христианства язычество изначально делилось на секты, которые были достаточно терпимы по отношению друг к другу, что позволило избежать многих кровопролитных войн. Данные высказывания выявляют предпосылки возникновения религиозного фанатизма в определенные моменты угрозы религиям с целью сохранить существующие догмы и идеалы, связывая их с *мнимой или действительной опасностью*.

П. Гольбах в своих трудах поднимает проблему *негативной роли «духовных вождей»*, утверждая то, что зачастую люди становятся ведомыми, благодаря тому, что слепо следуют религиозным предписаниям, догмам, правилам поведения, которые им навязывают их наставники [30,С.12].

Анализируя истоки возникновения религиозного фанатизма, М.Вебер, одним из первых в социологии, называет: *использование религиозного рвения людей для достижения идеологических и прагматических целей*. Такое сплетение религии и политики происходило во время становления практически каждого религиозного учения. Духовные власти используют свое влияние на верующих для того, чтобы повлиять и на их политические убеждения.

При этом М. Вебер отмечает, что оптимальными условиями для возникновения религиозного фанатизма и повышения религиозности являлась городская среда, обосновывая это тем, что «раннехристианская община предполагает наличие ряда явлений, таких, как разрушение границ между родами, понятие должности, восприятие общины как «института», служащего объективным целям корпоративного образования, которое она, в свою очередь, усиливает, а впоследствии способствует его рецепции в городах европейского средневековья» [21,С.140]. Следует отметить, что и в других временных рамках вспышки возникновения сектантства и религиозного фанатизма в основном случались в городских условиях жизни, но при этом, религиозные культы, сформировав свою идеологию и иерархию, могли позже создавать целые поселения, отдаляясь от городской цивилизации.

Несмотря на то, что в социологии в большинстве случаев религиозный фанатизм позиционируется как социально опасное негативное явление, нельзя не отметить, что существует некая позитивная характеристика этого неоднозначного феномена, о которой уже упоминалось выше, раскрывающая суть предпосылок его возникновения. Так, Ф.Ницше, анализируя причины возникновения фанатизма, приходит к мнению о том, что фанатизм может выполнять *защитную функцию идеологии общества*. Анализируя позицию греческих философов, Ф.Ницше оправдывает фанатизм, с которым они отстаивали свои идеи. Сократ и

его соратники не могли быть толерантными, так как ярость и неистовство, с которыми они отстаивали свои убеждения, были последним средством, чтобы защитить их: «Фанатизм, с которым все греческие помыслы набрасываются на разумность, выдает бедственное положение: находились в опасности, был только *один* выбор: или погибнуть, или — быть абсурдно-разумными...» [87,С.829].

Подобная точка зрения разделяется и в современной науке В.В.Ким, которая полагает, что «проникновение фанатизма в религию зачастую играло позитивную роль в формировании древних государственных объединений. Положительное влияние фанатизма в истории может быть описано на примере содержания Ветхого Завета и Корана, где говорится о становлении иудейского и арабского обществ» [58,С.84]. Вера иудеев рассматривается В. Ким не только как исключительно духовная субстанция, но и как сила, способная объединить и консолидировать племена в одно общество. Все это не могло не привести к возникновению фанатизма, так как, чтобы выполнить эту задачу, нужно было либо привести все языческие племена к единой вере иудеев, либо уничтожить их [58,С.84]. Только фанатичное упорство, с которым небольшие по численности народы и по сей день охраняют свои традиции, культурные ценности, язык, религиозные обычаи, свою веру от внешних посягательств позволяют им сохранить свою культурную, религиозную идентичность и целостность [58].

В данном случае такую направленность возникновения фанатизма нельзя назвать однозначно позитивной, когда фанатичное сознание является способом сохранения религиозно-культурных ценностей общества от внешней опасности. Грань между объективно положительной ролью фанатизма и его деструктивным характером очень тонка. При появлении угрозы со стороны инаковерцев, отстаивая цельность, традиции, единство общества, веру, люди консолидируются, и роль фанатизма становится социально оправданной, ее нельзя назвать разрушительной и деструктивной. Происходит сохранение целостности этнической или религиозной структуры. Однако уничтожение инаковерцев при помощи оружия приводит общество в состояние перманентного конфликта, когда

страдают обе конфликтующие стороны. При неблагоприятном стечении обстоятельств такой идейный конфликт затягивается и может привести к гражданской войне. В обществе, где дифференциация на «чужих» и «своих» по признаку веры, национальной принадлежности, по цвету кожи очевидна, возникновение фанатизма социально обусловлено и неизбежно, как *способ защиты и выживания в агрессивной среде*. Социально значимые и социально деструктивные компоненты выступают как единое составляющее общества.

Исследовательскую позицию В.Ким разделяют и другие современные ученые, такие как, П. Концен [61], Ж. Тощенко [137], А. Асмолов [8], утверждая то, что некорректная интерпретация и различные толкования Библии и Корана, непрофессиональные переводы этих Священных писаний привели к тому, что возникло субъективно ошибочное восприятие этих писаний. Эти книги содержат такие части, которые можно трактовать в «нужном» направлении, в зависимости от цели трактования. Экстремистские организации видят в этих священных писаниях призывы к нетерпимости, призывая к физическому уничтожению своих идейных оппонентов [58]. Именно такими текстами, которые могут трактоваться вариативно, пользуются религиозные фанатики, чтобы оправдать свои антисоциальные поступки и преступления против общества.

Важным направлением в социологии является изучение социальной идентичности, которая обнаруживается в различных формах. Термин «идентичность» получил распространение в научной среде благодаря антропологическим исследованиям американского ученого Э.Г. Эриксона, после чего это понятие стало необычайно популярным в различных областях. Он характеризовал идентичность как процесс «организации жизненного опыта в индивидуальное Я» [167, С.89]. В.Г. Николаев считает, что идентичность — это «представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самотождественности и целостности» [83, С.238-239]. Трактовка психосоциальной идентичности Э. Эриксона близка данному определению, и, как подчеркивает С.А. Симонова, социологи адаптировали концепцию социальной идентичности, под которой понимают «совокупность

отнесения человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т. д.» [115,С.46]. Идентичность может характеризоваться как тождественными признаками людей, так и отличными.

С позиции исследования социальной идентичности ученые находят прямую зависимость от *индивидуальных и коллективных чувств идентичности* и возникновением феномена фанатизма. «Страх утраты индивидуальной или коллективной идентичности порождает эндогенную ненависть, демонизированных врагов, экстремистские идеологии и организации», отмечает П. Концен [61,С.11].

Также как и личностная идентичность, социальная идентичность считается важным механизмом регулирования самосознания и социального поведения. Это понятие, как результат взаимовлияния социологии, психологии и других наук, позволяет прийти к пониманию того, что невозможно объяснить средствами каждой из наук в отдельности. В разных трактовках учеными понятие «идентичность» обозначает целый ряд феноменов индивидуального сознания и характеристик социальных общностей. С.А. Симонова полагает, что «при всей специфичности каждой трактовки это понятие, как правило, фиксирует единство внутриличностных и социально-культурных процессов» [115,С.48].

Социальная идентичность - результат идентификации человека определенными социальными категориями: социальным статусом, полом, возрастом, ролью, нормой, группой, культурой и др. В содержание социальной идентичности обычно включаются особенности культуры, этнические характеристики группы, ее обычаи, религия, нравственные императивы, специфика материально-экономической деятельности, объединенные понятием присущих общности и эпохе способов организации опыта. При этом социологи полагают, что в современном обществе идентичность более динамичная, и в процессе изменения жизненных условий и идейных предпосылок, люди способны ее менять [6,С.156]

П. Концен, основываясь на понятии социальной идентичности, выделяет социально-психологические предпосылки для возникновения фанатичного

сознания, описывает поведение и приводит примеры фанатичных личностей, которые относятся данным категориям. Классификацию признаков религиозного фанатизма П. Концена автор диссертационного исследования предлагает рассмотреть в виде данной таблицы [61]:

Таблица 1.3.1

Признаки религиозного фанатизма (П.Концен)

вид	причины, социальные факторы	поведение
Фанатизм социального оскорбления	Чувство обмана, презрения, изоляции, бессилия и непризнанности, вся энергия направлена на осуществление единственной идеи, возникает в моменты жизненного кризиса или оскорбления, с которым не могут смириться	Неистовая защита собственной автономии, переоценка истинности субъективной точки зрения; борьба с внешними угрожающими организациями
Фанатизм чрезмерной социальной лояльности	Принуждение к фанатизму, чрезмерное чувство долга, в кризисных ситуациях их усердие превращается в параноидную готовность к борьбе	Яростное отстаивание идентичности их группы, боязнь всего, что может повредить лояльности к группе, общие ценности и убеждения, выслеживание инакомыслящих
Фанатизм социальной дезинтеграции	Общество или общественный порядок теряет все свои интегрирующие и защитные функции, распадается, больше не может пробудить добродетели и чувство единства; насильственное разъединение содружеств народов, превращение открытых обществ в тоталитарные системы	Страх и паника широких масс, поиск опоры приводит к тотальным поляризациям: поиск спасения в регрессивном фундаментализме либо деградация до иконоборческой анархии, видение спасения в смене существующего порядка, что приводит к фанатичной ярости, войнам, революционному террору
Фанатизм угрозы коллективной идентичности	Притеснение основных убеждений этнических и религиозных групп, задевается их групповой нарциссизм, угроза военного, империалистического или экономического принуждения;	при подавлении конфликта насильственно – массы охватывает смесь из «желания вооружиться и, морального отречения и паники идентичности». Все функции личность передает в распоряжение общества, пока существует опасность, возникает жестокость, которая в мирное время была бы невозможна

Примером фанатика «социального оскорбления» П. Концен называет человека по имени Теодор Качински или «Унабомбер». «В полной изоляции, будучи высокоинтеллигентным математиком, в бандеролях и посылках слал бомбы представителям индустриализации, выступая против современности всеми современными методами» [61,С.43]. Террорист Игнатий Гриневицкий, взорвавший карету императора Александра II в Санкт-Петербурге проявляет признаки фанатизма социальной дезинтеграции, когда, как подчеркивает П.Концен, «беспощадная жестокость революционного террора превосходит насилие, которое мы встречаем в традиционных войнах» [61,С.45]. Рассуждая о «фанатизме коллективной идентичности», ученый вспоминает гражданскую войну в Югославии: «партизаны и концлагеря в многоэтническом обществе, жившем в мире на протяжении десятилетий» [61,С.45]. Такие общественно – фанатичные отклонения могут возникнуть неожиданно при переходе тотального мышления в чувство единства, жестокость возникает внезапно, хотя, казалось, что в мирное время она была бы недопустима.

Вышеназванные факты указывают на то, что мнение о том, что уровень социализации общества явление, которое зависит от развития науки, культуры, воспитания, от существующего политического строя и других параметров двойственное. Чрезмерная уязвимость человеческой социализации и разума – предмет дискуссия многих ученых [15], [61], [158], [91]. Общественный порядок, культурный уровень, достигнутый человечеством, привычки всегда стоят под угрозой человеческих страстей и его деструктивной склонности. Расщепление мира на «плохих и хороших» заложено в сознании человека. Полярность суждений и деление мира на «чужих и своих» приводит к фанатизму [158,С.51]. По мнению З. Фрейда, для того, чтобы не поддаться врожденной человеческой склонности к разрушению, нужны огромные культурные усилия. По сути, именно это радикальное разделение мира на «доброе и злое», является основополагающей характеристикой любого фанатизма и фундаментализма. Основной принцип - не в содержании религиозных учений, а в разделении мира на «черное и белое», стремление защитить «добрый» объект, опасение, что «злой» объект может

мешать, отравить его, попытка усовершенствовать мир, сделать его абсолютно справедливым, чистым, отличным от настоящего. Н. Бердяев также отмечал «страшное сужение сознания, подавление и вытеснение многих существенных человеческих черт, всей сложности эмоциональной и интеллектуальной жизни человека». Единство видения мира достигается только через одержимую фанатиком идею [15].

Н.М. Никольский, анализируя предпосылки возникновения фанатичного сознания, высказывает мнение, с которым диссертант склонен не согласиться. Ученый утверждает, что процесс перехода религиозной веры в фанатическую веру «зависит от уровня культуры и уровня нравственного развития носителей религиозной веры» [84]. По мнению Н. Никольского существует прямая зависимость возникновения фанатизма от уровня культуры и нравственности. Существующие социокультурные реалии, исторический опыт, а также научно обоснованные рассуждения Ф. Ницше [87], Н. Бердяева [15] и других ученых напротив, неоднократно подтверждали, тот факт, что зачастую фанатичное рвение людей никак не было связано с уровнем образования и культуры общества. Среди последователей постсоветских новых религиозных организаций, несущих откровенно фанатичную идеологию немало образованных и цивилизованных людей, которые под влиянием социальных перемен превратились в одержимых фанатиков.

Немецкий ученый О. Керенберг, исследуя феномен фанатизма, отмечает, что «даже зрелые лица в серьезных случаях охватываются чувством преследования и фанатическими идеологиями» [185, С.1086], при условии, что их социальные интеракции могут быть втянуты в параноидную реорганизацию социальных процессов они могут принять активное участие в садистических нападениях» [185, С.1109]. Фанатизм возникает там, где существует непоколебимость в собственные убеждения, абсолютная вера в идеалы. Социальное неприятие, негатив окружения могут привести к асоциализации индивида и озлоблению, которое при определенном стечении обстоятельств и экстремальных случаях находит выход в фанатичном поведении.

Теоретико-методологический анализ нашего исследования позволяет утверждать, что в современной науке существует много концепций, раскрывающих истоки религиозного фанатизма. Так, В.С. Поликарпов рассматривает факторы, служащие предпосылками для возникновения религиозного фанатизма «в общественной жизни, в социокультурной и биопсихической реальности человеческого бытия» и выстраивает типологию религиозного фанатизма, выделяя социокультурные, социально-психологические и биопсихологические истоки [97, С.155]. .

М. Яхьяев развивает концепцию о несомненной связи религии и фанатизма, но при этом подчеркивает, что не следует говорить о том, что любое религиозное учение непременно ведет к фанатизму, поскольку он возникает при определенных социально-исторических условиях, когда «на почве религиозной веры возникает фанатизм как извращенная форма религиозной веры» [176,С.77]. Следовательно, по его утверждению истоки фанатизма «следует искать как в особенностях самой религии, так и в социально-исторической среде, в которой рождается религиозный фанатизм» [176,С.78]. Кроме того, М. Яхьяев полагает, что феномен религиозного фанатизма может проявляться не только в религиозной среде. Нередко фанатичный настрой может быть направлен против существующего общественного строя, против светскости государства, против существующих в обществе законов и норм, регулирующих государственно конфессиональные отношения [175, С. 137-138].

В науке существует также теория о «когнитивном диссонансе», когда в сознании индивида существуют несколько идей, противоречащих друг другу. Человек, который при этом определенно испытывает дискомфорт, стремится преодолеть его различными путями. Это может привести к различным последствиям от простого изменения поведения до проявления некой защиты от социума, которая может варьироваться по-разному [146, С.97-110]. В рамках этой теории, по Л. Фестингеру устойчивость к религиозным верованиям объясняется тремя факторами: значениями верований в жизни и системе ценностей человека; подрывом социального престижа при отказе от неоднократно

демонстрировавшихся убеждений; и социальным давлением на верующего руководителя или членов религиозной группы.

Учитывая имеющиеся в социологии подходы, наиболее объективными и значимыми для нас являются идеи Ж. Тощенко, который дает их обоснование не только теоретически, но и эмпирически [137, С.133-138]. Причем ученый в своем исследовании практически не разделяет понятий религиозный фанатизм и религиозный экстремизм, который в данной диссертационной работе рассматривается как крайняя переходная форма фанатизма.

Одним из главных факторов возникновения религиозного фанатизма и экстремизма Ж. Тощенко называет *«противостояние Севера и Юга, богатых западных стран и всех отстающих стран Азии и Африки»* [137, С.133]. В рамках российского государства существует внутреннее противостояние центра и периферии, причем национальная и религиозная специфика регионов только усугубляет положение.

Так, Ж. Бодрийяр, исследовавший проблемы взаимодействия Востока и Запада, также полагал, что предпосылками для возникновения религиозного фанатизма и экстремизма, в конечном итоге ведущие к терроризму, является социокультурное противостояние этих двух различных цивилизаций. Исследователь акцентирует внимание на деятельности Аятолла Хомейни, который отверг «западные ценности прогресса, рациональности, политической морали и демократии» [17,С.49]. Позиционируя себя, как противник всего западного, он, «ввел в действие силу зла, энергию проклятья, блеск и силу незаконных частиц»[17,С.49]. Ж. Бодрийяр отмечает, что роль политической западной власти настолько сдала свои позиции, что она существует, только для того, чтобы «обозначить другого, чужого, врага» [17,С.49]. Социальная действительность такова, что нет в обществе больше оппозиций, которые разграничивали бы добро и зло: «осталась самая незначительная сатанинская, ироническая, полемическая энергия, мы стали свято-фанатическим и фанато-святым обществом» [17, С.49]. При всей своей мощи Запад не мог устоять перед

тем страхом, который насаждался третьим миром. Имея оружие и деньги, Запад испытал огромный страх перед фанатичным безумством третьего мира [17,С.49].

Другим фактором, который выделяет Ж.Тощенко, являются социальные предпосылки: *нищета, безработица, низкий уровень жизни* большинства народов также провоцируют вспышки религиозного фанатизма, по мнению ученого [137, С. 134].

Следует обратить внимание на то, что в практической части нашего исследования респонденты также отметили, что именно эти социальные причины могут дестабилизировать религиозную ситуацию. Еще в советской идеологизированной науке, Д.М.Угринович, исследуя «всплеск нетрадиционной религиозности в капиталистических странах» и проявления религиозного фанатизма в условиях развития науки и техники, подчеркивал, что этот подъем и расцвет нетрадиционных религиозных культов неразрывно связаны с социальными факторами: «интенсификацией трудовой деятельности, нервными перегрузками, связанными с урбанизацией, резким обострением экологической ситуации, постоянной неуверенностью в завтрашнем дне, как следствие безработицей и разорением мелких собственников, наконец, возрастающей угрозой термоядерной катастрофы» [140, С.63]. Существующее социально-психологическое напряжение в обществе, связанное с огромным количеством техногенных катастроф и террористических актов, дает все основания утверждать, что и в настоящее время мировое сообщество в целом, и российское общество в частности, испытывают на себе влияние названных факторов, и существуют реальные предпосылки для всплеска нетрадиционной религиозности и проявления религиозного фанатизма.

Еще одним фактором, порождающим фанатизм, по мнению Ж. Тощенко, является *уровень экономической стабильности* в государстве. Так, А.Асмолов считает, что нельзя недооценивать насколько велико влияние состояния экономики на всплески фанатизма в обществе: «Порой поражаешься, сколь прямо экономическая ситуация может пробуждать самые резкие предрассудки. Американские социологи обратили внимание на тот факт, что рост количества

судов Линча над неграми в период между 1882 и 1930 годами можно было с легкостью предсказывать на Юге США, если знать ежегодную цену на хлопок. Стоило цене на хлопок упасть, и количество линчеваний возрастало». [8].

Мы полагаем, что в данном случае речь идет все же не о прямой зависимости религиозной ситуации от уровня экономики, а скорее от социальной дестабилизации, вызванным упадком экономики и низким уровнем жизни. Достаточно пунктирно, подобную взаимозависимость показывают и эмпирические исследования, но при этом подчеркивается именно социальная сторона этого фактора.

Следующей предпосылкой, которая служат питательной почвой для религиозного фанатизма и экстремизма, Ж. Тощенко называет *коррупцию власти, упадок нравственности, распространение наркотиков, безнаказанность* [137, С.134]. По утверждению социолога, такие страны, как Алжир, Египет и Сирия, долгие годы испытывают на себе подобного рода негативный опыт. Политика бездействия, уступки религиозным экстремистам ведут к социальному протесту и к возможности управления страной одержимыми религиозными фанатиками.

Показатели объективных статистических данных на сегодняшний день свидетельствуют о том, что существующая в российском обществе коррупция и упадок российских властных структур могут дестабилизировать ситуацию в российском государстве, что может привести к серьезному социально-политическому кризису. Как считает Ж. Тощенко, в нашем государстве есть все предпосылки для распространения религиозного фанатизма и экстремизма, о чем свидетельствует то, что уже более десяти лет в России «легально или полулегально» действуют различные религиозные группировки [137, С.134]. «В некоторых регионах действуют параллельные исламские структуры, которые пытаются представить экстремистские организации как обычные исламские движения» [137, С.134].

Следует отметить, что Г. Хизриева, научный сотрудник Российского института стратегических исследований, анализируя деятельность исламистов в современном Татарстане, утверждает: «В 90-е все начиналось романтично — с

уважения чиновников к религии своих предков. Плюс элемент коррупции — и на выходе традиционный ислам в Татарстане вытесняется на периферию. Он стал религией пожилых людей. Конфликт «отцов и детей» налицо: финансирование из Саудовской Аравии, обучение молодых людей в ОАЕ, Египте или Катаре привели к тому, что одежда, брачное поведение и ментальность части молодых мусульман копируют арабский менталитет» [163]. Зачастую в борьбе с крайними экстремистскими проявлениями акцент борьбы делается на внешние атрибуты, что не приводит к желательным результатам. Активная деятельность развернулась на запрет ношения хиджаба. Г. Хизриева полагает: «Убежденный ваххабит в нашем обществе чисто выбрит, одет, как английский денди, и заседает, например, в Общественной палате, в региональном парламенте или работает в уважаемых банках или корпорациях» [163]. Действительно, исторический российский опыт характеризуется такого рода политическими заблуждениями, когда внешнее принималось за главное, при том, что суть проблемы оставалась нерешенной.

Одной из причин, порождающих религиозный фанатизм, по мнению Ж. Тощенко, является также - *постоянное провоцирование межконфессиональной и внутриконфессиональной розни* [137,С.134]. Провоцировали конфликтную ситуацию пережитые религиозно-этнические вызовы, массовые перестроечные национальные движения в СССР и в начале 1990-х гг. в России. Ситуация с вводом войск в Чечню и обе чеченские компании вызвали серьезную постконфликтную ситуацию в этой республике, которая распространилась и на территории остальных республик Северного Кавказа.

Важно отметить, что по данным общероссийских опросов, проведенных Левада - центром в 2012 году, «около 90% респондентов во всех регионах не выразили желания принимать людей другой этнической принадлежности в стране, и тем более как граждан страны. Причем такие настроения имеют место и в настоящее время, как в центральных районах, так и в пограничных (Калининград, Приморье — 90%, Саратов, Свердловская обл. — 85%)» [70]. По мнению Л.Дробижевой, анализ ситуации и перспективный прогноз дают

основания полагать, что межэтнические и межконфессиональные напряжения в ближайшее время не исчезнут, а лишь будут усиливаться [39,С.226]. Миграционные процессы порождают конфликты на всех уровнях, включая политические, культурные, социальные и даже бытовые. Конфликты возникают в связи с взаимным нежеланием принимающей и принимаемой стороны мирно взаимодействовать, что зачастую провоцируется некорректной политикой властей и неумением законодательно грамотно урегулировать процесс миграции.

Главные проблемы, вызванные интенсивными миграционными процессами те же, что в других государствах. По данным Левада - центра, основными раздражающими факторами являются: конкуренция за рабочие места (свыше 80% по регионам) и жилье (50-60% и выше). Затем следуют: отношение прибывающих к местным традициям; трудности их адаптации, которые отмечены 50-70% респондентами, причем исследование показало, что «в наибольшей мере их ощущают в Воронежской, Свердловской областях, в Приморье. Это регионы, где приток мигрантов особенно интенсивный» [39,С.226]

Побуждающими факторами такого рода взаимной неприязни являются не только социальные мотивации, но и социопсихологические. Ж.Бодриар, исследуя расизм и религиозный фанатизм, основывает свои умозаключения на понятии «дифференциации» или «другости». «Расизм не существует до сих пор пока другой остается другим, а чужой чужим. Он начинается с дифференциации, т.е., когда чужое оказывается в опасной близости от своего». [17,С.62]. На безопасной дистанции различные культуры, этносы, нации, расы могут сосуществовать бесконфликтно. «Расизм – ответ на психодраму дифференциации, порождающий фанатизм другого» [17,С.62]. Проведя параллель между расизмом и фанатизмом, в формате нашего исследования, отметим, что религиозный фанатизм – это ответ на «другость» и «дифференциацию» представителя другой конфессии, в ситуации, когда возникает опасная дистанция между различными религиозными убеждениями, и параллельные линии существования начинают постепенно пересекаться, вызывая при этом религиозный конфликт.

В ракурсе проблематики исследования следует обратить особое внимание на проблемы внутри «исламского мира». Развернувшиеся активные дискуссии о ваххабизме способствуют распространению конфликтных ситуаций среди мусульман. В рамках российского общества «процесс функционирования традиционного народного ислама» чрезвычайно осложнен регулярными вмешательствами извне и навязыванием чуждых ценностей и традиций. Именно «народный ислам, региональные формы бытования которого складывались веками и являются самодостаточными», складывался веками, впитав в себя и этноконфессиональные традиции, и духовные ценности и запросы верующих. Фанатичное рвение, которое навязывается международными религиозными организациями не способствует укреплению исламского мира, а ведет к неизбежным конфликтам и розни внутри конфессии [137].

Одним из ведущих факторов, усиливающих проявление межконфессиональных и межэтнических конфликтов, Ж.Тощенко называет мощную *идеологическую поддержку экстремизма и фанатизма средствами массовой информации* [137].

Социологи неоднократно подчеркивали идею о том, что технический прогресс и достижения науки не только не помогли преодолеть феномен религиозного фанатизма, а лишь дали ему больше возможностей [137]; [10]; [17]. Информационная война политической власти, подпитываемая жаждой власти и борьбой за власть, способна привести к обесцениванию культурных ценностей, дезориентации людей и к их полной бездуховности. Так, Ж. Бодрияр, раскрывая причины и предпосылки расцвета международного терроризма, который, как он считает, по сути своей основывается на фанатизме, называет его «трансполитическим зеркалом зла» [17, С. 48]. Зло, по мнению исследователя, в современном обществе завуалировано, и не всегда удастся распознать его, процветают его «более тайные и вирулентные формы» [17, С.49]. При внешнем благополучии негатив общества приукрашен, а власть обелена.

Исторические корни фанатизма также являются предпосылкой для его возникновения в современности, полагает Ж. Тощенко. Можно отметить ряд

стран, которые прошли весь свой исторический путь в воинственных завоеваниях и основывались на таких формах «которые можно назвать, если не терроризмом, то насилием уж точно» [137,С.137]. Представляется возможным сделать достаточно однозначный вывод о том, что сами религиозные и этнические традиции таких народов, если и не являются фанатичными, то являются благодатной почвой для его возникновения при определенных политических и социокультурных условиях, особенно под влиянием и поддержке международных экстремистских структур.

Так, историческими обстоятельствами, благоприятствующими для всплеска фанатизма, А.Асмолов называет ситуацию, когда нарастание социально-экономической нестабильности вызывает «различные национальные и религиозные предрассудки, унаследованные исторической памятью народа и ждущие в коллективном бессознательном своего часа» [8]. В кризисные для общества моменты, такие как техногенные катастрофы, политические и экономические кризисы, социальная незащищенность граждан, данные «предрассудки» могут возникнуть в социуме стихийно или преднамеренно использоваться политическими партиями, религиозными лидерами для достижения определенных целей.

По утверждению Ж. Тощенко благоприятным социально-политическим фоном для проявления религиозного фанатизма, является кризис власти, при котором фанатизм *прикрывается революционным характером*, по сути, добиваясь участия в управлении государством. В мировом сообществе идеологи радикальных национал-политических, религиозных, молодежных движений очень технично эксплуатируют предрассудки человечества. Такие социально опасные явления, как фанатизм, национализм, экстремизм и в завершающей их ступени терроризм, «выступают, прежде всего, как рациональные средства борьбы за власть с тем или иным политическим режимом» [8].

Диссертант полагает, что серьезным мотивационным толчком является и миссионерская деятельность зарубежных организаций, которая, в настоящий момент несколько завуалировала свою активность, но была чрезвычайно

инициативна на российском «поле» в постперестроечный период. Особенно активную деятельность развернули мормоны, АУМ Синрике, Церковь объединения С.Муна, «Семья любви» Д. Берта, террористическая организация «Аманда Марг», «запрещенная едва ли не во всех странах мира» [138, С.366]. Религиозная ситуация осложнялась тем, что активная деятельность зарубежных культов вызвала безудержный поток новоявленных отечественных религиозных культов, таких как «Великое Белое братство», «Богородический центр», церковь Виссариона.

Как правило, подобные организации стремятся обособиться и противопоставить себя традиционным религиям. От традиционных религий новые религиозные образования отличаются и нововведениями, существенно расходящимися с вероучительными доктринами и обрядовой практикой исторических религий. Так, Е.Г. Балагушкин отмечает, что «в результате сложившегося негативистского значения терминов «религиозная секта» и «культ», новые религиозные организации стали избегать их использования в своих названиях. Почти все стали церквями: у Муна — Церковь Объединения, у Хаббарда — Сайентологическая церковь, есть также Церковь Христа и даже Церковь Христа Виссариона, не говоря уже о Церкви Сатаны. С другой стороны, в межконфессиональных спорах теперь легче стало обличать своего противника: достаточно назвать его организацию сектой». [11, С.104].

Таким образом, проведенный теоретико-методологический анализ позволяет сделать следующие выводы. Опираясь на социальные признаки сущности религиозного фанатизма, определим его как социокультурный феномен, базирующийся на религиозной вере и религиозности. Крайняя степень религиозности ведет фанатика к противопоставлению его мировоззрения другим верованиям, которое ведет к категоричному социальному неприятию и к негативной модели поведения. Существуют различные подходы к определению типов религиозности. Данного диссертационное исследование показало, что наиболее универсальной является типология: *традиционная/нетрадиционная*

религиозность, внутри которой рассматриваются категории: *верующие* – *неверующие* – *колеблющиеся*.

Теоретическое осмысление феномена религиозности позволяет утверждать, что в зависимости от состояния степени религиозности в обществе будут проявляться и вспышки религиозного фанатизма.

Предпринятый анализ позволяет констатировать вариативность взглядов исследователей и подчеркнуть, что истоками возникновения религиозного фанатизма могут являться социально-политические, социально-экономические и социокультурные факторы, такие как: неопределенность в разграничении государственной и религиозной власти в стране; ущемление религиозных взглядов одной конфессии в пользу другой, как в рамках одного государства, так и в рамках процесса глобализации и смешения культур; влияние СМИ в целях достижения политических позиций в рамках определенного государства; социально-экономическая нестабильность в обществе; кризис культурных и идеологических ценностей; утеря исторически сложившихся религиозно-культурных корней на протяжении многих поколений.

Религиозный фанатизм многогранен, его зависимость от социальной идентичности людей однозначна. В современном мире религиозные фанатики пытаются оправдать свои антисоциальные действия, цитируя Священные писания, что, по сути, является заведомо ложной трактовкой этих религиозных опусов. В большинстве случаев, фанатизм ассоциируется с негативным явлением. Взаимообусловленность понятий фанатизм-экстремизм-терроризм логически определена, поскольку, как подчеркивает Д. Ольшанский - «это не значит, что всякий фанатик - террорист, но большинство террористов - это фанатики» [91, С. 237].

ГЛАВА II. СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА.

2.1 Формы религиозного фанатизма в дискурсе социологических исследований

Теоретико-методологическая часть диссертационного исследования установила прямую зависимость форм проявления религиозного фанатизма, его разновидностей, типов социальных фанатиков от: а) от природы и сущности этого феномена; б) от конкретной социокультурной ситуации.

В дискурсе социологических исследований используется различная терминология, и существуют вариативные подходы для классификации форм проявления этого феномена. Так, например, Т. Санаева детерминирует виды фанатизма в логических категориях: род-вид, а формы в категориях содержание-форма. По ее концепции «виды фанатизма – это конкретные его проявления, связанные с разными видами деятельности общества или с разными сферами общественной жизни» [108,С.68]. Принцип классификации Т. Санаевой базируется на различных сферах общественной деятельности, в которых потенциально возможно возникновение фанатизма.

Основа концепции П. Концена - понятие социальной идентичности. Исследователь подразделяет фанатизм по социальному содержанию и по формам проявления. Кроме того, ученый выделяет и социопсихологические типы фанатиков [61].

М. Яхъяев, определяя объективные критерии для классификации форм религиозного фанатизма, исходит от форм конкретно-исторического социального поля и содержания идеологии [176].

В результате анализа различных научных трактовок, представляется необходимым в рамках нашего исследования классифицировать религиозный фанатизм по разновидностям форм его проявления, выделяя при этом типы социальных фанатиков. Наиболее обстоятельно ступени трансформации форм фанатизма, как мы полагаем, представлены в концепции М.Яхъяева. Ученый выделяет две основные линии трансформации форм фанатизма – западную и

восточную, и отдельно, акцентирует внимание на российской линии. В связи с этим, при исследовании форм проявления религиозного фанатизма и мультикультурных взаимодействий носителей различных культурных ценностей, представляется целесообразным акцентировать внимание на выявлении типологических особенностей трансформационного феномена в условиях западной, восточной и российской (евразийской) культур.

В западной цивилизации исследователь выделяет в хронологической последовательности следующие трансформации форм религиозного фанатизма [176, С. 155] (см. рис.2.1.1):

Рис.2.1.1. Основные трансформации форм западного фанатизма (М.Яхьяев).

- трансформация форм фанатизма при переходе от античного к средневековому обществу: «исторически прогрессивный, «революционный» или детский фанатизм раннехристианских сект и противостоящий ему старческий и

исторически реакционный религиозный фанатизм языческой или политеистической религии античной цивилизации»;

- трансформация форм фанатизма при переходе от средневекового феодального общества к буржуазному: «революционный фанатизм протестантских сект и реакционный фанатизм католической церкви»;

- трансформация форм фанатизма при переходе от индустриального общества к информационному: «современный религиозный фанатизм (находящий выражение в бурном расцвете нетрадиционных религиозных движений)». Особо следует отметить, что для западной линии частыми были внутренние конфликты в рамках христианской церкви, такие как борьба с ересями, крестовые походы, гонения ведьм.

Поскольку в настоящее время главной формой общественного сознания не является религиозное, то «на этой третьей стадии конфликт старого и нового общества выражается уже не в форме столкновения «старческого» и «детского» религиозного фанатизма» [176, С.158]. Следует отметить, что основой конфликта служит форма столкновения «по сути реакционного религиозного фанатизма нетрадиционных религиозных движений с альтернативным специфическим не религиозным социально-политическим фанатизмом, а также в противостоянии этих обоих видов фанатизма, формирующей новой нефанатической общечеловеческой гуманистической идеологии» [176, С.158] (см. рис.2.1.2).

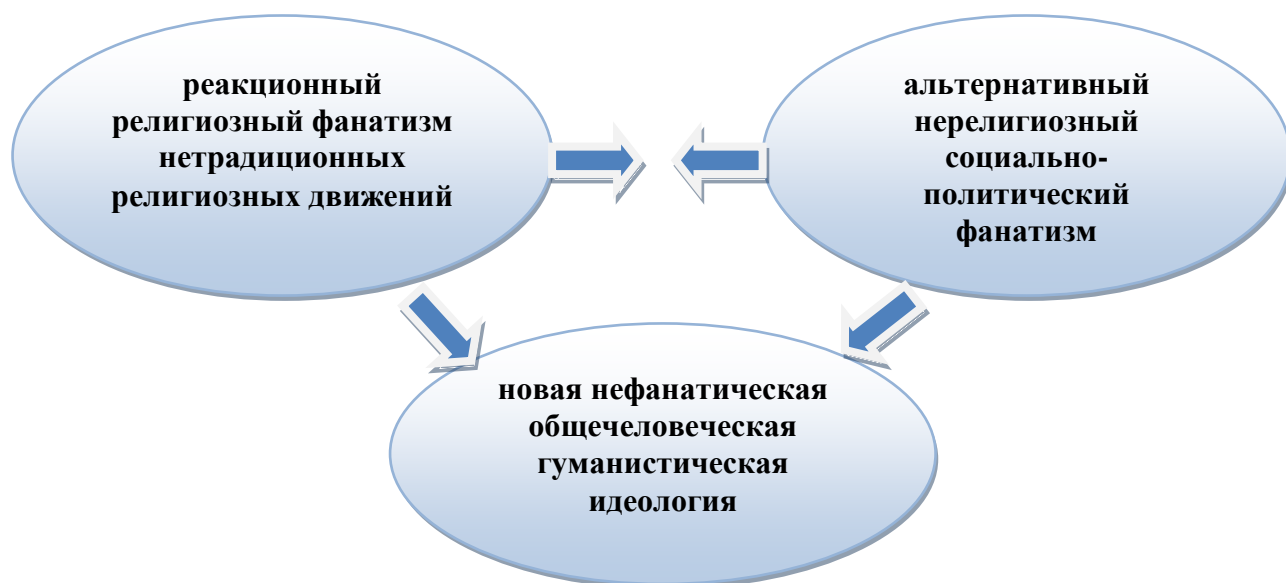

Рис.2.1.2. Западный религиозный фанатизм при переходе от индустриального общества к информационному, постиндустриальному обществу, (М.Яхьяев).

Социально-исторический путь восточных цивилизаций был менее интенсивным, но более специфичным. Восток пережил ряд серьезных социополитических, экономических и социокультурных кризисов. Одним из приоритетных факторов такого развития восточных государств является то, что начиная с Нового времени, оказывалось значительное влияние экспансии западной цивилизации, в том числе и религиозной. Это стало благодатной почвой для особой формы фанатизма на почве неприятия агрессивного вмешательства Запада и конфликта восточных цивилизаций.

В таких условиях проявлялся фанатизм как христианских миссионеров, так и «фанатизм религиозного сопротивления местных религий» [176,С.159]. Придерживаясь данного положения, ученый выделяет основные направления трансформации религиозного фанатизма восточных цивилизаций (см. рис.2.1.3).

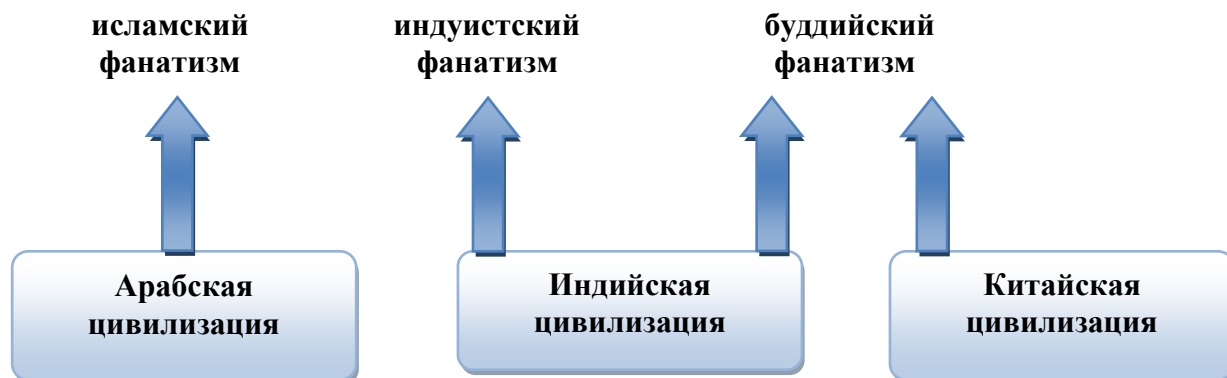

Рис.2.1.3. Основные трансформации форм восточного фанатизма (М.Яхьяев).

В современной России официально зарегистрированы и занимаются активной деятельностью сотни современных новых религиозных организаций, возникающих:

- внутри православия;
- внутри ислама;
- путем экспансии западных протестантских сект и церквей;
- путем экспансии нетрадиционных религиозных движений в Россию с Востока.

Востока.

В этой связи целесообразно обратиться к выделенным М.Яхьяевым направлениям трансформации форм религиозного фанатизма в российской цивилизации [176,С.161]. Социальной специфичностью современного российского религиозного фанатизма является разнообразие форм его проявления (см. рис.2.1.4).

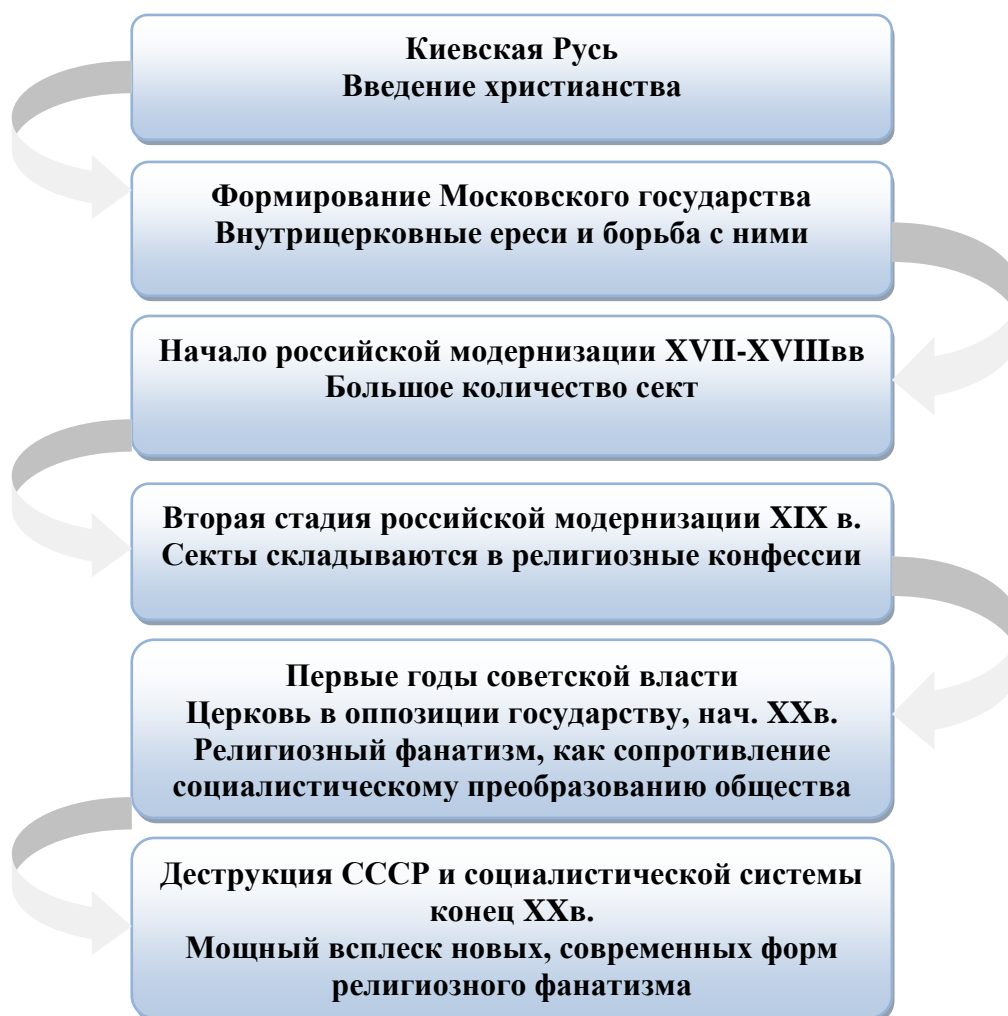

Рис.2.1.4. Социально-исторический контекст проявлений религиозного фанатизма в условиях российской цивилизации (М.Яхьяев).

Анализ трансформаций форм религиозного фанатизма дает основание для некоторых выводов. В рамках определенных цивилизаций существуют разнообразные формы религиозного фанатизма. Грань перехода одной разновидности фанатизма к другой - очень тонка. В ходе своей трансформации зачастую религиозный фанатизм переходил в другую форму этого явления – политическую.

Так, Ч. Ломброзо, называя общество начала XX столетия погрязшим «во лжи и доходящего до безумия в фанатизме своей экономической борьбы», полагал, что во все исторические эпохи, начиная с эпохи варварства, существовали фанатики, люди «с альтруистическими тенденциями» [75]. Прежде всего, проявления фанатизма осуществлялось на религиозной почве, а позже это

явление стало проявляться в политических партиях и заговорах. Основными формами проявления фанатизма ученый называет участие в крестовых походах, мятежах, по его мнению, фанатизм представлен « странствующими рыцарями, мучениками веры или неверия, как Бруно, Арнольдо да Брешиа, или трибунами, как Марцел, Кола ди Риенци, или царубийцами, как Брут, Дамиенс, Равальяк.» [75].

Когда социокультурная ситуация не способствует проявлениям религиозного фанатизма, это явление активизируется в социальной и экономической борьбе. Хотя самой благодатной почвой для проявления фанатизма, как об этом утверждал итальянский ученый Г. Ферреро, является религия. Причем, он утверждает, что далеко не каждая традиционная церковь способствует проявлениям фанатического рвения. Так католическая церковь - это «огромное дисциплинарное учреждение, род войска, основанного на повиновении и послушании, где каждый член имеет свое место, свой образ жизни и поведения, свои мнения, регламентированные строжайшими законами» [145]. Активным фанатикам сложно в таких условиях чувствовать себя свободно, «они всегда немного анархисты и склонны к восстаниям; среди же протестантских сект с их несколько анархистским характером, независимых, свободных, автономных как кланы варварских времен, они чувствуют себя прекрасно» [145]. Именно в Англии, протестантская церковь привлекает к себе тысячи фанатиков, которые «под самыми различными названиями, со всевозможными теориями лихорадочно стараются вырвать души из когтей порока» [145]. В таких условиях они имеют огромный простор для миссионерской деятельности, для организации новых церквей, для публичных проповедей. И дело здесь не в отсутствии или подъеме религиозности общества, а в силе духовной и дисциплинарной организации той или иной церкви.

Ч. Ломброзо и Г. Ферреро сходятся во мнении, что первоначальной формой существования фанатизма является религиозный, который впоследствии под воздействием или смешиванием политической и религиозной власти переходит в другие свои формы такие как, политический, экономический и социальный

фанатизм.

Подход к определению форм фанатизма варьируется разными учеными не только в зависимости от определения его природы. Существуют иные концепции видения этой проблемы.

Именно Ч. Ломброзо неоднократно в своих исследованиях исходил от «географической» зависимости того или иного явления. Он особо выделяет фанатизм французский, который особенно активно проявлял себя в период Французской революции, и фанатизм итальянский, называя их специальными формами фанатизма. Одним из значимых событий, связанных с проявлением религиозного фанатизма, была так называемая «Варфоломеевская ночь» в Париже (ночь на 24 августа 1572 года), упомянутая Ф. Вольтером в «Философском словаре» [24].

Подчеркивая национальную особенность проявлений фанатизма в Германии, исследователь называет его «филантропическим фанатизмом», при этом он отличает данные формы от религиозного и политического фанатизма по своей социальной значимости. В целом, характеризуя национальные формы проявления религиозного фанатизма как «патриотический и анархический фанатизм», Ч Ламброзо указывает на угасание данных форм в XX-м веке [75, С. 138].

Подход немецкого ученого П. Концена к пониманию форм фанатизма зиждется, прежде всего, на сознании того, что в основе этого явления лежит вера: «Абсолютно закаменелая, нетерпимая, игнорирующая любое добро и гуманность вера, которая изнуряет себя в борьбе с сомнением, с желанием уничтожить зло – это и есть первая форма фанатизма» [61,С.37]. Также как Ч. Ломброзо и Г. Ферреро, П Концен придерживается мнения, о том, что исторически сложилось так, что базисом этих разновидностей фанатизма, исходной точкой является фанатизм религиозный, который был, как подчеркивали многие ученые, первоначальной формой любого фанатизма. Во все времена, считает П. Концен, именно эта форма фанатизма особенно ярко проявляла себя в ходе развития человеческой цивилизации. Священные войны, гонение ведьм, инквизиция,

деструктивные культы и секты оставляли глубокий след в истории целых народов.

При этом, как отмечают исследователи, фанатики угнетены сильнейшими скрытыми сомнениями в вере. Именно из этих импульсов возникает чрезмерная строгость веры, аскетизм, патологическое поведение, когда существуют сильнейшие ограничения и изоляция от общества. Так, Н. Бердяев подчеркивал, что фанатики постоянно ищут происки дьявола и чаще верят в его существование более чем в Бога. П.Концен разделяет данную позицию, отмечая, что «чем интенсивнее они ищут блаженства, тем сильнее их одолевает экзистенциальный страх. Для фанатиков типично параноидальное состояние бодрствования, с которым они «встряхивают» свое окружение при первом же симптоме безразличия к ним» [61, С.79].

Исходя из цели диссертационного исследования, представляется значимым выделение типов фанатизма по сущности и формам проявления. Так, П. Концен предлагает типологии религиозного фанатизма по идейному содержанию, основными формами которых он называет «оригинальный» или «исконный» и «индуцированный». По формам проявления исследователь классифицирует фанатизм на личностный, групповой и массовый.

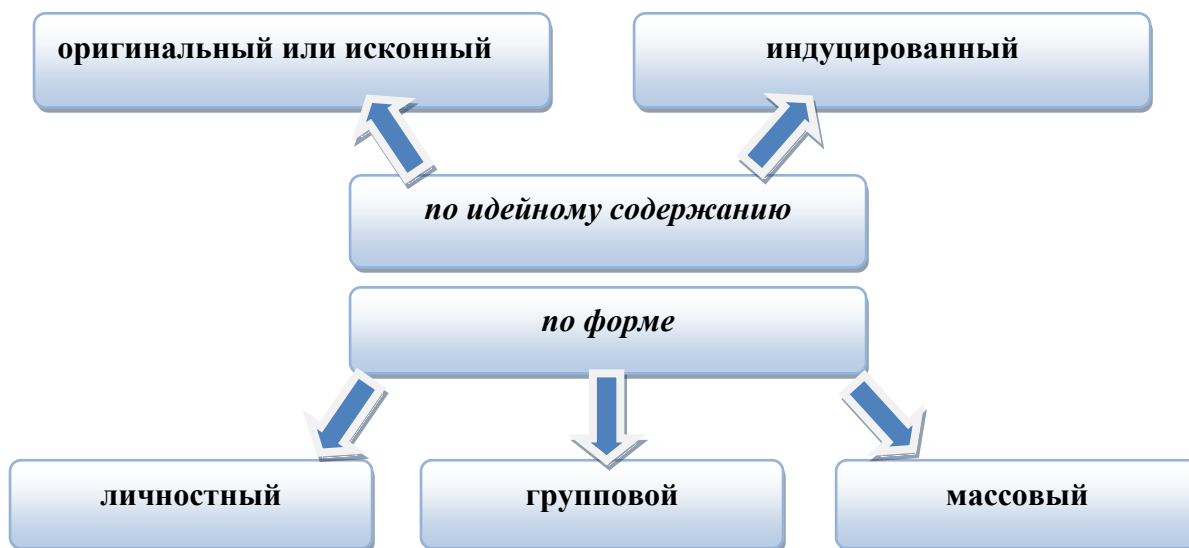

Рис.2.1.5. Типологии фанатизма по сущности и формам проявления (П.Концен).

Форма оригинального фанатизма обусловлена глубинами его внутренних, личностных мотивов. Индивид сам является автором, генератором какой-либо идеи, верования, убеждений. Ценностные убеждения его жизни полностью находятся в зависимости от его идейных убеждений, в том числе религиозных. Идея исполнения поставленной задачи, его социальной миссии становятся основным содержанием его жизни [61, С.48-49].

Индукцированный фанатизм возникает в том случае, когда массовые влияния и энтузиазм, навязанные догмы и внушенные идеи втягивают индивида в экстремальные состояния. Именно такая форма фанатизма, по мнению Г. Залевского, делает фанатизм наиболее опасным социальным явлением. «Когда люди попадают в фарватер оригинального фанатика, их можно считать индуцированными фанатиками, например, адепты сект, члены террористических групп или фашистских организаций, в том числе военных, которые слепо следуют за движением, гуру или фюрером/вождем» [44, С. 50].

Данные разновидности фанатизма могут выступать в качестве «идейного фанатизма» или «фанатизма формы». По П. Концену, при «идейном фанатизме» все стремления и поступки человека подчинены одной идее, в совершенстве которой он абсолютно уверен. Внутренние импульсы становятся узкими и самоуничижительными и приводят фанатика к такому состоянию, когда «страстность может уничтожить ценность самой идеи» [61, С.49].

При «фанатизме формы» воплощение идеи идет настойчивым и надежным путем. «Необходимо фанатично защищать форму произведения искусства, следить, чтобы люди соблюдали литургию или были неуклонно верны идеологической программе» [61, С.49].

Исходя из значимости данной концепции, представляется целесообразным выделить и дать социально-психологическую характеристику пяти оппозиционным парам разновидностей религиозного фанатизма, выделяемым исследователем [61] (см. таб.2.1.1):

Таблица 2.1.1

Социально-психологическая характеристика разновидностей религиозного фанатизма (П.Концен)

Разновидности фанатизма	
характеристики	
Конструктивный	Деструктивный
Дискуссия и толерантность невозможны, необходимость мобилизовать усилия, возникновение готовности к агрессии; отрешенное упоение, пыл при защите своих убеждений	Маниакальная потребность в проекции, возведение себя на ранг высшего судьи, приводит к самоуничтожению или уничтожению других; сопровождается ненавистью
Холодный	Пылкий
Управляем сознательным расчетом и долгосрочными соображениями; рациональное, контролируемое, но вместе с тем враждебное поведение, смесь «ярости воли» и холодного самообладания	Сильное возбуждение и напряжение становится естественным состоянием, склонность к припадкам гнева или эйфории, смесь телесного возбуждения с эмоциональным
Немой	Экспансивный (громкий)
Агрессия подавляется устрашающей верой в ад или дьявола, мученическим идеалом аскетизма, при сомнении в истинность взглядов, проявляется упрямство и непоколебимость извращенной веры, может вспыхнуть агрессия против мнимой или реальной угрозы	Необходимость обращать в свою веру, заниматься миссионерской деятельностью, обращать в свою веру, бороться, полное отсутствие толерантности
Мягкий	Жесткий
Готовность к диалогу и взаимопониманию при сильнейшей убежденности в свои идеи; сдержанность и нежелание насилия	Абсолютная бескомпромиссность и настойчивость, по принципу «цель оправдывает средства»;
Примитивный	Ярко выраженный
Мировоззрение нестабильно, однотипно, шаблонно перепутанная совокупность мыслей; использование примитивных лозунгов и девизов, которые служат искусственному укреплению групповой сплоченности и направлению ненависти	Продуманные, часто доведенные до абсурда однобокие идеологии, личностная позиция активна при обосновании и защите идеологической позиции; функционирует не рационально, не терпит никакого сомнения; признаются даже абсурдные и вредящие им самим принципы

Вышеприведенный классификационный анализ характеризует идейное содержание форм фанатизма и определяется степенью активности проявления – пассивной/ активной. Так, например, можно отнести к пассивной степени

проявления при индивидуальной или групповой форме религиозного фанатизма – уход от существующей действительности, обособление, уединение или слепое подчинение Гуру и правилам в секте, а активной степенью проявления будет являться интенсивная миссионерская деятельность и привлечение новых адептов, широкая пропаганда идей лидера или организации.

В контексте исследования форм проявления религиозного фанатизма, которые дифференцируются по количественному компоненту его участников, представляется целесообразным рассмотреть форму *группового* фанатизма, чаще всего проявляющегося в сектантском движении.

Секты и сектантские группы имели огромное влияние на людей и поражали количественным составом. Всегда в истории человечества находились харизматичные личности, которые имели огромное влияние на своих последователей, беря на себя роль спасителей человечества. Такие люди считали «себя элитой, последним пристанищем набожных, авангардом в борьбе с эксплуатацией и подавлением, защитниками прав и порядка» [61, С.108]. В данном случае людей сплачивает «групповое сознание, которое определено острым разделением хорошего и плохого» [61, С.108]. Как бы ни отличались по своему названию, по своей идеологии и форме секты, методы унифицирования и подчинения адептов всегда приблизительно одинаковые. Акцент ставится на поиск нового смысла жизни, кардинального изменения и отказа от настоящего, которое преподносится как нечто плохое, неправильное, не имеющее значения. «В процесс поиска в себе нового смысла, особенно по отношению к людям, не имеющим этого смысла, возникает заполнение имеющегося в их сознании вакуума информацией, отражающей точку зрения руководителя секты, последний выступает в качестве фальшивого бога» [63, С.332].

С. Филатов, определяя характер сектантства современной России, подчеркивает особенную характеристику этого явления в нашей стране: «Как правило, жесткий фанатизм, готовность перешагнуть через общепринятые моральные нормы сохраняется в сектах на протяжении не более чем двух

поколений. И именно в России секты могут жить феноменально долго» [148, С.201-209].

В Европе и Америке со временем секты либо распадаются, либо адаптируются к окружающему обществу, «цивилизуются», религиозная страсть утихает. Таким образом, они интегрируются в принятые общественные нормы поведения и ценности. Постепенно наиболее шокирующие принципы мировоззрения либо упраздняются само по себе, либо становятся условными. В России под воздействием репрессивных мер и гонений секты уходят «в глубокое подполье и провоцируют фанатизм, вынужденная изоляция закрепляет девиантные нормы» [148, С.201-209]. Так, сказанное позволяет понять характер секты скопцов, которая существовала в России с конца XVIII-го века и по предположению С. Филатова, «она сохраняется в глубоком подполье до сих пор» [148, С.201-219].

Частые групповые самоистребления всегда совпадали с какими-либо значимыми событиями религиозной жизни. Трагические ситуации при Алексее Михайловиче, при царях Федоре, Иоанне и Петре Алексеевичах соответствовали времени появления раскола [105]. В. Розанов, а позднее П.С. Гуревич полагают, что примером проявлений групповой формы религиозного фанатизма могут быть «массовые самосожжения раскольников, гонимых православной церковью и государством. Или мучения индийских огнепоклонников, добровольно принявших на себя неслыханные кары [105, С.182-183], [34,С.4]. При этом, как отмечает П. Гуревич, если раскольники приговорили себя к смерти, защищая свою веру, то религиозность и безотчетная вера некоторых религиозных культов деструктивного характера не всегда оправдана [34].

Оценивая идеологию неохристиан, ученые зачастую указывают на ценностную амбивалентность присущего ей духа фанатизма. «На все лады перпеваются ими сценарии судного дня, когда, погрявшее в грехе человечество предстанет перед ликом бога... Содержание этих мрачных и жутких предсказаний черпается из библейских сюжетов, которые, разумеется, подвергаются своеобразной современной аранжировке» [34, С.152]. Несмотря на то, что в

назначенный день Апокалипсис не наступает, вера в справедливость своих прогнозов у фанатиков не угасает, а дата «конца света» переносится на другое время. П. Гуревич поддерживает мысль, высказанную американскими учеными Д. Бэтсоном и Л. Вентисом о том, что устойчивость религиозных верований и способность их сохраняться на фоне опровергающих, противоречащих им очевидных фактов, основывается на особенных свойствах религиозных людей [178]. Это сознание собственной «избранности» к спасению, дает им убеждение в собственном превосходстве и полную невосприимчивость к любой информации, противоречащей их идеям.

Одной из самых неординарных форм проявления группового фанатизма является уход от мира в кельи и пещеры, которая стремится к полной социальной изоляции и оторванности от действительности. Таким примером могут послужить события осени 2007 года в Пензенской области, связанные с деятельностью секты, члены которой добровольно скрылись в пещере, ожидая наступления конца света. Верующие, всего их 29 человек, были намерены укрываться в овраге длиной 3–4 километра до мая 2008 года, когда, по их мнению, произойдет страшное событие. Их наставник проповедовал отказ от благ цивилизации. Его последователям запрещалось ходить в церковь, смотреть телевизор, слушать радио, документы по его настоянию выбрасывались, либо сжигались [107].

Существование данных форм религиозного фанатизма возникает неслучайно. По мнению диссертанта, новоявленных адептов нетрадиционных религиозных культов привлекает, прежде всего, то, что, попадая в секту, новую религиозную группу, «церковь» (название этих культов различно), они находят себя в новой реальности, ощущая чувство принадлежности к новому коллективу, тем самым обретая новую социальную идентичность. Привязанность к новоявленной «семье» поддерживается коллективным проведением времени: молитвами в общине, многочасовыми собраниями, совместным трудом, миссионерской деятельностью. Кроме того, огромное значение имеет сама личность так называемого Гуру, который рассматривается членами секты как «живое божество», обладающее сверхвозможностями спасения человечества. Для

члена секты именно это общество кажется идеальным, воодушевленное миссией, стремящееся к единой великой цели. При данном социально-психологическом настрое адепты становятся легко управляемыми и внушаемыми. Таким образом, можно подчеркнуть социокультурный характер всех вышеперечисленных факторов, создающих в конечном итоге форму группового фанатизма.

Если секты и новые религиозные организации являются самой распространенной формой группового фанатизма, то проявления другой формы фанатизма – *массового*, более вариативны. Под массовым фанатизмом П. Концен подразумевает феномен, «при котором большое количество людей охвачено неконтролируемыми фанатическими эмоциональными реакциями, энтузиазмом, возмущением, страстной ненавистью, которые легко могут превратиться в необузданное насилие и стремление к разрушению» [61, С.115]. «Мобилизация масс, как утверждает ученый, - это древнейший трюк, который в XX веке принял характер научного эксперимента» [61, С.115]. В данном случае приоритетное значение имеет то, что под влиянием массы людей, толпы человек очень быстро теряет свою непохожесть на других, стирается индивидуальная идентичность, дифференцирующая его от других людей. В этих обстоятельствах, как подчеркивает ученый, ситуацию не может спасти даже уровень образования или «необычная интеллигентность» [61, С.115].

Предпосылками для возникновения форм массового фанатизма является, безусловно, ситуация затяжных социально-политических или экономических кризисов, но движущей силой для внезапного проявления этой разновидности фанатизма чаще всего служит «манипуляция страхом и обидами, разжигание коллективного возмущения» [61, С.115].

Современные средства массовой информации нередко подают информацию населению субъективно, умалчивая об отдельных фактах, представляющих иную версию хода тех или иных событий. Ежедневно и настойчиво создающийся образ врага, рано или поздно принимает определенные очертания в виде конкретных личностей: иммигрантов, представителей другого вероисповедания, людей другой национальности, другого цвета кожи и т.д. В условиях постоянного нагнетания

социального напряжения, перманентный конфликт этнических и религиозных групп при незначительном поводе может трансформировать напряженное настроение в фанатический массовый эффект. Чаще всего люди ощущают себя в роли жертвы, полагая, что их агрессия вынужденная, защитная, что они лишь стремятся сохранить свои традиции и ценности, будь то религиозные или какие-либо другие. Таким образом, неосознанно они создают конфликтную ситуацию и конфронтацию.

В характеристике феномена массового фанатизма, следует акцентировать внимание на том, что решающей движущей силой для проявления этого социального феномена является личность вождя, лидера, авторитетного человека, ведущего за собой последователей новой веры. Такой человек, умеющий оказывать влияние на толпу, не может быть ординарным, не охваченным какой-либо идеей. Собственно на такую особенность лидера указывает и З. Фрейд: «Хотя потребность массы идет вождю навстречу, он все же должен соответствовать этой потребности своими личными качествами. Он должен быть сам захвачен глубокой верой (в идею), чтобы пробудить эту веру в массе; он должен обладать сильной импонирующей волей, которую переймет от него безвольная масса» [158, С. 10-22].

Г. Лебон утверждает, что влияние вождя зиждется на фанатичном веровании в свои идеи [68]. Именно ведущие за собой идейные лидеры способны возбудить сильнейшее фанатичное чувство огромной массе людей. Попадая в условиях сильнейшего социального или политического кризиса в находящуюся в состоянии беспокойства, страха, недовольства, критичного настроения толпу, они способны мобилизовать массы на разжигание коллективного возмущения и агрессии: «Толпа бессознательно награждает таинственной силой политическую формулу или победоносного вождя, возбуждающего в данный момент ее фанатизм» [68, С.78].

Г. Лебон подчеркивает, что религиозность такой формы как массовый фанатизм, которая является самой неуправляемой, чаще всего проявляется при

скоплении большого количества людей, ведомых одним лидером и поклоняющихся какой-либо внушенной им идеологии [68].

В современной науке существуют и другие концепции, анализирующие формы проявления религиозного фанатизма. Так, М.Н. Кузнецова основывает свое исследование на понимании сущности религиозного фанатизма, целью которого является идея «достижения Спасения». Проанализировав содержание и направленность учений о Спасении, М.Кузнецова классифицирует религиозный фанатизм на: «фанатизм статуарный и фанатизм обновленческий» [64,С.123]. В этом контексте исследователь определяет следующие формы проявления религиозного фанатизма: «фанатизм глубины», «фанатизм вершины», «фанатизм компромисса». В рамках настоящей диссертационной работы представим краткую характеристику этих форм.

Так, «фанатизм глубины» может носить как индивидуальный, так и массовый характер и обладает скрытой формой агрессии. Религиозное спасение имеет духовное начало, которое может осуществляться с помощью «религиозного сотрудничества».

«Фанатизм вершины» имеет более агрессивный характер и несет идею о необходимости любым путем достичь идеальной формы мира, таким образом, Спасение трактуется как конкретное переустройство мира, любыми возможными способами в соответствии с представлениями носителей этой идеи. Идея насильственной святости мира и апокалипсиса является лейтмотивом этой формы фанатизма.

Характер «фанатизма компромисса» напротив, более толерантен и основывается на концепции аскетизма. Здесь не прослеживается явная оппозиция к существующей реальности, напротив, при явной верности к истинному религиозному и поклонению Богу, наблюдается стремление приспособиться к существующему миру. Мы полагаем, что при всем различии использования терминологии, понимание форм фанатизма М.Н. Кузнецовой по своей сути пересекается с классификацией форм фанатизма немецкого ученого П. Концена.

М. Яхьяев называет формы религиозного фанатизма «религиозной патологией», которая может проявляться в любых религиозных учениях. Он рассматривает два вида фанатизма, которые связаны «с конкуренцией религиозных конфессий: фанатизм нового религиозного движения (выражающий интересы социального прогресса) и ответный или защитный фанатизм традиционной религии (выражающий интересы охраны и стабилизации существующей социально-политической системы)» [176]. Первый он называет «детским» фанатизмом, а второй «старческим» религиозным фанатизмом [176, С.144].

Несмотря на различие подходов в определении форм фанатизма и определении их содержания, большинство ученых утверждают, что любой фанатизм содержит религиозное ядро и хочет улучшить несовершенную действительность и в широком смысле является политическим. В любом фанатизме «бытовое переходит в нетерпимое морализирование» [49, С.50].

Так, Д. Ольшанский классифицирует фанатизм на следующие формы: религиозный, политический, патриотический и идейный, при этом, как полагает исследователь, вариативность феномена фанатизма гораздо шире - например, фанатизм ученого, преданного своей идее, музыкальный, спортивный фанатизм. Но, следует отметить, что в отличие от музыкального и спортивного фанатизма, религиозный, политический, патриотический фанатизм представляют социальную опасность и могут привести к тяжелым для социума последствиям [91].

Д. Ольшанский полагает, что самой типичной формой фанатизма, является групповой фанатизм, когда оказывается влияние эффекта толпы. В отличие от П. Концена, он не выделяет в качестве отдельного вида массовый фанатизм, а относит его также к групповому. Именно социальная потребность поддерживать, подкреплять коллективные чувства и идеи, играют в данном случае приоритетную роль. Д. Ольшанский сравнивает этот механизм воздействия с поведением толпы на восточном базаре. По мнению ученого, социальная база политической власти А. Хомейни – принцип базара. «В Афганистане противники режима используют

базар в своих целях, возбуждая воинственные чувства против «неверных» [91,С.288].

Внешние формы религиозного фанатизма самые разнообразные. В качестве исходного состояния могут являться «камлания шаманов, изгнание бесов, самобичевание цепями во время праздника, феномен кликушества - таковы разнообразные варианты проявления религиозного экстаза, достигающего до религиозного фанатизма». [91, С.237]. В массе, толпе людей, вера формирует своеобразные чувственные эмоции, проявления которых могут быть неоднозначны для социума: это может быть и религиозный экстаз, неудержимый аффект, неконтролируемые чувства.

Для понимания сущности и форм религиозного фанатизма как социокультурного феномена представляется необходимым рассмотреть вопрос о социальных типах религиозных фанатиков. Понятие «религиозный фанатик» было рассмотрено нами в первой главе в связи с анализом сущности религиозного фанатизма. Здесь мы отметим следующие признаки религиозного фанатика: иступленная преданность своей религии, вере, какой-нибудь идее или делу [90,С.839]; самоидентификация с радикальными убеждениями [61, С.99].

В дискурсе исследования данного вопроса отметим, что М. Яхьяев выделяет следующие социальные типы фанатиков:

- 1) «теоретик – создатель фанатической идеологии»;
- 2) «пропагандист-организатор, который занимается распространением фанатической идеологии и объединением вокруг нее единомышленников (в терминологии М. Вебера – «харизматический лидер» [21], в терминологии Г. Лебона - это «вожак толпы» [68];
- 3) «рядовой фанатик (попавший под влияние фанатической идеологии и фанатического лидера простой человек), потребитель фанатической идеологии и исполнитель руководящих и направляющих указаний (часто носящих форму провокационного подстрекательства) фанатического вождя».

Каждый из этих типов фанатиков несет свою миссию и выполняет определенные функции внутри сообщества. Кроме того, социопсихологические

характеристики каждого типа различны [176, С.62]. Особая роль отдается еще одному типу фанатика «отверженного» или «провинившегося грешника». «Грешник – психологическая роль провинившегося члена фанатической организации. Он необходим фанатической организации в воспитательных целях. Настолько необходим, что если его нет, его стараются создать искусственно. Грешника демонстративно репрессируют и заставляют искупать грех и тем самым с помощью наглядного примера укрепляют страх рядовых членов и силу их веры, а главное – послушание»[176, С.61-62].

Анализируя социопсихологические признаки религиозных фанатиков, Й. Хейзинга отмечал излишнюю эмоциональность средневековых религиозных фанатиков, способную оказывать сильнейшее влияние на массу людей, которое представляло собой «страстное волнение», способное охватить всех присутствующих, «когда от слов странствующего проповедника горячий материал души вспыхивает, точно вязанка хвороста. Это бурная и страстная реакция, судорогой пробегающая по толпе и исторгающая внезапные слезы, которые, впрочем, сразу же высыхают» [162,С.208]. Данный анализ эмоционального состояния верующих, представляется важным в связи с тем, что речь шла о европейском городе, цивилизационный уровень которого, по сути, должен был отличаться от менее развитых городов. Тем не менее, то, на что акцентирует внимание Й. Хейзинга, напоминает атмосферу царящего хаоса.

Именно на состоянии религиозного экстаза, о котором неоднократно упоминал и А.Л. Дворкин в своих работах, посвященных постсоветским религиозным культам, базируется эмоционально-психологическое воздействие на адептов религиозных организаций. Так, обращаясь к культу неопятидесятников, он отмечает эмоциональное состояние, которые испытывают адепты данного учения во время так называемой «молитвы на языках» или «глоссолалии». Адепты культов, которые используют такой молитвенный способ, полагают, что в такие моменты они получают больше откровений и даров, и преисполняются Святым Духом. Их вера в силу молитвы настолько сильна, что становится неважным ее словесное содержание. «На самом же деле, молитва на языках имеет

вид либо очевидного притворства, либо неконтролируемой истерии. Как признаются многие харизматики, чтобы «завестись», они начинают имитировать языкоговорение, выкрикивая бессвязные слова». [37, С.394].

По мнению А. Дворкина, данное полусознательное истеричное выкрикивание и бормотание нечленораздельных звуков – явление далеко не новое, а известное с древних времен. Оно являлось принадлежностью многих языческих культов, в основе которых было экстатическое состояние: «вспомним шаманские пляски с выкриками, «трансцендентные» трясения шиваитских монахов, бормотание впавших в экстаз дервишей или нечленораздельные пророчества древнегреческих сивилл и пифий» [37, С.394].

Принимая во внимание вышеизложенные позиции, можно констатировать, что подход к определению форм религиозного фанатизма и социальных типов фанатиков - вариативен. По мнению диссертанта, одним из наиболее объективных и базовых подходов является концепция П. Концена [61].

Обобщив существующий теоретико-методологический опыт исследователей, мы предлагаем авторскую классификацию форм религиозного фанатизма с учетом результатов проведенного нами эмпирического исследования. В аспекте авторского подхода представляется логичным классифицировать формы религиозного фанатизма по следующим критериям:

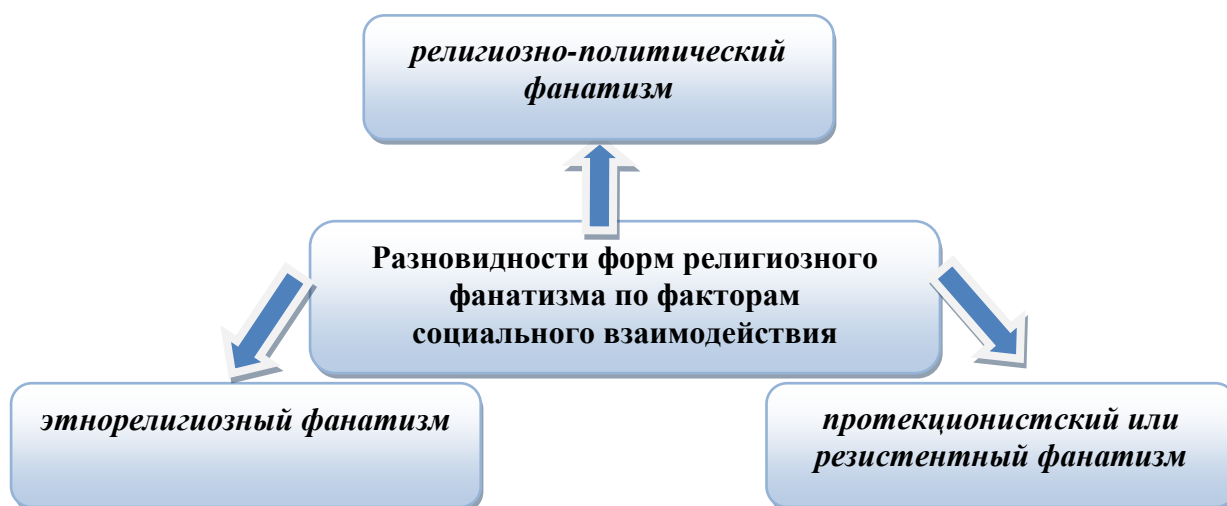

Рис.2.1.5 Разновидности форм религиозного фанатизма по факторам социального взаимодействия (авторская концепция).

Среди негативных факторов, провоцирующих возникновение религиозного фанатизма, многие исследователи, такие как П. Концен, В. Поликарпов, Ж. Тощенко, М. Яхьяев [61; 97; 137; 176] отмечают значительную включенность различных религиозных образований в процесс управления государством. Причем в зависимости от количественного состава, идеологических и стратегических различий религиозные организации имеют большее или меньшее влияние на политику государства. Если степень влияния настолько высока, что она оказывает давление на законодательную власть и формирование политики государства в целом, и при этом существует явное ущемление прав других граждан, либо религиозных организаций, то это может привести к вспышкам *религиозно-политического* фанатизма (См. рис 2.1.5).

Образующим конструктором формы *этнорелигиозного* фанатизма являются интенсивные миграционные процессы, которые в значительной мере дестабилизируют социальную ситуацию. Последствиями нерегулируемых государством миграционных процессов могут стать увеличение уровня безработицы, нищета, повышение преступности. Причем, следует отметить, что если в ряде европейских стран, таких как, Франция, Германия, Великобритания, речь идет скорее об этническом фанатизме, поскольку конфессиональная принадлежность коренных жителей и мигрантов различная, то в рамках российского государства можно наблюдать проявления этнорелигиозного фанатизма, когда принимающая сторона может относиться к той же конфессии, что и прибывающая, но при этом испытывать негативное отношение, несмотря на общую религиозную принадлежность. Так, например, контент анализ обсуждений проблем, вызванных миграционными процессами в Тюменской области в прессе и на различных форумах в Интернете, подтверждает факт негативного отношения коренных жителей, проповедующих ислам, к мигрантам мусульманам из Северного Кавказа и Средней Азии в силу значительных расхождений религиозных, этнических традиций, а в большей степени нежеланием мигрантов социально адаптироваться к существующим местным условиям жизни. Следует

отметить, что подобная тенденция вызывает особую тревогу, поскольку Тюменский регион в силу исторически сложившихся обстоятельств является наиболее подготовленным к этнорелигиозному разнообразию (См. рис 2.1.5).

Обосновывая природу религиозного фанатизма, ряд исследователей выделяют защитную функцию фанатизма [61; 58; 137; 176]. Это П. Концен, В. Ким, Ж. Тощенко, М. Яхьяев. Эта форма религиозного фанатизма возникает при потенциальной опасности утраты социокультурной идентичности. Данное явление в социологии терминологически не определено. Принимая во внимание природу этого явления и предпосылки, способствующие его возникновению, нам представляется возможным номинировать его *протекционистской* (*protectionniste* – защитный, с фр.яз) или *резистентной* (*résistant* – сопротивляющийся, с фр.яз) *формой* религиозного фанатизма, что терминологически отражает сущность данного социокультурного феномена (См. рис 2.1.5).

Кроме того, следует отметить, что одним из факторов социального взаимодействия выступает влияние религии и на экономические отношения как внутри государства, так и внешнеэкономические связи. Стремление к обладанию экономической властью и установление материального преимущества в государстве толкает религиозные организации на стратегии, целью которых является значительное влияние на экономическую политику страны. Как отмечает Ю. Синелина, внутри различных конфессий имеет место достаточно высокая коррупционность при расходовании духовенством полученных средств [117]. Ряд государств, в основном это государства арабского мира, могут отдавать предпочтение при установлении экономических отношений, исходя из религиозной принадлежности своих потенциальных экономических партнеров, что является явным признаком проявления *религиозно-экономического* фанатизма.

Таким образом, формы религиозного фанатизма, его разновидности, типы социальных фанатиков зависят как от природы и сущности этого феномена, так и от конкретной социокультурной ситуации. В рамках определенных цивилизаций существуют разнообразные формы религиозного фанатизма. Целесообразно

выделять три направления трансформаций форм религиозного фанатизма – западное, восточное и российское.

Формы религиозного фанатизма классифицируются: а) по количественному составу; б) по идейному содержанию. Принимая во внимание общность взглядов исследователей, наиболее логичной является - разделение на *индивидуальную, групповую и массовую* формы проявления религиозного фанатизма по количественному критерию; и *оригинальный / индуцированный* по идейному содержанию. При этом представляется возможным выделять и степень активности проявлений – *пассивная / активная*.

Религиозный конфликт может выражаться как в форме столкновения реакционного религиозного фанатизма нетрадиционных религиозных движений с альтернативным специфическим нерелигиозным социально-политическим фанатизмом, так и с формирующейся новой нефанатической общечеловеческой гуманистической идеологией.

2.2 Религиозная ситуация в Тюменской области: социологический анализ.

Существует множество разных методик оценки уровня религиозности и, учитывая разноплановое содержание религиозных учений, возникает необходимость использовать самооценку религиозности респондентов. В рамках нашего диссертационного исследования объективным показателем является сравнительный анализ динамики религиозности населения не только в масштабах российского государства, но и на фоне происходящих мировых глобализационных процессов.

Ю. Синелина, опираясь на результаты ежегодного глобального международного опроса ассоциации Gallup International/WIN «Глобальный барометр надежды и отчаяния» (Global Barometer on Hope and Despair) (январь 2012 года) [29], приводит данные о показателях религиозности жителей планеты. Так, по данным проведенного исследования можно утверждать, что «больше половины жителей нашей планеты - 59%, считают себя религиозными людьми. Каждый пятый житель Земли - 23%, назвал себя нерелигиозным человеком. И

только каждый восьмой, их 13%, заявил, что является убежденным атеистом. Самыми религиозными оказались индуисты и христиане» [117] (См.рис.2.2.1). Самой высокой долей религиозных респондентов - от 85 до 96% обладают Гана, Нигерия, Армения, Фиджи, Македония, Румыния, Ирак, Кения, Перу, Бразилия (См. рис. 2.2.1).

Напротив, убежденных атеистов больше всего в Китае - 47% , Японии - 31%, Чехии -30%, Франции -29%. В этих же странах наименьшее количество респондентов, назвавших себя религиозными. Gallup International, анализируя динамику религиозности населения в мире, отмечает тенденцию к значительному снижению доли религиозного населения мира. Исследовательский центр отмечает значимый рост религиозности только граждан Македонии, Сербии, Румынии, Молдавии, Пакистане и Малайзии [29].

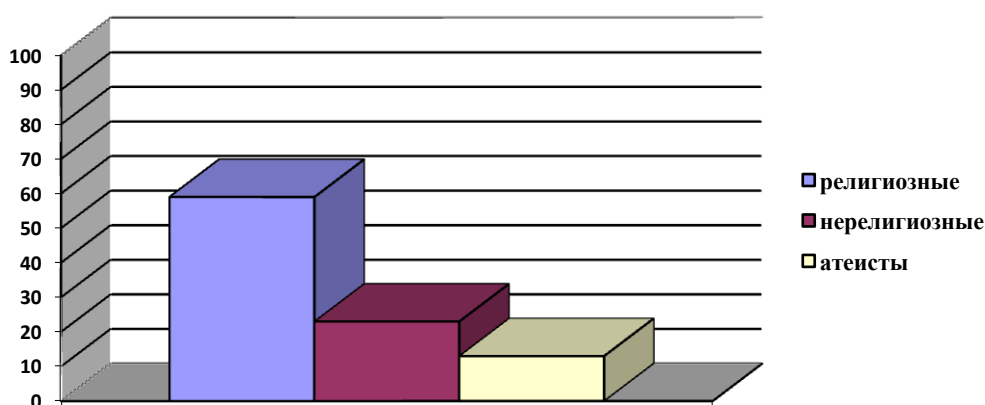

Рис.2.2.1 Показатели религиозности населения планеты (по данным глобального международного опроса ассоциации Gallup International/WIN)

Не оставили без внимания ученые данного центра и россиян. Более половины жителей России назвали себя религиозными людьми - это 55%; чуть больше пятой части, 26% — нерелигиозными, а 6% — убежденными атеистами. При этом за семь лет с момента проведения аналогичного опроса индекс религиозности россиян понизился на 2%, а индекс атеизма вырос на те же 2% [29].

Данное исследование позволяет экспертам Гэллапа сделать вывод: «бедные страны более религиозны, чем богатые, а «образованные» менее религиозны, чем «необразованные» [117]. Как полагает Ю. Синелина, «такое объяснение, безусловно, имеет основания. Особенно этот тезис работает в самых бедных странах. Но что касается европейских стран, все же стоит учитывать культурные и исторические особенности» [117]. Так, например можно утверждать, что « в протестантских странах с государственной религией уже несколько десятилетий доля нерелигиозных людей существенно выше, чем в католических» [117], что в данном контексте объясняется не уровнем жизни в этих странах, а именно культурологическими особенностями. Зависимость религиозности от уровня образования, также достаточно пунктирна. Так, например, показатели религиозности в России и в Великобритании выше у образованных людей, что может подтверждать осознанный выбор религиозных убеждений, а не просто культурную самоидентификацию.

Исследователи центра предполагают, что важнейшими и решающими факторами, влияющими на уровень религиозности, являются существующие или возможные межрелигиозные конфликты, возникающие под влиянием некой противостоящей, «враждебной» социокультурной системы, вызывающие духовно-нравственный кризис. В связи с этим проблема возрождения нравственных и моральных ценностей обсуждается на государственных, социальных уровнях, в средствах массовой информации, а также широкой общественностью.

В российском государстве последние десятилетия наблюдается изменение роли и места религии в жизни социума. Религиозные ценности, возродившиеся в постперестроечный период, стали важной составляющей существования общества. Влияние, авторитет и роль религиозных организаций в жизни каждого индивида значительно возросли. Вследствие этого, изменение общественного мнения к проблемам духовных ценностей оказало сильнейшее влияние на формирование государственной политики в сфере религий и отношения к религиозным организациям.

Если обратиться к историческому прошлому России, то нельзя не отметить значительную роль религии как интегрирующей силы в межконфессиональных и межэтнических отношениях. В советский период в условиях господства атеистического мировоззрения, вопрос о приоритетности какого-либо из религиозных учений в государстве не относился к категории значимых. Годы перестройки и постперестроечный период кардинально изменили ситуацию по отношению к религии в государстве. Наряду с возрождением традиционных религиозных учений появилось большое количество культов, ранее процветавших на Западе, которые начали свою активную деятельность на территории России, освободившейся от государственного атеизма. Изменения в общественном сознании граждан нового российского государства, а также активно развернувшаяся миссионерская деятельность новых религиозных организаций в условиях идеологического вакуума на рубеже XX-XXI столетий способствовали религиозному возрождению. Даже руководители государства в средствах массовой информации стали активно демонстрировать свои религиозные предпочтения.

Исторический период, когда после долгих лет активно пропагандируемой атеистической идеологии, возникает всплеск религиозности, потенциально опасен для государства, принимая во внимание многонациональный и поликонфессиональный состав населения. Экспансия нетрадиционных зарубежных культов представляет потенциальную угрозу для социокультурной идентичности россиян. Таким образом, изучение динамики религиозности населения представляет как исследовательский интерес, так и возможность решения политических задач.

Так, отметим, что согласно исследованию Левады-Центра, процент верующих в России в начале второго десятилетия XXI-го века распределился следующим образом [70]: православие — 74 %; ислам — 7 %; католицизм, протестантизм и иудаизм - по 1 %; буддизм и индуизм - менее 1 %; другое вероисповедание - менее 1 %; ни к какому вероисповеданию - 10 %; атеизм — 5 %; затруднились ответить — 2 % (См. рис. 2.2.2). В целом по стране ученые

оценивают религиозную ситуацию как относительно стабильную, но при этом отмечают ряд тревожных факторов в различных регионах, связанных в основном с интенсивными миграционными процессами, которые провоцируют социальную дестабилизацию. Подтверждая выводы теоретико-методологической части диссертационного исследования, среди негативных моментов, отмеченных респондентами всероссийских опросов, проведенных ВЦИОМ и Левада-центром, можно констатировать, что достаточно ярко прослеживается негативное отношение респондентов к приезжающим из республик Северного Кавказа, что обусловлено высокой тревожностью и ощущением социальной незащищенности после ряда террористических актов, осуществленных на территории РФ.

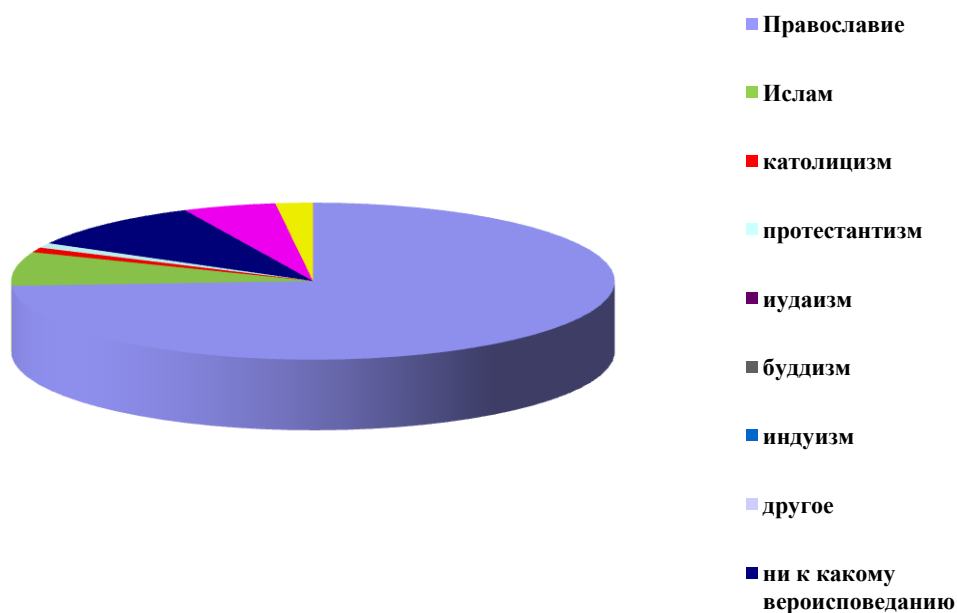

Рис.2.2.2 Распределение респондентов по конфессиональной принадлежности (данные по РФ, Левада-центр).

Если проследить динамику самоидентификации россиян, то можно констатировать, что существенно выросла доля респондентов, идентифицирующих себя как православных. Анализируя эти результаты, руководитель Левада - центра Л. Гудков полагает, что из этих людей «только половина верит в Бога, а уж о том, чтобы быть включенными в церковную жизнь,

вообще говорить не приходится» [33]. Можно предположить, что для значительного числа респондентов, определяющих себя как православных, православие является не столько религиозной, а культурной самоидентификацией.

Исследования ИСПИ РАН 2011 года показывают, что на вопрос: «Верят ли они в Бога?», положительно отвечает 65% опрошенных. При этом доля так или иначе участвующих в жизни «прихода православных составляет 21%, из них постоянно участвуют около 10%. Еще 11% православных россиян чувствуют свою причастность к жизни определенного прихода. В целом это составляет 31% православных» [33]. Если говорить о значении религии в жизни россиян, то «очень важна», ответили 28% респондентов; «довольно важна» - 46%, «совсем не важна» - 3%.

Констатация факта о возрастающей роли православия в российском обществе достаточно субъективна, поскольку обязана в большей степени государственной пропаганде и «модели навязываемой идентичности» [117]. Важно подчеркнуть, что в современном российском обществе гражданская составляющая идентичности характеризуется «отсутствием адекватных светских альтернатив», в связи с чем, при определении гражданской идентичности россиян, чаще всего опираются на религиозную и этническую идентичность. В условиях сложных глобализационных процессов религиозные организации «вынужденно берут на себя эти функции – нет других альтернатив» [117]. На фоне сложившейся ситуации православие, в ущерб другим российским конфессиям, берет на себя роль, служащую основанием для определения «цивилизационной идентичности России» [117].

Все вышеизложенное позволяет заключить, что существует острая необходимость объективного изучения вопросов, связанных с религиозностью населения, с целью эффективной реализации государственной политики в области межнациональных, государственно-межконфессиональных и общественно - политических отношений. Ситуация социального взаимодействия в сфере религиозных отношений в Тюменской области динамична, как и в любом другом

регионе, но по сравнению с другими регионами России, по мнению социологов, достаточно благополучная. Данная ситуация формируется не только членами общественно-религиозных организаций, но и всем населением Тюменской области в целом, которое в силу пережитых исторических событий достаточно толерантно и подготовлено как к этническому, так и религиозному многообразию. Следовательно, для того, чтобы сохранить сложившуюся позитивную тенденцию и корректно сформировать основные направления по регулированию взаимоотношений между религиозными организациями, необходимо изучать отношение жителей области к проблемам, связанным с религией. Поэтому при регулировании этих вопросов, необходима обратная связь с населением при помощи различных социологических мониторингов.

Диссертантом было проведено социологическое исследование на территории Тюменской области (без автономных округов) по вопросам, связанным с изучением состояния религиозности населения, отношения к такому социокультурному феномену, как религиозный фанатизм и возможности профилактических мер по предупреждению проявлений религиозного фанатизма.

Тюменская область входит в число регионов с положительным приростом населения. Население всей Тюменской области с ХМАО и ЯНАО составляет 2,4% населения страны. По данным на 01.01.2010 в Тюменской области без АО проживало 1345 тыс. человек на территории в 160 тыс. кв. км, что составляет 0,95% от населения всей России. В целом население представляет 140 национальностей и этнических групп, которые на протяжении длительного времени, особенно с начала освоения месторождений нефти и газа оседали на территории Тюменской области, но в основном, смогли сохранить свою этнокультурную и религиозную идентичность [121] (См. приложение 1).

Исторически, коренное население юга Тюменской области характеризуется социокультурным разнообразием, но при этом большая его часть состоит из русского населения, представляющего традиционное православие и старообрядческие общины и коренного татарского, исповедующего традиционный ислам [32].

В настоящее время большая часть населения это - русские (71,6% населения), татары (7,4%), украинцы (6,5% населения), белорусы (1%), башкиры (1,3%) (См.рис.2.2.3). Тюменскую область можно назвать «регионом повседневных контактов переселенческого населения с сибирскими татарами на юге края и коренными малочисленными народами Севера» [93,С.5]. Поэтому можно говорить, о подготовленности населения к «этническому и религиозному многообразию и толерантному взаимодействию». По состоянию на начало 2010 г. В Тюменской области зарегистрировано 179 религиозных организаций. В целом сложившуюся межконфессиональную ситуацию можно назвать стабильной, с устойчивыми конструктивными взаимоотношения «между религиозными сообществами и светскими институтами» [93,С.5].

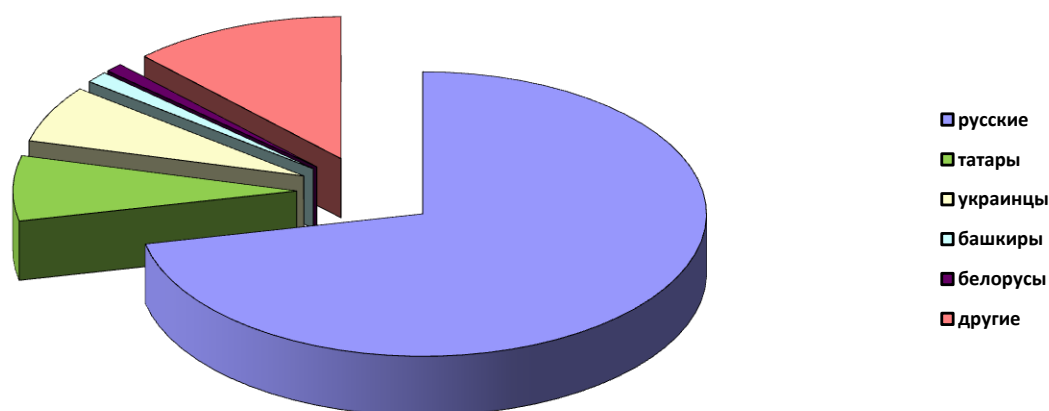

Рис.2.2.3 Национальный состав населения Тюменской области (по данным 2012г.).

Плотность населения в Тюменской области существенно ниже средней по России. При этом данный показатель практически не изменился за последние 15 лет и составляет 8,3 человека на кв. км на юге области. Демографическая обстановка в Тюменском регионе более стабильна, чем в целом по стране. [121, С.9-11].

Общая ситуация в социальной сфере сохраняется стабильной в отличие от ряда российских городов, «поскольку реализация комплекса антикризисных мер позволила уменьшить величину спада объемов в промышленности и

строительстве, продолжить реализацию ряда крупных инвестиционных проектов и сдержать рост безработицы» [93, С.5].

В рамках данного исследования представляет интерес социальный портрет верующих в Тюменской области. Вторичное изучение проведенных в области социологических исследований, позволяет констатировать, что особых различий по гендерному признаку среди убежденных верующих нет, «но значительны различия внутри категории колеблющихся: среди женщин колеблющихся верующих 45%, а среди мужчин 36%. Среди мужчин почти в два раза больше, чем среди женщин, неверующих и атеистов» [93, С.10] (См. Приложение 2 таб.1).

Если исходить от возрастных категорий и социальных слоев, напрашивается вывод о том, что принципиальные различия в религиозности наблюдаются между убежденными верующими и скорее верующими, чем неверующими или скорее неверующими, чем верующими. Как отмечают современные социологи, категории (неверующий, атеист) «постепенно уходят на периферию общественного сознания» [93, С.10], [137], хотя примыкание к числу верующих происходит не всегда в связи с изменившимися взглядами на религию, а скорее формально.

Различия убеждений по отношению к религиозной вере обоснованы сильной амплитудой общественного сознания второй половины XX в. и начала XXI в., в связи с изменившимся общественным строем и политическими реформами. Исходя из этого, по данным социологического изучения «среди более молодых выше доля колеблющихся верующих (44% в когорте 25-44 года и 39% в когорте 45-64 года). В старших возрастных когортах возрастает доля определенно верующих. Заметно выше доля неверующих среди тех, кому за 65 лет» [93, С.11].

Наблюдая за изменением религиозности населения в зависимости от уровня образования, отмечают, что «среди граждан с высшим образованием возрастает доля колеблющихся верующих (47%), причем за счет снижения доли верующих и атеистов. Среди тех, у кого среднее общее, — 36%, среднее специальное — 40% колеблющихся верующих» (См.рис.2.2.4). Следовательно, можно предположить, что влияние уровня образования является не решающим, а скорее косвенным в

формировании религиозного мышления [121,С.102]. Чего нельзя сказать о роли уровня жизни на религиозность людей. «Доля убежденно верующих возрастает среди самых бедных и самых богатых, тогда как в средних слоях увеличивается доля колеблющихся» [121 С.104].

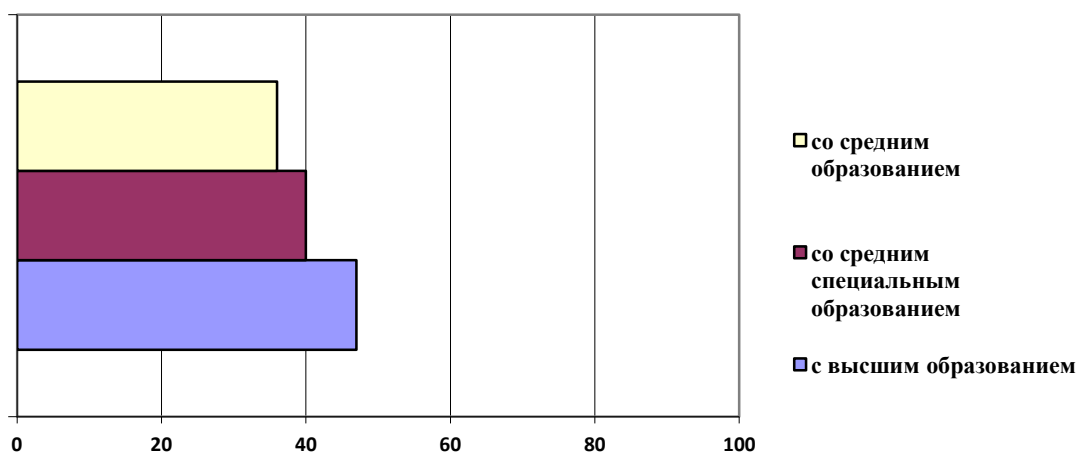

Рис.2.2.4 Показатели доли колеблющихся верующих Тюменской области в зависимости от уровня образования.

Анализируя различие в религиозности городского населения и сельского, ученые Тюменской области приходят к выводу о том, что «городское население в среднем более религиозно, чем сельское, жители Тюмени более религиозны, чем жители остальных поселений региона» [121,С.104]. Социологи считают, что это также является логическим отражением изменения общественного сознания, произошедшего на рубеже XX-XXI вв. в России, когда «традиционное в общечеловеческом смысле сознание стало модным веянием. Это привело к тому, что часто родители менее религиозны (во всяком случае, менее — напоказ), чем их дети и внуки, а жители крупных городов и столиц более религиозны, чем жители малых городов и традиционно более консервативных жителей села». По прежнему, доля убежденно верующих и атеистов уступает числу колеблющихся [121,С.104].

В последние годы значительно возросла доля миграционного населения, что привело к существенному различию в религиозности между коренным населением региона и вынужденными переселенцами: в 45% случаев убежденно

верующие это приезжие, «тогда как среди местного населения их 34-35%» [121,С.104] (См. Приложение 3, таб.1).

Проведенные по заказу администрации Тюменской области социологические исследования показали, что «до сих пор в Тюменской области наблюдался высокий уровень конфессиональной толерантности» [С121,С.105]. Но, учитывая все возрастающую роль религиозного сознания в обществе, социально-политические изменения и большой уровень миграции, особенно из республик Средней Азии и Кавказа, уровень напряженности в вопросах религиозной терпимости может возрасти [121, С. 105]. Также с уровнем миграции из этих республик связан вопрос о конфессиональном составе населения Тюменской области. Представители православия – около 70% населения, но в таких семьях 1-2 ребенка, в то время как в мусульманских семьях нередко 3 детей. Учитывая, что в данный момент существует большой поток мигрантов из республики Таджикистан, где проповедуется ислам, приток мусульманского населения может возрасти именно благодаря мигрантам. «По сравнению с 2006 г. в регионе возросла доля мусульманского населения (на юге Тюменской области на 6% и в ЯНАО на 4%)» [121,С.105]. Данное предположение подтверждается анализом возрастной категории респондентов, исповедующих ислам: «заметно, что чем моложе респондент и чем меньший срок он живет в данном регионе, тем больше в данной группе лиц, исповедующих ислам» [121, С. 105]. Следовательно, можно утверждать, что существует рост религиозности населения, более ярко выраженный среди представителей более молодых возрастных групп. «Основным вероисповеданием остается православие, но нарастает тенденция миграции мусульманских семей. В мусульманских семьях выше рождаемость, они чаще живут большими семьями и сохраняют более традиционную ментальность, чем постоянные жители Тюменского региона» [121, С.106].

Таким образом, вторичный анализ, проведенных на территории нашего региона социологических исследований позволяет назвать Тюменскую область относительно стабильным и благополучным регионом как по своей социально-экономической, так и общественно-политической ситуации, в частности в области

межконфессиональных отношений. Именно эта стабильность, вероятно, и придает особую привлекательность региона в миграционном плане. Однако настораживает то, что принимающее население не всегда готово к толерантному отношению к волне мигрантов и может возникнуть рост «конфликтности на национальной и религиозной почве» и нет основания говорить об абсолютном спокойствии в вопросах межконфессиональных отношений [93,С.6].

Результаты исследования подтвердили теоретическую компоненту диссертационной работы, согласно которой молодежная среда, характеризующаяся несформированностью мировоззрения и неустоявшейся социальной идентичностью, является социально уязвимой частью населения. Именно этой категории населения сложнее всего в условиях существующего нравственного и морального «хаоса» построить правильную толерантную систему взглядов на происходящие в жизни изменения, в том числе и сфере религии. Сложность формирования гуманного и терпимого отношения к происходящим в обществе тенденциям, усугубляется, прежде всего, отсутствием установок, ориентирующих на законопослушность. Общество, в котором игнорируются права личности, и существует откровенное беззаконие на самом высоком уровне власти, не способствует легитимности поведения и проявлению взаимного толерантного отношения граждан, а наоборот провоцирует вспышки фанатизма и экстремизма. Коррупционность власти и криминализация различных общественных сфер, вовлечение в криминал представителей молодежи, которая будет формировать будущее российского социума – все это не может не пошатнуть стабильность политического, экономического и социокультурного уровня нашего общества.

Нет основания говорить о полном отсутствии культуры, особенно, учитывая богатый культурный потенциал нашей страны - речь идет о деформированности, разорванности культуры, о потере ее целостности. Современное общество грешит так называемой «нравственной неразборчивостью», когда финансовая сторона дела имеет большее значение в вопросах науки, морали и культурного развития страны, нежели наличие интеллекта, высоких нравственных ценностей и таланта.

К наиболее выраженным негативным факторам внешней мотивации, ведущей к обострению религиозной ситуации, относится влияние зарубежных религиозных организаций и их российских «соратников», которые в настоящее время существуют под прикрытием различных вывесок: психологические школы, семинары по менеджменту, «церкви», центры помощи наркозависимым, школы магического искусства, центры йоги и т. д. Подобные организации способствуют отрицанию норм и конституционных обязанностей людей, насаждают чуждые ценности в такой многообразии, что человеку молодого возраста или человеку, находящемуся в кризисной ситуации, очень сложно разобраться в новоявленных учениях и сделать правильный выбор. В такой ситуации поиск идентичности, будь то религиозной или этнической, очень осложняется, поскольку нескритичность своих действий, уверенность в своей правоте, деление мира на «Мы и они» - характерны для молодых людей, отличающихся особым максимализмом.

Анализ теоретических и эмпирических данных позволяет утверждать, что новые технологии, стремительно развивающиеся в настоящее время, также способствуют распространению фанатичных и экстремистских настроений среди молодежи. Поскольку пользователями различных социальных сетей в Интернете являются, прежде всего, люди молодого и среднего возраста, то различные, заинтересованные в дестабилизации российского государства организации, адресуют многочисленные антисоциальные сайты, целью которых является разжигание межконфессиональных и межэтнических конфликтов, провоцирование фанатичного и экстремистского настроения и интолерантное отношение. Подобные сайты, пользуясь бесконтрольностью со стороны властей, дают подробную информацию о ходе своей деятельности, о местах собраний и встреч, которые, по сути, являются несанкционированными, насаждают религиозный и этнический фанатизм и откровенно призывают к насилию. Форумы, на которых идет активное обсуждение проблем, заданных фанатично настроенными модераторами, изобилуют нецензурными выражениями, адресованными оппонентам высказывающихся и стремлением спровоцировать

активные насильственные действия. Доступ к широкой аудитории, возможность активной пропаганды при минимальных затратах особенно привлекательны для идейных организаторов этих мероприятий.

Очевидно, что при такой сложившейся ситуации пострадавшей от информационной агрессии будет, в первую очередь, молодое поколение, для которого характерно обостренное чувство справедливости, открытость новым нестандартным идеям, подверженность манипуляции и внушению. Мобильность, готовность к экспериментам при полной финансовой незащищенности может привести молодых людей к участию в довольно опасных антисоциальных акциях, таких как «проплаченные» митинги протеста, актуальные формы проявления активности молодежи, такие как флэшмобы, куда их привлекают лидеры различных деструктивных экстремистских движений, осознанно использующие молодых людей для своих конкретных целей.

Теоретико-методологическая часть нашего исследования, вторичный анализ социологических исследований, анализ социокультурной специфики нашего региона ведут к пониманию необходимости регулярного и разностороннего изучения религиозной ситуации и динамики межконфессиональных отношений в Тюменской области. Поэтому для достижения цели диссертационного исследования нами был предпринят и собственный эмпирический анализ оценки религиозной ситуации в регионе.

Цель исследования - изучение религиозной ситуации в регионе, выявление отношения жителей Тюменской области в проблеме религиозного фанатизма. Итогом проведенного исследования является разработка комплекса социально ориентированных мероприятий для профилактики религиозного фанатизма в Тюменской области.

Для достижения цели было необходимо применение нескольких уровней исследования. Базовым уровнем был микросоциальный, позволяющий дать анализ взаимодействий между представителями различных вероисповеданий с учетом пола, возраста, уровня образования и места проживания.

Территориально данное исследование охватывает Тюменскую область без автономных округов, которая вызывает особый интерес, представляя конгломерат различных национальностей, а соответственно религий и вероисповеданий. Интенсивные миграционные процессы также приносят определенные изменения в религиозный состав исследуемого региона, что позволяет проанализировать динамику межконфессиональных отношений на современном этапе.

Задачи исследования.

1. Оценить состояние и определить характер религиозности населения Тюменской области (без учета автономных округов); - выявить субъективную идентификацию населения религиозно-конфессионального и светского характера.
2. Изучить динамику изменений межконфессиональных отношений.
3. Выявить отношение респондентов к феномену религиозного фанатизма.
4. Изучить мнение населения Тюменской области о взаимосвязи явлений: религиозный фанатизм, экстремизм и терроризм.
5. Получить рекомендации респондентов по мерам профилактики религиозного фанатизма в настоящее время.

Основные этапы исследования:

Первый этап – анкетирование населения Тюменской области без автономных округов (2010-2011 г.).

Второй этап – экспертный опрос (2012-2013 г.)

Инструментарий исследования:

Анкетный опрос проводился среди жителей Тюменской области (без автономных округов) (См. Приложение А).

Экспертный опрос проводился среди специалистов комитета по делам национальностей Тюменской области; научных сотрудников; представителей религиозных объединений Тюменской области (См. приложение Б). Все эксперты являются специалистами в вопросах религии и религиозных отношений (См. приложение В).

Расчет выборочной совокупности. Совокупность респондентов эмпирического исследования обладает следующими социально-

демографическими характеристиками, что репрезентует генеральную совокупность по возрастным группам, образованию, конфессиональной принадлежности (См. Приложение А). В опросе приняли участие 45,5% мужчин и 54,5 % женщин. Эмпирическим объектом исследования явилось население городов: Тюмень – 506 (67%); Тобольск – 86 (11%); Ялуторовск – 31 (4%); а также муниципальных районов Тюменской области: Тюменский район – 79 (10%); Тобольский район - 26 (3,8%); Нижнетавдинский район - 29 (4,2 %) (См.рис.2.2.5).. Такая исследовательская процедура осуществляется посредством выборочного метода, который обеспечивает оптимальный выбор необходимой для опроса численности лиц с целью получения данных о распределениях интересующих исследовательских признаков с требуемой точностью и надежностью. Для определения и описания выборочной совокупности респондентов были использованы статистические данные, характеризующие генеральную совокупность юга Тюменской области (См. Приложение 1). **Общая генеральная совокупность составляет 1 335 000 человек.**

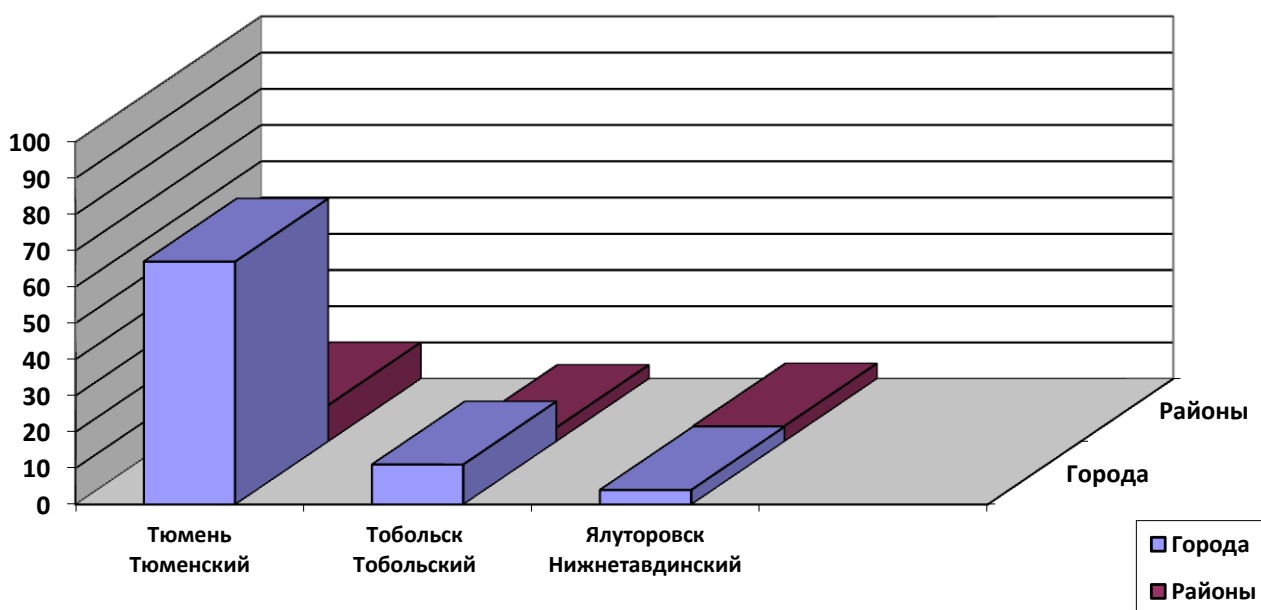

Рис.2.2.5 Выборочная совокупность населения Тюменской области (без автономных округов), рассредоточенная по различным поселенческим структурам

Репрезентативность выборки должна складываться из определенных принципов. По В.И. Добреневу «каждая единица генеральной совокупности должна иметь равную вероятность попасть в выборку, Во избежание направленного отбора выбор единиц генеральной совокупности нужно производить независимо от изучаемого признака, Отбор должен производиться по возможности из однородных совокупностей, Число единиц генеральной совокупности, отобранных для обследования, должно быть достаточно большим»[38, С.143].

Следовательно, для определения объема выборки необходимо задать надежность оценки и точность. В современной социологии предлагаются несколько путей расчета выборочной совокупности. В случае изучения совокупностей с альтернативными признаками предлагается формула:

$P = \frac{M}{N}$, где

N - объем совокупности;

M – явление с данным признаком

P – доля явлений с этим признаком

$P+Q=1$ (100%)

Q – доля явлений с альтернативным признаком.

Из приводимых для расчета определения объема выборки формул, автор счел нужным привести следующую:

— (1),

где n – объем выборки;

t – аргумент вероятностной функции Лапласа, определяемый исходя из доверительной вероятности γ

p – найденная вариация для выборки;

$q = (100 - p)$;

[0,37] – допустимая ошибка.

При проведении социологических исследований допускаются уровни доверительности 90%, 95%, 99%.

Приведенная формула (1) чаще всего используется для повторных выборок. Для бесповторных выборок учитывают объем генеральной совокупности:

$$— (2),$$

Где n – полученное по формуле (1) значение;

N – объем генеральной совокупности.

В рамках данного исследования автор предлагает следующую формулу расчета выборочной совокупности, разработанную Э. Ноэль [89, С.85-111].

$$— ,$$

где n – величина выборочной совокупности;

N - величина генеральной совокупности;

- коэффициент репрезентативности ($t = 2$ при $\gamma = 0,95$);

p - частота признака в генеральной совокупности (%)

$Q = 1 - P(\%)$ - , базовая вероятность неоявления признака;

- предельная ошибка выборки в интервалах (берется от 0,01 до 0,05; для данной работы берется 0,037).

Следовательно, исходя из данной формулы , рассчитываем объем выборочной совокупности для данного исследования :

$$n = \frac{t^2 \cdot p \cdot Q}{e^2} = 729$$

Для анализа вторичной информации использован междисциплинарный теоретический анализ социологической и политической литературы, публикаций с результатами прикладных социологических исследований в области общественно-религиозных отношений.

Для определения представленных данных о половозрастной структуре населения Тюменской области без автономных округов, расчета численности выборочной совокупности по городам и районам были применены метод обобщающих показателей, который позволил охарактеризовать половозрастную структуру и численность населения при помощи абсолютных и относительных величин.

Статистический анализ данных по результатам эмпирического исследования был осуществлен в программе SPSS Statistics версии 17.0, предназначенной для проведения прикладных социологических исследований.

В соответствии с целью и задачами данного исследования логическому анализу подлежали понятия « общественно – религиозные отношения», «конфессия», «религиозный фанатизм», «религиозный экстремизм».

Поскольку общественно-религиозные отношения представляют собой совокупность взаимодействий религиозных объединений с социумом, либо другими словами, отношения различных религиозных конфессий с мировоззренческими взглядами конкретных людей, то в данном контексте для определения оценки состояния общественно-религиозных отношений использовались следующие эмпирические индикаторы:

1. Подтверждение либо отрицание принадлежности индивида к той или иной конфессии;
2. Наличие либо отсутствие проявлений религиозной толерантности в отношении определенных конфессий;
3. Наличие либо отсутствие проявлений религиозного фанатизма по отношению к представителям иного вероисповедания;
4. Оценка респондентами сложившейся общественно-религиозной ситуации в регионе;
5. Оценка респондентами деятельности и степени влияния религиозных организаций;
6. Оценка респондентами исполнения правовых актов, регулирующих межконфессиональные отношения в государстве.
7. Оценка возможности профилактических мер по предупреждению религиозного фанатизма.

Согласно концепции Ч. Глока, религиозность может проявляться в пяти измерениях: идеологическом, ритуалистическом, опытным, интеллектуальном и результирующем [182]. Д. Фолкнер, основываясь на идеи Ч Глока, проведя исследование по верификации того факта, что религиозность может быть

определена в рамках одного из указанных измерений, пришел к эмпирическому доказательству о том, что « фиксация и измерение религиозности невозможны посредством одномерной шкалы, а оптимальным является измерение религиозности с использованием шкалограммного анализа Гуттмана» [152, С. 71]. При определении характера взаимосвязи отдельных измерений был сделан вывод о том, что « наиболее важным оказалось идеологическое измерение. Самые слабые корреляции дало результирующее измерение, что, предположительно, отражает качественное отличие этого измерения как способа определения религиозности» [152, С.70].

В социологической науке способ извлечения информации, дающей наибольшее представление об умонастроениях респондентов, имеет примордиальное значение. Поэтому выбор средств и приемов получения интересующей информации наиболее важен в любом социологическом исследовании. В современной социологии существует множество методов шкалирования, среди которых наиболее популярными являются: шкала Луи Терстоуна, одна из первых в социологии, которая «отражала индивидуальное восприятие каждым респондентом значений наблюдаемого признака». С ее помощью автор «стремился выявить минимальное отличие в восприятии респондентами значений признаков» [65, С.87].

Шкала Рэнсиса Лейкерта была разработана в качестве альтернативы шкале Терстоуна и была предназначена для измерения латентной переменной с помощью построения индекса. Эту шкалу часто называют «методом суммарных оценок» [65, С.100].

Шкала Эмори Богардуса «предназначена для измерения социальной дистанции, которая существует между социальными и этническими группами. По-своему она тоже измеряет установку респондента на определенный тип взаимоотношений с представителями других социальных и этнических групп». Богардусу удалось определить суждения, «которые отражают разную степень социальной близости или дистанции. Респондентам остается только отметить те

дистанции, на которые они бы допустили членов какой-либо группы» [65,С.87]. Метод шкалирования Богардуса широко применяется в этносоциологии.

Наконец, шкалограмма американского ученого Луи Гуттмана, которая опирается на тестовые традиции. Шкала состоит из «определенной иерархии суждений, в которой ответ давался по принципу «согласен – не согласен». При построении этой шкалы использовался принцип кумулятивности» [65, С.106].

Л.А. Ашкинази, проанализировав около 18 распространенных шкал и субшкал, принятых зарубежными социологами для измерения религиозности, утверждает, что лишь две из них «касаются проникновения в «религиозные моральные принципы» и «религиозные социальные нормы» и одна динамики действий «жизненных целей и планов человека, связанных с религией» [9, С. 4665-4673]. Поскольку феномен религиозности чрезвычайно сложен, то существует необходимость применения «комплексных критериев». Л.А. Ашкинази предлагает систематизировать методы изучения религиозности и «построить иерархическую и логически полную модель». Данная модель состоит из пяти уровней:

1. Объект, характеризуется «внутренним состоянием и его действиями»;
2. Внутренне состояние будет характеризоваться чувствами в отношении «веры, ее влияния на людей и социальных проявлений и мыслями в отношении веры как таковой»;
3. Чувства, мысли и действия, которые характеризуются «статикой, их состоянием в данный момент, и их изменениями»;
4. Изменения будут подразделять на кинематику (собственные изменения) и динамику (изменения под давлением внешних обстоятельств);
5. Динамика подразделяется в свою очередь на вытеснение (одна деятельность вытесняет другую) и проникновение (одна деятельность проникает в другую и изменяет ее).

Вышеперечисленные методы шкалирования нашли свое отражение в социологическом исследовании диссертанта, в большей степени метод Луи Гуттмана, поскольку задача исследования была комплексной.

Юг Тюменской области являются наиболее заселенной частью региона и представляют собой конгломерат из представителей разных национальностей и разного вероисповедания. Общая численность населения Тюменской области без автономных округов по состоянию на 1.01.2010 составляет чуть более 1,3 млн. человек, что представляет генеральную совокупность нашего исследования (См. приложение 1, таб. 1,2,3) [52]. Объектом проведенного исследования явилось население Тюменской области (без автономных округов) старше 17 лет во всем его социальном, конфессиональном разнообразии. Эмпирический объект исследования – население городов Тюмени, Тобольска, Ялуторовска, а также Тюменского, Тобольского и Нижнетавдинского районов (См. приложение 1, таб. 1,2,3). **Объем выборочной совокупности составил 757 респондентов** и был сформирован с репрезентацией взрослого населения по месту проживания, полу, возрасту, религиозной принадлежности и уровню образования. Для сбора информации использовался метод анкетного опроса, система вопросов которого была направлена на выявление количественно-качественных характеристик предмета и объекта исследования.

Анкета состоит из двадцати пяти вопросов, пять из которых, были предназначены для получения информации о месте проживания, религиозной принадлежности, возрасте, поле и образовании респондента. Целью первых шести вопросов было выявить степень религиозности респондента, предложив ему ответить на вопросы, связанные с его отношением к религии, к религиозным традициям, определением роли религии в его жизни (См. приложение А).

На вопросы «Считаете ли Вы себя верующим человеком? Считаете ли Вы, что религия играет в Вашей жизни важную роль?» 13% мужчин и 21% женщин ответили: «Религия не играет особой роли в моей жизни, но в определенных обстоятельствах, я обращаюсь к Богу» (См.рис.2.2.6). Из выбравших данный вариант ответа, большинство респонденты с незаконченным высшим или высшим образованием – 17%. Глубоко верующими людьми себя назвали – также 17% опрошенных. «Я верующий человек, но стараюсь не показывать этого внешне» - так ответили 26% жителей области, из которых 20% - женщины. Атеистами себя

позиционируют только 5% опрошенных. В качестве иного варианта респонденты формулировали ответ на этот вопрос самостоятельно. Среди вариантов респондентов были следующие: «Я верю в силу человеческого духа, силу воли и дружбу»; «Я верующий, но не религиозный человек»; «Верю, что есть высшая сила, но не придерживаюсь никаких религиозных ритуалов»; «Верю в себя, науку, музыку»; «Без Бога меня бы не было»; «Бог един, религия – это бизнес». Более половины предложивших иной вариант ответа – это молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет.

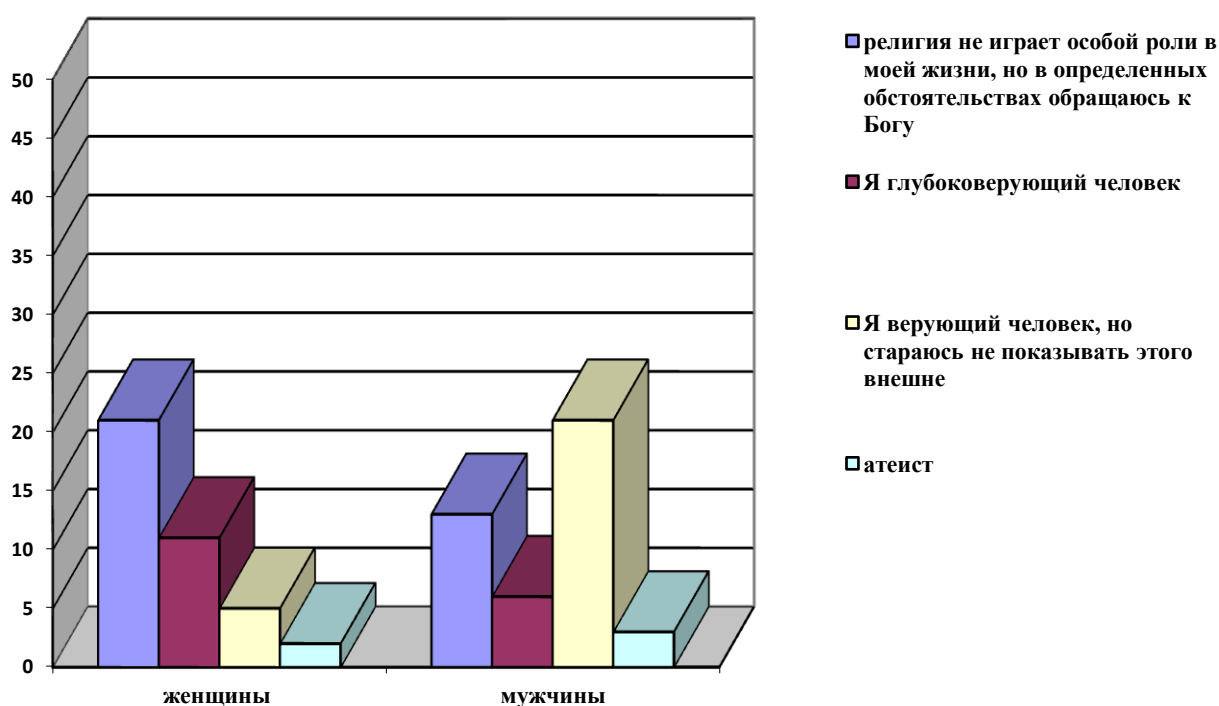

Рис.2.2.6 Распределение ответов респондентов на вопросы: «Считаете ли Вы себя верующим человеком? Считаете ли Вы, что религия играет в Вашей жизни важную роль?» (в зависимости от пола респондентов)

О характере и глубине религиозности можно судить не только на основании показателя личной самоидентификации, но и на основании религиозной активности респондента. Участникам анкетного опроса были заданы вопросы, касающиеся соблюдения ими религиозных традиций, посещения храма. На вопрос: «Соблюдаете ли Вы религиозные традиции?» 35,5% ответили: «Да, соблюдаю, но скорее формально, потому что это в духе нашего времени». Треть респондентов выбрали вариант «Нет, для меня это не важно»; а четвертая часть

утверждает, что делают «...это искренне и по убеждениям». Среди 1,5% респондентов предложивших свой вариант ответа, были следующие: «Стараюсь быть культурным человеком, улучшать свою карму»; «Я имею свои собственные традиции, очень личные»; «Соблюдаю лично для себя, для самореализации»; «Иногда, в зависимости от жизненной ситуации»; «Делаю это по семейным традициям: Пасха, Рождество, но не все»; «У меня свои традиции и церемонии»; «Иногда, в зависимости от состояния здоровья»; «Соблюдаю только те, которые не противоречат моему душевному равновесию».

При посещении храма около трети респондентов находят «Облегчение скорби, страданий, избавление от грехов». Среди ответивших таким образом, в равной пропорции представлены все возрастные категории. 20,5% ходят в церковь для «Общения с богом»; 12,8% ищут «Возможность помолиться», 9,9% находят в посещении храма «Эстетическое удовольствие», а 4,5% ищут в храме возможность найти «Сообщество единоверцев». 2% опрошенных на вопрос «Что Вы находите в посещении храма?» ответили следующим образом: «Душевное спокойствие, но не во всех храмах»; «Удовлетворение любопытства»; «Гармонию, цельность, самообладание»; «Поклонение иконе с изображением лика Бога - грех»; «Все должны просить помощи у Бога. Я за многобожие»; «Прошу у Бога прощения и спасения души своей и своих близких»; «Храм - лечебница душевная, туда ходят для духовного исцеления»; «Храм – дело рук людских, необязательно туда ходить»; «Освобождение от плохих мыслей. Спокойствие. Духовное удовлетворение»; «Побыть наедине с собой. Умиротворение»; «Дань моде»; «Попросить благо для дочери»; «Наблюдаю извне архитектуру»; « Не вижу смысла в посещении храма».

Следует отметить, что пятая часть, а это 20,7% респондентов вообще не посещают храм и только 8,9 % посещают храм регулярно - «Несколько раз в неделю». 27,2% опрошенных посещают храм «Иногда, время от времени» и примерно столько же - 23,8% посещают храм «По случаю личных событий (крещение, похороны родных, венчание)». Реже, только «В дни религиозных праздников, несколько раз в год» посещают храм 14,5 % отвечавших на вопросы.

Индивидуальные варианты ответов респондентов – 0,5 %, содержали следующие умозаключения: «По духовной потребности, в храмах прямые энергоканалы»; «Хожу туда на экскурсию»; «Когда меня зовет мой Бог» (См. рис. 2.2.7)

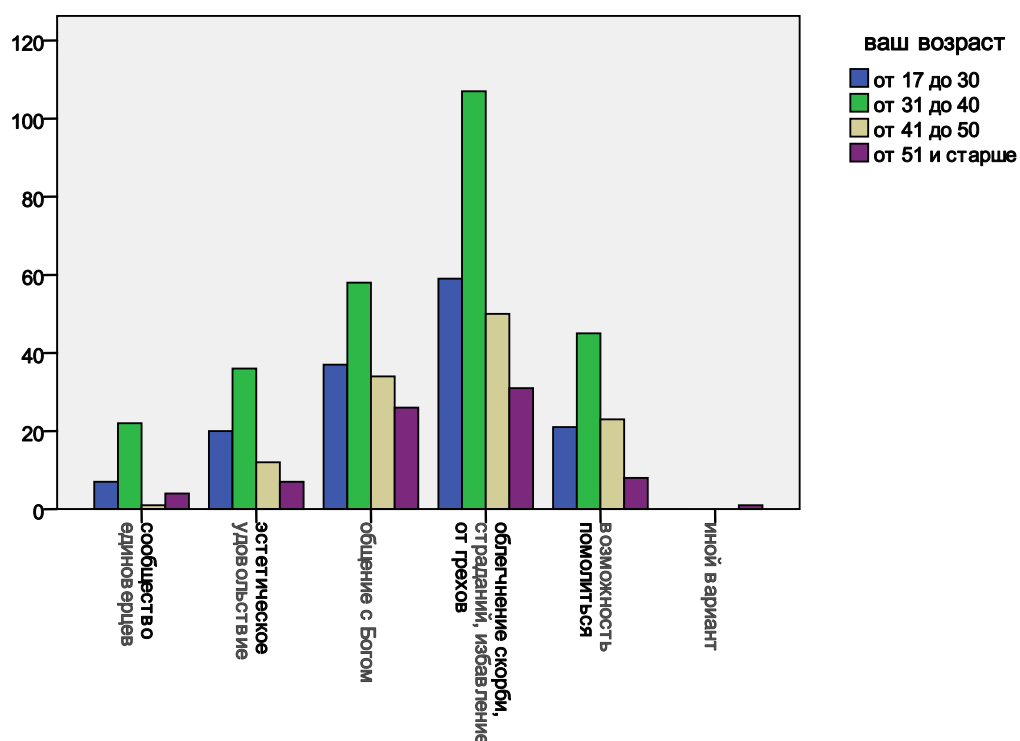

Рис.2.2.7 Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы находите в посещение храма?»

В формулировке следующего вопроса не было слов «Религия» или «Религиозность», но, тем не менее, он также косвенно подталкивал респондентов затронуть тему религии. Вопрос: «Как Вы считаете, что может сыграть положительную роль в жизни человека в критический для него момент (личная драма, потеря работы, неудачи в карьере и т.д.?)» распределил предложенные варианты ответов следующим образом. Подавляющее большинство респондентов - 68,2% рассчитывают на «Помощь родных и близких, друзей», но высок и процент тех, кто в данной ситуации считает, что «Посещение храма, молитвы» может сыграть для него решающую роль в кризисной ситуации – 23,1%. При этом только 3,4% рассчитывают на «Помощь единоверцев», среди которых такой

вариант ответа был выбран в основном представителями ислама и католического вероисповедания. По-прежнему широк диапазон иных вариантов ответа на предложенный вопрос. Часть респондентов, пожелавших самостоятельно сформулировать свое мнение, ответили: «Воля. Самообладание, вера в себя, осознание, что это жизненный урок и опыт»; «Самоконтроль и способность держать себя в руках, вера в лучшее»; «Разбор собственного «Я»»; «Самопознание и изменение собственных установок»; «Нужно самому решать свои проблемы»; другая часть опрошенных намеревается обратиться к Богу: «Надежда на промысел божий»; «Молитвы, искреннее желание жить»; «Молитвы и вера. Общение с Богом через молитву, чтение Библии»; «Бог и молитва»; «Обращение к Богу. Посещение других церквей, реабилитационных центров»; лаконичный вариант - «Антидепрессанты».

Анкетный опрос включал вопросы, акцентирующие внимание на выявление роли религии на моральные качества респондентов, а именно: «Считаете ли Вы, что вера в Бога, посещение храма помогают в духовно-нравственном развитии человека?» Ответы распределились следующим образом: подавляющее большинство - 44,9% выбрали вариант «Да, существенно помогают»; «Помогают в определенный момент» считает также большой процент респондентов – 39,9%. Только 12% ответили: «Нет, не влияют». 1,1 % выразили свою точку зрения, предложив иной вариант ответа: «Через труды святых Отцов – Учителей Церкви люди стремятся к Богу»; «Смотря кто как верит»; «Мой Бог - мой разум»; «Вера да, посещение храма не всегда»; «Безусловно, если это внутренне побуждение, а не дань моде или внешние мотивы»; «Если человек верующий и находит в религии удовлетворение, то вера ему помогает в духовном развитии»; «Бог внутри человека, его там искать надо»; «Это зависит от воспитания! Иногда, да!»; «Без послушания Богу, человек не может быть духовным».

Исследование выявило широкий спектр конфессиональной принадлежности респондентов. Представителями православного вероисповедания позиционируют себя - 60,1%, что немного меньше, чем по стране, а ислама – 20,6% - намного больше, чем по данным по России. Такое отклонение от

статистических данных по России и региону, можно объяснить, как исторически сложившимся этническим составом коренного населения нашей области, так и интенсивными миграционными процессами, которые характеризуют современную ситуацию, характеризующую религиозную самоидентичность жителей нашего региона. Остальные респонденты назвали себя 2,9% - католиками; 1,2% - буддистами; 0,4% - иудеями. 14,7% респондентов отказались отвечать на вопрос о принадлежности к тому или иному вероисповеданию. 2% опрошенных ответили: «Протестант», «Адвентист», «Лютеранство», «Язычница», «Представитель православного вероисповедания, но не совсем согласен», «Бог един», «Агностик», «Не могу отнести себя ни к одному религиозному направлению», «Атеист», «Мы все инопланетный эксперимент», «Музыкант», «Своя религия. Я не с ними и не с вами», «Свой Бог».

Известно, что характер пассивной религиозности в разных конфессиональных группах может быть связан с особенностями культовой практики, а также с образом жизни, уровнем образования и возрастом респондентов. Так, данное исследование показало, что регулярность посещения мечети мусульманами Тобольского района, выше, чем у представителей ислама крупных городов, а наиболее последовательными в исполнении религиозных традиций являются протестанты и католики. Следует также обратить внимание, что, несмотря на то, что многие респонденты не захотели определять свою религиозную самоидентификацию, они все же принимают участие в религиозной жизни и соблюдают определенные религиозные традиции.

В задачи исследования входило выявление уровня религиозной толерантности респондентов, что является важной характеристикой для данного исследования, исходя из понимания того, что религиозный фанатизм и религиозная толерантность противостоят друг другу. Как видно из таблицы 2.2. 1 в настоящее время нет основания для большой тревоги, поскольку ответы респондентов свидетельствуют о достаточно высоком уровне терпимости. Большинство из ответивших, «хорошо» – 43,6% и «терпимо» – 10,2% относятся к представителям другого вероисповедания, а 39,4% ответили, что им это

«абсолютно безразлично», так как они судят о людях по другим критериям. Данный вопрос выявил разницу суждений респондентов по гендерному признаку, как оказалось женщины проявляют больший уровень религиозной толерантности, нежели мужчины: «хорошо» относятся к представителям другого вероисповедания 29,4% женщин из 43,6% респондентов, выбравших этот вариант ответа и «абсолютно безразлично, сужу о людях по другим критериям» выбрали 26,1% женщин из 39,4% ответивших. Напротив, негативное отношение – 2,3% из 3,4% и даже открытую вражду- 1,1% из 1,6% к представителям другого вероисповедания испытывают в большинстве своем мужчины. Среди респондентов, давших индивидуальный вариант ответа, были следующие: «Вера имеет значение, но иногда даже лучшую веру превращают в бизнес»; «Прежде всего, нужно быть воспитанным и порядочным человеком»; «Человек должен уважительно относиться к чужой вере, тогда будут уважительно относиться к нему»; «Хорошо, есть друзья другого вероисповедания, но не приемлю сектантов»; «Я толерантен ко всем или почти ко всем». 1,4 % опрошиваемых затруднились ответить, а 0,2% подчеркнули дифференцированное отношение к проблеме - «Смотря какая вера и какая нация» (См. таб.2.2.1).

Таблица 2.2.1.

Как Вы относитесь к представителям другого вероисповедания?

Как вы относитесь к представителям другого вероисповедания?	Всего %	муж %	жен %
хорошо, среди моих друзей знакомых есть такие люди	43,6	14,2	29,4
я терпимо отношусь к представителям другой веры, но предпочитаю не общаться с ними	10,2	6,0	4,2
мне это абсолютно безразлично, сужу о людях по другим критериям	39,4	13,3	26,1
я негативно отношусь к представителям другой веры, но никак этого не проявляю внешне	3,4	2,3	1,1
я испытываю открытую вражду к представителям другого вероисповедания	1,6	1,1	0,5

Другой вопрос, характеризующий уровень религиозной толерантности опрошиваемого населения Тюменской области, касался не просто общения с

представителями другого вероисповедания, а выявлял их отношение к возможности вступления в брак. Показатели ответов респондентов на данный вопрос отличаются по показателям уровня религиозной толерантности от ответов на предыдущий вопрос, но, тем не менее, и в данном случае можно говорить о достаточно высоком уровне религиозной толерантности респондентов. На вопрос: «Как Вы относитесь к возможности вступления в брак с лицом другого вероисповедания?» 28,7% респондентов ответили, что относятся к этой возможности «хорошо, так как вероисповедание партнера не имеет никакого значения». Проявляют позитивное отношение, но с некой оговоркой - 41,2%, они выбирают вариант ответа: «хорошо, но предпочел бы брак с единоверцем», а 14,5% относятся к такой возможности отрицательно, однако допускают ее. Каждый десятый настроен крайне негативно и не приемлет брак с иноверцем - «плохо, категорически возражаю против этого». Следует подчеркнуть, что и при ответе на этот вопрос большой уровень религиозной толерантности показали женщины, молодая возрастная категория и люди с высшим и незаконченным высшим образованием. Важно обратить внимание на ответы респондентов, которые проявляют высокую толерантность не только в вопросах, связанных с религиозными убеждениями, а отличаются стойкой жизненной позицией: «Если люди любят друг друга никаких проблем неразрешимых не будет»; «25 лет живу с человеком другого вероисповедания, с уважением к вере друг друга»; «Если это любовь, то жена естественно принимает веру мужа»; «Бог един».

Как следует из анализа ответов респондентов на два вышеизложенных вопроса, можно отметить достаточно высокую религиозную толерантность жителей Тюменской области, на которую оказывали влияние межнациональный и межконфессиональный состав населения, исторически сложившиеся традиции совместного сосуществования, что позволяет поддерживать в целом миролюбивые настроения жителей нашего региона (См. таб. 2.2.2).

Таблица 2.2.2

Как Вы относитесь к вступлению в брак с лицом другого вероисповедания?

Как Вы относитесь к вступлению в брак с лицом другого вероисповедания?	Всего %	муж %	жен %
хорошо, но предпочел бы брак с единоверцем	41,2	14,6	26,6
хорошо, так как вероисповедание партнера не имеет для меня никакого значения	28,7	12,3	16,4
плохо, но допускаю такую возможность	14,5	9,2	5,3
плохо, категорически возражаю против этого	11,5	6,3	5,2
иной вариант	4,1	1,1	3

В следующем вопросе «Способны ли Вы ради религиозных убеждений нарушить общепринятые нормы?», использовалась намеренно некая размытость формулировки и, вероятно, по этой причине 6,7% опрошенных респондентов отказались на него отвечать. Респонденты по-разному трактовали понятие «общепринятые нормы» и вкладывали свое понимание в эти слова. Это позволило проследить реакцию и охарактеризовать ответы респондентов, что было важным для нашего исследования. Ответы опрошенных распределились следующим образом: каждый третий ответил - «Нет, никогда»; примерно столько же 34,1% респондентов также ответили негативно, «но в определенных ситуациях допускаю такую возможность». Каждый десятый подтверждает свою решимость, выбирая ответ – «Да, могу», а 17,8% согласились с такой вероятностью, но с оговоркой «но только в крайнем случае». Отметим, что данное распределение ответов респондентов может характеризовать общую тенденцию к присущей нашим гражданам «незаконопослушности». Несоблюдение общепринятых норм – правил – законов, когда они принимаются на самом высоком уровне в нашем государстве, но не соблюдаются на всех уровнях власти, приводит к обострению кризисной ситуации в стране, в том числе и в вопросах, связанных с межконфессиональными отношениями. Проведенное исследование

свидетельствует о том, что лишь треть респондентов ни при каких условиях не нарушат общепринятые нормы, что с нашей точки зрения требует глубокого осмысления со стороны политиков и ученых.

Несмотря на то, что исследование выявляет значимые для социальной среды факторы, касающиеся проблем межконфессиональных отношений, диссертант счел возможным, обратить внимание на вопросы, связанные с отношениями между государством и религиозными институтами. Еще Д.Дидро подчеркивал значительное влияние религии на государственную власть, а проблема светского, либо религиозного статуса государства волнует социологов уже давно. Последние десятилетия возрождения религиозной активности россиян вызывает много вопросов. Диссертант сформулировал один из них следующим образом: «Считаете ли Вы, что на сегодняшний день, Россию можно назвать светским государством?» Общая структура ответов такова, что значительная часть респондентов затруднилась ответить на этот вопрос – это всего 37% респондентов, причем из них: 50% из Тобольского района и 40% жителей города Тобольск. Столько же – 37% считают, что Россия не является в полной мере светским государством, из них 47% жителей Нижнетавдинского района и 39% жителей Тюмени. И только 26% жителей Тюменской области подтверждают статус России как светского государства. С нашей точки зрения можно предположить, что, по мнению респондентов, религиозная власть в России, возродившаяся в конце 90-х годов XX века имеет достаточное влияние на государственную (См. рис. 2.2.3)

Любая государственная власть представлена для своих граждан сводом законов, которые должны неукоснительно соблюдаться. Один из них - это закон Российской Федерации о свободе вероисповедания. Приведем данные опроса о том, считают ли респонденты, что в нашей стране соблюдается этот закон. Необходимо отметить, что чуть более половины, это 62% респондентов считают, что в нашей стране соблюдается закон РФ о свободе вероисповедания. Вместе с тем важно обратить внимание, что 11,6% ответивших утверждают, что закон не соблюдается, а 25,5% затруднились ответить. Менее 1% опрошиваемых отметили,

что «Благодаря этому "закону" расцвело много сект, руководимых Западом и США»; «Закон соблюдается формально»; «Не в полной мере, так как пропаганда религиозных убеждений допускается в государственных учреждениях»; «Плохо соблюдается, многие не знают о нем» (См. рис. 2.2.8). Данные ответы респондентов заставляют проанализировать то, насколько эффективна государственная политика в области религии и межконфессиональных отношений, поскольку количество респондентов, которые не смогли ответить на вопрос о статусе государства и соблюдении закона о свободе вероисповедания, достаточно высок.

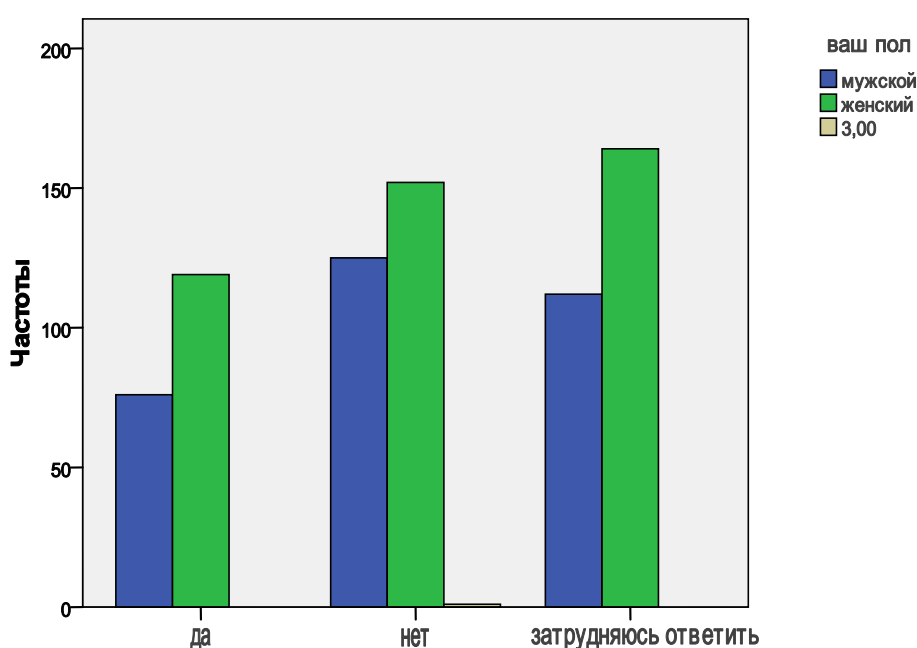

Рис.2.2.8 Распределение ответов респондентов на вопрос: **Считаете ли Вы, что на сегодняшний день Россию можно назвать светским государством** (в зависимости от пола респондентов).

Постперестроечный период и становление демократии в российском государстве вызвали значительные изменения в сфере религии и межконфессиональных отношений. Помимо традиционных религиозных учений, которые испытали на себе некий период «возрождения», появилось значительное количество нетрадиционных религиозных культов, происхождение и финансирование которых в большей части исходит из зарубежных стран.

Достаточно сомнительная деятельность некоторых из этих новоявленных культов нередко вызывает споры в научной среде и в средствах массовой информации, поскольку зачастую носит фанатичный характер. Это подтолкнуло на внесение в анкету вопросов, связанных с активизацией в нашей стране подобных организаций, и выявить мнение респондентов об их отношении к такому социальному явлению как религиозный фанатизм. Так, на вопрос «Считаете ли Вы, что появление нетрадиционных религиозных организаций в России связано с деятельностью зарубежных религиозных организаций?», 45,7% респондентов ответили утвердительно; 21,5% отрицают данную взаимосвязь; а 30,8% затруднились ответить. Из 2% респондентов давших иной вариант ответа, процитируем следующие: «Сейчас в России живут «Иваны», не помнящие родства, культивируется «чужая» культура (Западная)»; «В России они действуют по указке США и Запада, нас намерены уничтожить»; «Причины такого появления кроются как в самой России, так и во влиянии зарубежных организаций»; «Конечно нет! Россия - это страна, в которой процветает Махновщина, но это не хотят признавать». Несколько ответивших считают, что «В большинстве случаев это так» и не исключают такой вариант.

Как показывают результаты опроса, примерно одинаковое количество респондентов - 46,1% и 45,6% ответили утвердительно и отрицательно на вопрос о том, приходилось ли им общаться хотя бы раз в жизни с религиозными фанатиками. 7,7% затруднились ответить, а 0,6% имеют следующее мнение: «Да, приходилось, мне кажется у них не все в порядке с головой»; «Их можно встретить в монастырях, они против прогресса человечества, так как нарушается экология Земли»; «Чуть не попала в секту!»; «Не с фанатиком, а с глубоковерующим». Несколько человек подчеркнули, что приходилось общаться «Очень часто, но стараюсь избегать общения с ними».

Важным с точки зрения нашего исследования выступил вопрос, о том, каким по своему характеру социальным феноменом является религиозный фанатизм. Изученные ответы респондентов выявили следующую тенденцию. Почти половина ответивших склоняются к мнению, что религиозный фанатизм –

это социальный феномен отрицательного характера - 46%; лишь 3% считают, что это явление позитивного характера; 26,3% предполагают, что фанатизм может иметь положительные качества в определенных обстоятельствах, а 23% затруднились ответить. Между тем 1,7% ответили по-другому: «Это неадекватное состояние»; «Это полный бред ленивых слабых людишек»; « Психическое заболевание»; «Это конец жизни»; «Фанатик не чувствует чужую боль»; «В разных конфессиях свои фанатики, это отрицательно сказывается на личности человека»; «В современных условиях религиозный фанатизм ведет к негативным последствиям»; «Всегда причиняет страдания, фанатик не слышит голос Божий (совесть) и мнение других»; «В вере должно проявляться разумение, всегда нужно быть в здравом уме!»; «Позитивного характера, если вера опирается на любовь, но не настолько, чтобы жертвовать ради знакомых». Данные говорят о том, что мнения респондентов разделились, и нет явной категоричности в ответах. Исторический опыт становления религий подтверждает факты того, что, несмотря на то, что религиозный фанатизм в целом по своей природе и характеру имеет отрицательные черты, в определенных сложившихся обстоятельствах в целях сохранения религиозной идентичности народов может выполнять защитную функцию и иметь позитивные качества.

Некоторые ученые феномен религиозного фанатизма логически связывают с такими социально опасными явлениями, как религиозный экстремизм и терроризм. Приведем данные опроса о том, насколько тесно связывают респонденты эти явления между собой. Так, 39,9% опрошенных заявили, что религиозный экстремизм и терроризм неразрывно связаны с религиозным фанатизмом, причем из них 21,3% - это люди с высшим или неоконченным высшим образованием. При этом треть опрошенных не связывают между собой эти явления, а каждый четвертый затруднился ответить на поставленный вопрос. Среди тех, кто затруднился ответить - 19,7% со средним общим и средним специальным образованием. 2,5% респондентов ответили: «Это две разные ситуации, верующий человек не может причинить боль другим»; «Человек без веры, как дом без крыши, такой не имеет страха Божьего, им управляет Сатана»;

«Они связаны 50 на 50»; «Не в полной мере, в политической практике пытаются связать исламский фундаментализм и религиозный экстремизм»; «Иногда, зависит от ситуации»; «Зависит от веры»; «Да, но не всегда»; «Я не знаю, что такое религиозный экстремизм, поэтому затрудняюсь ответить».

Размышления о психологическом воздействии на людей в средствах массовой информации чаще всего иллюстрируют примерами деятельности спецслужб и религиозных сект.. На данном этапе ученые, религиозные деятели и политики предостерегают от необдуманного введения закона об ответственности за манипуляцию психологическим сознанием человека, обосновывая это тем, что при его формулировании достаточно сложно определить дефиниции, при этом отдавая себе отчет о том, что безнаказанное воздействие на психику и сознание людей ведет к нарушению прав человека. Диссертант посчитал необходимым выявить мнение респондентов о возможности введения данной статьи в уголовное законодательство РФ.

Так, на вопрос «Как Вы думаете, нужно ли внести в уголовное законодательство статью об ответственности за манипуляцию психологическим сознанием человека?», три четверти респондентов - 70% ответили утвердительно и считают, что такая статья нужна; 12,4% не думают, что есть такая необходимость; 16% затруднились ответить, а 1,6% дали иной вариант ответа. Из них 45,1% респондентов, ответивших индивидуально, а это респонденты в возрасте от 31 до 40 лет, полагают: «Давно пора, т.к. много сект деструктивного и тоталитарного характера»; «Да, но нужно определение, что такое сознание и что такое манипуляция»; «Нет, каждый в ответе за себя, но если это опасно для общества, надо наказывать». 18,8% - это люди в возрасте от 41 до 50 лет, мнение которых таково: «Безусловно надо, ибо это является причиной множества конфликтных ситуаций»; «Вряд ли это можно будет доказать»; «Да, но нужно иметь доказательную базу о психологическом воздействии».

Люди от 51 года и старше предостерегают, что «Практически сделать это сложно»; «Смотря в каких целях: есть лечение, а есть зомбирование и негативные умыслы»; «Это нереально, сознанием манипулируют очень многие средства

информации, даже легитимные»; «Да, но нужно досконально разобраться, не осуждать голословно».

Религиозный фанатизм – это явление социальное, следовательно, проявление этого феномена возникает по ряду причин, особенно, в кризисные периоды общества. Предпосылками для обострения ситуации могут быть различные социальные проблемы. Как видно из *таблицы 2.2.3* респонденты считают, что основной причиной для активизации деятельности религиозных фанатиков служат обострение межнациональных отношений в отдельном взятом регионе и обострение социальной напряженности, порожденное кризисом в различных сферах общественной жизни (политической, экономической, идеологической, духовной) (См. таб. 2.2.3).

Таблица 2.2.3

Негативные факторы, служащие причиной для активизации религиозных фанатиков

Негативные факторы, которые служат причиной для активизации религиозных фанатиков	Всего %	муж %	жен %
обострение межнациональных отношений в отдельном взятом регионе	47,8	20,7	27,1
обострение социальной напряженности, порожденное кризисом в различных сферах человеческих отношений (экономике, политике, духовности, идеологии, нравственности)	47,7	19,8	27,9
нерешенность проблем занятости	32,9	21,3	11,6
криминализация различных сфер общественной жизни	29,3	19,2	10,1
экономическое и политическое преимущество одних религиозных организаций в ущерб другим	28	18,1	9,9
незаконный оборот оружия и иных средств совершения преступлений; разрастание масштабов и общественной опасности организованной преступности и наркобизнеса	27,6	13,6	14
дифференциация населения по материальному признаку	26,3	13,2	13,1
обострение политической борьбы	25,5	15,4	10,1
активизация деятельности зарубежных деструктивных организаций	23,1	11,1	12

Характерно, что основными причинами такой ситуации респонденты называют «Обострение межнациональных отношений» - 47,8% и «Обострение социальной напряженности, порожденное кризисом в различных сферах человеческих отношений» - 47,7%. «Нерешенность проблем занятости и безработицы» считают причиной активизации религиозных фанатиков 32,9% ответивших. Приблизительно одинаковое количество респондентов - 29,3% и 27,6% склоняются к мнению, что этими факторами могут послужить «криминализация различных сфер общественной жизни» и «незаконный оборот оружия и иных средств совершения преступлений; разрастание масштабов и общественной опасности организованной преступности и наркобизнеса». «Экономическое и политическое преимущество одних религиозных организаций в ущерб другим» может вызвать активизацию религиозных фанатиков, таково мнение 28% ответивших, причем мужчин, склоняющихся к такому мнению почти в два раза больше, чем женщин. «Дифференциация населения по материальному признаку» и «Обострение политической борьбы» такова причина для вспышки религиозного фанатизма по оценке 26,3% и 25,5%. Последним по важности из факторов - 23,1% респондентов назвали активизацию деятельности зарубежных деструктивных организаций. Приведем также и иные варианты ответов респондентов, которые формулируют причины активизации религиозных фанатиков: «Фанатики - люди с нарушением психики, толчком к проявлению фанатизма может послужить любая причина»; «Прежде всего это кризис духовного развития, несвоевременное воспитание в ребенке толерантности»; «Кризис института семьи»; «Глубокая вера в Бога».

Профилактика любой социальной ситуации может быть гораздо эффективнее, нежели само решение определенной политической или социальной проблемы. Религиозный фанатизм – явление общественно опасное, которое может привести к серьезным последствиям в социуме и повлиять на его стабильность. Следовательно, важно определить какие меры по профилактике религиозного фанатизма могли бы быть наиболее эффективны в настоящее время. Из

предложенных вариантов респонденты выделили по степени значимости следующие мероприятия: «Внесение изменений в законодательство РФ по ужесточению требований к регистрируемым религиозным организациям», так считают 57,7% ответивших. «Лекции, разъяснительные беседы в учебных заведениях» могут быть наиболее эффективны, полагают 50,2% . 43,1% утверждают, что «Социальная реклама в средствах массовой информации (в социальных сетях, газетах, журналах, на радио и на телевидение) могут иметь должный эффект для профилактики фанатизма. По мнению 42,1% необходимо «Введение в курс школьного образования предмета «Религиоведение» как обязательного». 39,4% респондентов полагаются только на «Бдительность и личное участие каждого гражданина РФ» в решении этой проблемы. Однако, 34,2% думают, что лишь «Специальная программа правоохранительных органов для активизации деятельности по профилактике религиозного фанатизма» способна стабилизировать ситуацию. «Распространение социальных буклетов на улицах города» может способствовать решению проблемы, по мнению 24,2 % опрошенных. 2,4% не выбрали ни один из предложенных вариантов и затруднились ответить на этот вопрос, а некоторые респонденты считают: «Нужно иметь голову на плечах. Все вышеизложенное даст отрицательный эффект (на примере США)»; может помочь «Повышение культурного и образовательного уровня»; «Пропаганда здорового образа жизни, запрет рекламы спиртного, сигарет, разврата»; «Улучшение качества жизни». Есть несколько мнений пессимистичного характера – «Ничего не поможет».

Для того, чтобы осуществлять данные мероприятия по профилактике религиозного фанатизма и регулировать политику государства по вопросам связанным с межконфессиональными отношениями, должны быть определены соответствующие структуры. Следующим вопросом данного исследования был: «Кто, по Вашему мнению, должен стать основными субъектами реализации социальной политики по вопросам религий и по профилактике религиозного фанатизма в нашем регионе?» Ответы респондентов распределились следующим образом: 31,8% полагают, что этим должно заниматься только государство; 23,6%

доверяют решение этих проблем Комитету по делам национальностей и религий; 18,8% считают, что такими вопросами должны заниматься непосредственно сами религиозные организации, а 11,2% полагаются на общественные объединения и организации. Только 8,1% считают, что правоохранительные органы справятся с регулированием данных вопросов, а 2,8%, они в меньшинстве, предпочитают, чтобы этими проблемами занимались партии. Есть и иные варианты ответов, среди которых процитируем: «Нужен особый институт, в котором бы работали специалисты правоведы и религиоведы»; «Семья»; «Совет зарегистрированных религиозных деноминаций». Последнее предложение высказали представители протестантизма нашего региона.

На завершающий вопрос: «Как Вы можете охарактеризовать религиозную ситуацию в нашем регионе?», - более половины респондентов ответили: «нормальной» – 65,1%; «благополучной» - 18%; «кризисной» - 8,7%, а варианты - «очень благополучной» и «катастрофической» выбрали примерно одинаковое количество - 2,6 и 2% опрошенных. Из иных вариантов ответа выделим: «Обстановка терпимая»; «Много еще неверующих людей»; «Люди только называют себя верующими»; «Верят не в то, во что нужно» (См. рис. 2.2.9).

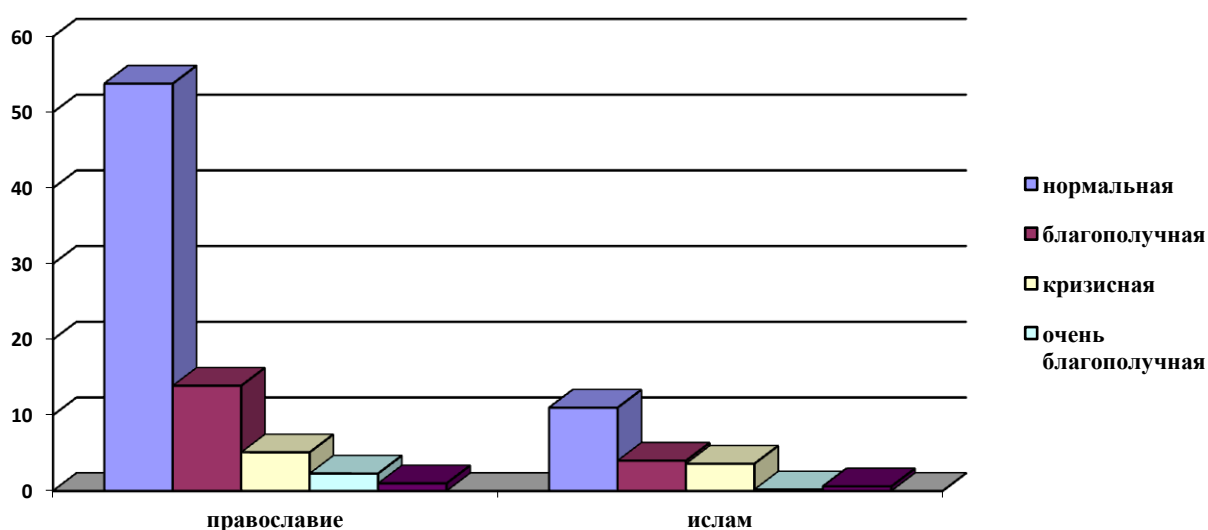

Рис.2.2.9 Распределение ответов респондентов православного вероисповедания и ислама на вопрос: «Как Вы можете охарактеризовать религиозную ситуацию в нашем регионе?»

Анализ результатов социологического исследования показал, что своеобразием современного состояния в религиозной сфере является «размытость» граней между верующими и неверующими, а соблюдение религиозных традиций и посещение религиозных учреждений носит зачастую формальный характер. Однако, в кризисные моменты жизни помощь единоверцев и посещение храма имеет большое значение для жителей региона, а вера в Бога, по их мнению, может помочь в сложной жизненной ситуации. Поскольку в процентном соотношении показатели полярных мнений достаточно равные, нет основания говорить о высокой религиозности жителей Тюменской области.

Таким образом, результаты социологического опроса показали, что в Тюменской области на данный момент существует относительно стабильная религиозная ситуация, о чем свидетельствует достаточно высокий уровень религиозной толерантности респондентов. Вместе с тем, некоторые из них заявили о потенциальной возможности нарушить общепринятые нормы ради своих религиозных убеждений. Анализ эмпирического исследования показал, что часть респондентов высказывает сомнения в соблюдении закона о свободе Совести (вероисповедания). Появление нетрадиционных религиозных организаций большинство опрошенных связывает с деятельностью зарубежных религиозных организаций, а также подтверждает факт личного общения с религиозными фанатиками.

Определяя религиозный фанатизм как феномен отрицательного характера, некоторые респонденты полагают, что в определенных обстоятельствах он может иметь положительные качества. Не все респонденты ставят в единую цепочку такие понятия как религиозный фанатизм, экстремизм и терроризм, однако большинство утверждает, что они взаимосвязаны. Широкий спектр мнений высказали респонденты при рассуждениях о внесении в уголовное законодательство статьи, об ответственности за манипуляцию психологическим сознанием человека, показав при этом разумную логику рассуждений и здравый смысл о том, что данное мероприятие требует серьезной подготовки и при неверных дефинициях может привести к катастрофическим последствиям.

Результаты социологического исследования выявили ряд негативных факторов, которые оказывают наибольшее влияние на активизацию деятельности религиозных фанатиков. Среди них были названы: «Обострение межнациональных отношений в отдельном взятом регионе»; «Обострение социальной напряженности, порожденное кризисом в различных сферах человеческих отношений (экономике, политике, духовности, идеологии, нравственности)»; «нерешенность проблем занятости». На основе изучения мнения жителей Тюменской области по проблемам профилактики религиозного фанатизма, самыми эффективными были отмечены: внесение изменений в законодательство РФ, по ужесточению требований к регистрации религиозных организаций и разъяснительная работа в учебных заведениях. Эмпирическое исследование показало, что феномен религиозности и религиозного фанатизма, находящийся в тесной взаимосвязи с внутренним миром человека, но при этом являющийся социально значимым - требует деликатного отношения со стороны политиков, социологов и общественных организаций.

2.3 Социальные мероприятия по профилактике религиозного фанатизма в Тюменской области

Теоретико-методологический материал и практическая часть нашего исследования дают основание утверждать, что динамика отношений между конфессиями зачастую настолько непредсказуема, что политическое и социальное спокойствие и стабильность в вопросах межрелигиозных взаимодействий становится под угрозой проявления религиозного фанатизма и экстремизма.

В таких ситуациях одним из самых важных шагов по стабилизации межконфессиональных отношений является политика государства по профилактике религиозного фанатизма и экстремизма. В целях предупреждения конфликтов и социокультурного противостояния между представителями различных конфессий, социальные институты, задачей которых является

сохранение равновесия в обществе, должны своевременно выявлять перспективы возможных напряжений.

В рамках данного исследования на втором этапе был проведен экспертный опрос специалистов в области религии и межконфессиональных отношений для того, чтобы дать оценку религиозной ситуации в Тюменской области, выявить проблемные зоны в вопросах, связанных с религией и религиозной активностью населения. Некоторые вопросы перекликались с вопросами анкетного опроса респондентов, что позволило провести сравнительный анализ ответов жителей Тюменской области с мнениями экспертов. Полученные результаты помогут подготовить прогнозные модели динамики отношений жителей региона в области межконфессиональных вопросов и ввести предложения по возможным мероприятиям по профилактике религиозного фанатизма. Так, В.А. Ядов полагает, что экспертный опрос имеет целью уточнение гипотез, разработку прогноза и пополнение интерпретации определенных социальных явлений [172, С.279]. К участию в экспертном опросе было приглашено 12 человек. Ответы были получены от 10 человек (См. Приложение В). Среди экспертов – представители научного сообщества Тюменской области, исследующих проблемы, связанные с религией – 4; специалисты Комитета по делам национальностей Тюменской области – 3; представители общественно-религиозных организаций Тюменской области – 3.

Экспертам предлагалось оценить религиозную ситуацию в Тюменской области. Более половины экспертов полагают, что «религиозная ситуация в целом спокойная, но время от времени возникают причины для беспокойства». Один из экспертов подчеркнул, что ситуация стабильная, но вызывает тревогу деятельность некоторых молодежных экстремистских организаций. Треть респондентов экспертного опроса называют религиозную ситуацию в нашем регионе благополучной и считают, что нет никаких оснований для беспокойства. Специалисты заявили, что решающим фактором благополучия в этом вопросе является экономическая стабильность региона, при этом несомненное значение имеет то, что учитываются местные социокультурные традиции коренного

населения, и существуют крепкие исторически сложившиеся межэтнические связи. В данном случае мнения жителей Тюменской области и экспертов совпали.

Несомненно то, что в социокультурной составляющей современного общества не последнюю роль играют религиозные организации. Важным, с точки зрения нашего исследования, явился вопрос: «Насколько велико влияние религиозных организаций на духовно-нравственное сознание жителей Тюменской области?» Большинство опрошенных нами экспертов фиксируют незначительное, скорее формальное влияние религиозных организаций на общество. Но при этом, один из экспертов считает, что влияние это достаточно сильное и носит позитивный характер: он полагает, что люди стали больше посещать храмы и делают это искренне, по религиозным убеждениям. Напротив, по мнению другого специалиста, на большинство жителей Тюменской области влияние религиозных организаций незначительное, а один из представителей общественных организаций поясняет, что сейчас идут серьезные процессы в мусульманской умме, а также среди протестантов. В данный момент влияние религиозных организаций не значительное, но в перспективе ситуация может измениться. Двое экспертов затруднились ответить на данный вопрос, пояснив, что они не могут судить в целом о ситуации в Тюменской области.

Рассмотрим суждения экспертов о том, насколько, по их мнению, усилилась религиозная активность жителей Тюменской области за последние 10-15 лет. Треть ответивших утверждают, что количество верующих за этот период значительно возросло, люди стали читать Священные писания, посещать храмы, у них появилась такая потребность. Отметим, что другая треть экспертов предполагают, что увеличение числа верующих – это скорее дань моде, сложившейся в обществе тенденции. Один из экспертов придерживается мнения о том, что количество верующих незначительно увеличилось, но только по причине этнической и религиозной самоидентичности людей. Треть экспертов высказались о невозможности делать общественные выводы по данному вопросу, поскольку не было серьезного изучения ситуации.

Эксперты разошлись во мнениях при рассуждениях о связи понятий «религиозный экстремизм и терроризм» и «религиозный фанатизм». Лишь двое из них никак не связывают между собой эти социальные феномены. Остальные не отрицают взаимосвязи этих явлений, но обращают внимание на то, что подобная корреляция необязательна. Прозвучало мнение о том, что «можно быть фанатиком, но не быть при этом террористом». Один из специалистов Комитета по делам национальностей полагает, что: «Не следует соединять понятия экстремизм и терроризм, которые относятся к уголовно наказуемым действиям, с религиозным фанатизмом, который в свою очередь лишь требует строгого соблюдения канонов конфессии, а призыва к насилию в религиозных конфессиях нет». Другой эксперт обосновывает свое мнение следующим образом: «Скорее религиозный фанатизм может быть использован заинтересованными сторонами и может привести к религиозному экстремизму. А религиозный терроризм совершается в мире повсеместно в виде информационной войны религиозных течений». При этом один из ответивших подчеркивает, что явление «религиозный экстремизм» в большинстве случаев относится к молодежному экстремизму: «Не встречал никогда пятидесятилетнего скинхеда. Религиозный фанатизм не всегда связан с экстремизмом и терроризмом». Также было озвучено мнение о том, что экстремизм и терроризм не имеет никакого отношения к вере. «В Коране написано, что убивать нельзя, верующие люди не могут быть террористами». Часто, как полагает данный эксперт, внешние атрибуты ислама используются как прикрытие религиозного экстремизма и терроризма, что вводит в заблуждение общественное мнение о канонах этой религии.

Большинство экспертов были единодушны во мнении, что причиной проявления религиозного фанатизма может служить следующий фактор: «обострение социальной напряженности, связанное с кризисом в различных сферах человеческой жизни (экономике, политике, культуре, нравственности и т.д.)». Четверо экспертов в качестве второй по значимости причины, а один из ответивших выделил этот фактор как основную причину проявления религиозного фанатизма, обозначили - «экономическое и политическое

преимущество одних религиозных организаций в ущерб другим». Третьей по значимости причиной преобладающее количество экспертов называет – «использование религиозных убеждений людей в политических целях». Также как и жители Тюменской области, участвовавшие в опросе респондентов, эксперты не считают, что влияние активизации деятельности деструктивных организация имеет большое значение на факты проявления фанатизма. Так, один из ответивших полагает, что в большинстве случаев причиной проявления религиозного фанатизма является «индивидуальное психологическое состояние религиозного лидера», а другой утверждает, что причина в «депривации различной природы», то есть ограниченной возможности для усвоения самостоятельной социальной роли. Интересное предположение высказал один специалист, который полагает, что «в самой природе религиозной деятельности конфликты неизбежны, любая война – это ресурс развития, религиозные конфликты – ресурс религиозного развития».

Широк спектр профилактических мер по предупреждению проявления религиозного фанатизма, предложенный экспертами. Трое экспертов высказались за необходимость введения «специальной программы правоохранительных органов для активизации деятельности по профилактике религиозного фанатизма», но при этом один из них подчеркнул, что при осуществлении этой программы необходимо тесное взаимодействие этих структур «с учеными-гуманитариями». Было высказано мнение о том, что «положительное влияние могут оказать повышение социальной и правовой компетенции лидеров, стимулирование межконфессионального взаимодействия, восстановление конституционного принципа свободы совести». Кроме того, по мнению одного из экспертов, только «уход от двойных стандартов, четкое конституционное отделение государства и религии, исполнение всеми законодательства по данному вопросу» могут быть наиболее эффективными. Один из ответивших высказал предположение о том, что проблема религиозного фанатизма не носит массовый характер и помочь может только «корректная работа с конкретными личностями». Другой специалист предполагает, что профилактикой фанатизма заниматься

практически невозможно, поскольку грань между фанатизмом и глубокой верой невидима. Грань переходит там, где вера начинает мешать общественной жизни. С этой точки зрения необходимо заниматься просветительской и разъяснительной работой, что, по мнению диссертанта, по сути, является именно профилактикой фанатичных настроений. Из предложенных анкетером вариантов трое из десяти экспертов выбрали «введение в курс обучения предмета «Религиоведение» как обязательного», но с оговоркой «только в вузах или в старших классах общеобразовательных школ».

В связи с этим целесообразно изучить мнение экспертов по поводу того, какова степень готовности учебных заведений к введению этого предмета. Большинство экспертов предостерегают от необдуманного внедрения этого курса по ряду причин:

- не разработана единая программа курса;
- не сформирован контингент преподавателей, готовых читать этот курс;
- дети и родители социально не готовы к данному курсу.

Пятая часть экспертов считает, что не следует вводить этот предмет в курс школьного образования, «это уровень высшей школы». Один из экспертов полагает, что «в целом этот курс не нужен, непредсказуемы последствия осложненного характера». Другой эксперт также высказывается против поспешного внедрения «Религиоведения», поскольку «на данный момент нет кадровой, организационной, законодательной и финансовой основы для этого. Общество и государство не готовы». Еще один специалист настаивает на том, что «должно быть светское образование с полным ознакомительным курсом всех мировых религий», а в дополнение к предыдущему высказыванию один из экспертов предлагает предварительно провести серьезную подготовительную работу среди населения в средствах массовой информации. Прозвучало также мнение о необходимости введения в курс школьного образования помимо знакомства с мировыми религиями курс религиозной толерантности.

В ракурсе проблематики отметим, что Левада - центром был проведен всероссийский опрос, целью которого было выявить отношение россиян к

религиозному воспитанию детей. Исследование было проведено 15-18 февраля 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны [70].

Достаточно важным в дискурсе проводимого исследования было выяснение позиции россиян по отношению к религиозному воспитанию детей. На вопрос «Вы лично за или против религиозного воспитания детей? Если за – то кто, по вашему мнению, должен быть в первую очередь ответственен за него?» 78% ответили утвердительно, из них чуть более половины - 54% полагают, что религиозным воспитанием должны заниматься семья и родители; 11% возлагают эту миссию на школу и учебные заведения, а 9% - на церковь. Пятая часть респондентов высказались против религиозного воспитания детей, а 7% затруднились ответить [70].

Следующим вопросом был: «Как Вы считаете, следует ли вести религиозное воспитание и образование детей в школах?» Чуть больше пятой части опрошенных ответили утвердительно и по их мнению, есть необходимость такого воспитания в общеобразовательных школах. Треть респондентов, их около 31% определяют введение такого воспитания в специализированных воскресных школах, которые следует посещать всем детям, 41 % опрошенных не видят такой необходимости, а 5 % - затруднились с ответом [70].

Полярные точки по поводу введения в школьный курс «Основ религиозной культуры и светской этики» настораживают и позволяют сделать вывод о неготовности населения России к таким изменениям в школьном образовании. Треть опрошенных высказались против введения этого предмета в школьный курс, а те, кто допускают такую возможность, полагают, что «это расширяет кругозор и повышает культурный уровень учащихся» - их 26%; такое же количество респондентов полагают, что данный курс «позволяет поддерживать мораль и нравственность школьников»; мнение 10% респондентов заключается в том, что «это учит понимать людей, принадлежащих другой культуре», а 10 % затруднились ответить [70].

Превалируют положительные ответы на следующий вопрос: «Как Вы считаете, следует ли ввести в школах курс «Основы религиозной культуры и светской этики?» Позитивно относятся к такой возможности более половины респондентов – их 52%: они утверждают, что, это может расширить кругозор и повысить культурный уровень учащихся, а также поддержать мораль и нравственность школьников. При этом треть опрошенных россиян высказались против введения такого курса, а 9 % затруднились ответить [70].

Таким образом, подводя итоги исследования и проанализировав эмпирический материал российских социологов, можно утверждать, что большая часть населения Тюменской области, также как и в целом РФ, высказала идею о необходимости религиозного воспитания детей и молодежи, но при этом, по мнению респондентов, предлагаемый школьный курс «Основы религиозной культуры и светской этики» еще не готов к массовому внедрению в школьную программу в силу неподготовленности кадров для реализации этой программы и возможности некорректной трактовки курса по идеологическим мотивациям. При этом отмечалось, что введение данного курса может способствовать разделению школьников по принципу вероисповедания, навязыванию определенного вероисповедания и нарушению конституционного положения о светском характере в государстве, которое в соответствии со статьей 14 Конституции РФ является светским [1].

Экспертам предлагалось оценить, насколько реально отражает этот закон существующую действительность в нашем государстве. Двое специалистов Комитета по делам национальностей Тюменской области со всей ответственностью заявляют, что закон строго соблюдается и «создана нормативно-правовая база, которая в полной мере позволяет гражданам реализовать свои права, данные Конституцией». Один из экспертов отмечает, что «формально Россию можно назвать светским государством, а фактически видны симптомы следования моде (на религиозную атрибутику, прим. автора) и со стороны государства, и со стороны общества». Другой специалист подчеркивает светский статус нашего государства, при этом полагая, что «некоторые проблемы

существуют, но они решаемы. В современной России можно придерживаться любой религии или не исповедовать никакую религию». Еще один из экспертов обосновывает свою точку зрения следующим выводом: « На данный момент, это ограниченный режим светского государства, поскольку есть вмешательство по идеологическим основаниям в дела религиозных организаций. Государством отдаются преференции религиозным организациям по идеологическим причинам». Треть экспертов при размышлении над этим вопросом выразили некоторую тревожность по поводу влияния на государственные органы православной церкви. Один из них считает, что «теократическим его (российское государство прим. автора) точно нельзя назвать, но определенные попытки к этому предпринимались православной церковью. В настоящее время наше государство больше светское, чем теократическое». Другой предостерегает: «Есть опасность слияния власти и православной церкви. Внешне это выражается во фразе: «Россия – православная страна». Порой кажется, что 14-я статья уже не работает. А должна. Неразделение церкви и государственной власти потенциально опасно и для того и для другого. Не говоря уже о тревожном моменте для религиозных меньшинств». Необходимо отметить, что двое экспертов обратили внимание на то, что в средствах массовой информации очень часто руководители государства демонстрируют свое вероисповедание, что не совсем корректно, учитывая светский статус российского государства. Они считают, что как граждане РФ они имеют право на свободу вероисповедания, но как люди, представляющие руководство страны должны воздерживаться от такой публичной демонстрации.

Отметим, что эксперты были единодушны при ответе на завершающий вопрос нашего исследования: «Как Вы думаете, нужно ли внести изменения в требования, при регистрации религиозных организаций с целью профилактики религиозного фанатизма и экстремизма?» Изучая ответы экспертов, можно сделать вывод, что они придерживаются мнения о том, что «не нужно вносить никаких изменений, для этого нет оснований; а то будет хуже». Специалисты считают, что нет необходимости ни к ужесточению требований при регистрации

религиозных организаций, ни в более лояльном подходе. Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» составлен грамотно и корректно полагают они, важно, чтобы, как и многие другие законы в нашей стране, он неукоснительно соблюдался. Один эксперт подчеркивает: «Должен быть строгий контроль финансирования и смысла учений, важно обратить особенное внимание на то, какие идеи внушают детям и подросткам» (См.рис.2.3.1) [4].

Здесь подчеркнута возможное опасное влияние религиозных организаций на молодых людей. Ведь именно эта возрастная категория наиболее уязвима и внушаема при воздействии деструктивных религиозных организаций. В силу своего юношеского максимализма, большой внушаемости и несформировавшейся социальной, в том числе и религиозной идентичности, именно молодежь становится группой риска при негативном влиянии религиозных лидеров различных групп экстремистского толка.

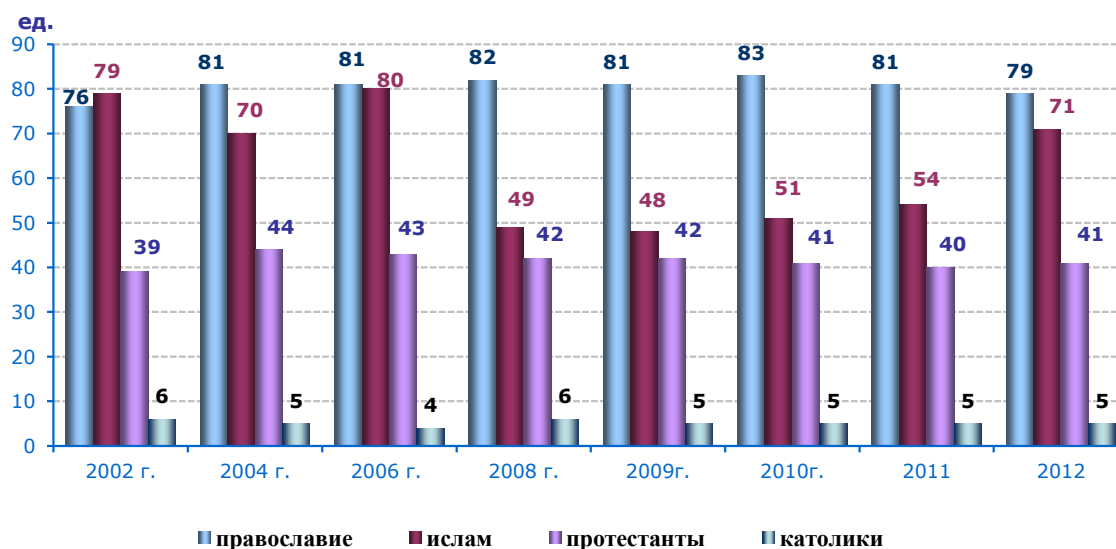

Рис.2.3.1 Данные о количестве религиозных организаций в разрезе основных конфессий в Тюменской области.

Следует отметить, что в настоящее время фанатизм может проявляться в новых социальных рамках, поскольку значимым социальным полем для проявлений религиозного массового фанатизма и экстремизма, могут послужить

социальные сети в системе Интернет и организации актуальных молодежных флэшмобов.

Заданные модераторами в социальных сетях дискуссии способствуют общению людей и поднимают серьезные проблемы, которые должны обсуждаться массово, что формирует понимание проблемы основной частью аудитории. Подобные форумы служат репрезентативной картинкой общественного мнения. Но при этом, нередко в сети Интернет можно натолкнуться на форумы, которые не способствуют мирным диспутам и решению той или иной проблемы, а стараются разжечь межконфессиональные и межэтнические конфликты, привлекая внимание и подталкивая к высказыванию мнения огромное количество людей. Часто, при подобных настроениях дискуссий используются нецензурные выражения, оскорбления, переход на конкретные личности, что делается психологически целенаправленно, для того, чтобы вывести человека из состояния социально-психологического равновесия, провоцируя агрессию и нетерпимость. Нередко, подобные дискуссии заканчиваются организацией массовых мероприятий, таких как собрания, форумы, митинги экстремистского толка, когда фанатично настроенная толпа ведет себя достаточно воинственно.

Другое возможное социальное поле для провокации религиозного фанатизма и экстремизма – это организация массовых молодежных флэшмобов. Не ставя целью дать негативную характеристику этой неординарной и творческой форме самовыражения молодежи, когда выступления флэшмоберов служат для привлечения внимания к той или иной социальной проблеме или являются акциями проявления доброты и милосердия, диссертант полагает, что зачастую проведение подобных массовых мероприятий оказывается в руках организаторов, преследующих экстремистские цели. В данном случае негативный фактор ситуации в том, что существует определенная привлекательность флэшмоб-технологий для экстремистских деструктивных религиозных и националистических движений. Это обусловлено тем, что, как правило, организаторы не присутствуют непосредственно на самих акциях, следовательно,

легитимно сложно доказать их причастность к социальным акциям, которые ведут к проявлениям фанатизма и экстремизма.

По общепринятым правилам флэшмоберов, организации репетиций характеризуется достаточно высоким уровнем скрытности, преследуя эффект неожиданности акции, что еще более усиливает их успех у публики. Все это затрудняет своевременное выявление и предупреждение возможных экстремистских выступлений, что может послужить, в том числе разжиганию религиозного фанатизма в обществе. В ходе проведения флэшмобов наблюдается заранее спланированное эффективное психологическое влияние на окружающих – зрителей, прохожих, сторонних наблюдателей, которые нередко становятся под эмоциональным воздействием флэшмоберов участниками акции. [43].

На основании предпринятого анализа мнений экспертов и анкетного опроса респондентов следует обозначить некоторые заключительные выводы относительно того, что в целом специалисты также как и жители Тюменской области придерживаются мнения о том, что религиозная ситуация в нашем регионе достаточно стабильная, но тем не менее, требующая контроля со стороны соответствующих структур. При этом влияние религиозных организаций на духовно-нравственное сознание жителей нашей области нельзя назвать значительным, хотя существующая тенденция свидетельствует о все более возрастающем интересе к религиозным традициям, к чтению Священных писаний, к посещению религиозных учреждений. При стабильном статусе Российской Федерации как светского государства вызывает беспокойство некоторые попытки РПЦ оказать влияние на государственную власть.

Вместе с тем, важно отметить, что эксперты считают несвоевременным и неподготовленным введение предмета «Религиоведение» в курс школьного образования. Это было подчеркнуто специалистами единогласно, однако, в качестве альтернативы они предлагают поступенчатое внедрение в курс образования «уроков толерантности» и ознакомление с основами мировых религий.

Для того чтобы осуществлять профилактическую работу по предупреждению вспышек религиозного фанатизма в стране, эксперты считают необходимым тесное взаимодействие правоохранительных органов, социальных институтов, общественных организаций и науки. По их мнению, наиболее эффективными могут стать: разъяснительные беседы и лекции в образовательных учреждениях, работа с населением в средствах массовой информации. Мнение специалистов, выявило, что в настоящее время основная воспитательная работа должна быть адресована молодому поколению и людям среднего возраста при помощи сети Интернет, которая является наиболее востребованной для этих возрастных категорий. Влияние социальных сетей таких как «В контакте», «Одноклассники», «Facebook» невозможно переоценить на данном этапе. Необходим четкий и своевременный контроль различных форумов с целью предупреждения межрелигиозных конфликтов и воспитания религиозной толерантности, нельзя упускать из виду и новые формы проявления социального активизма молодых людей.

Совокупность проблем, связанных с межконфессиональными отношениями и возможным обострением религиозной ситуации в регионе может быть решена только при комплексном подходе к данной проблеме. Так, распоряжением Правительства Тюменской области от 30.09.2013 вступила в действие реализация долгосрочной целевой программы «Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений и профилактике экстремистских проявлений» на 2014–2016 годы, которая нацелена на регулирование проблем в сфере межконфессиональных отношений в Тюменской области и определяющая приоритетные социальные технологии для профилактики религиозного экстремизма и терроризма.

В рамках этой программы основными направлениями деятельности являются:

- проведение мониторингов религиозной ситуации в Тюменской области;
- социологические исследования по религиозной проблематике;

- обеспечение тесного взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и религиозных объединений с целью привлечения представителей религиозного сообщества к совместному решению вопросов, затрагивающих сферу взаимодействия государства и религиозных объединений;
- вовлечение религиозных организаций в реализацию общественно значимых программ (мероприятий), реализуемых в Тюменской области;
- повышение правовой и социальной компетентности священнослужителей и руководителей религиозных объединений;
- организация информационного сопровождения вопросов государственно-конфессиональных отношений и осуществление информационно-пропагандистской деятельности в целях укоренения в общественном мнении принципов свободы совести и свободы вероисповедания, противодействия распространению религиозной ксенофобии для обеспечения межконфессионального согласия и гражданской солидарности;
- формирование условий для неукоснительного соблюдения законодательства РФ и Тюменской области государственными и муниципальными служащими, иными гражданами при взаимодействии с религиозными организациями и верующими;
- усиление взаимодействия региональных федеральных территориальных органов государственной власти по организации учета и контроля за деятельностью иностранных миссионеров.

Вышеназванная долгосрочная целевая программа представляет собой совокупность комплексных организационно-управленческих, финансовых, информационно-пропагандистских, научно-методических, художественно-творческих мероприятий. Программа составлена с учетом специфики национальных, религиозных, политических особенностей региона.

Исполнителями Программы являются:

- комитет по делам национальностей Тюменской области;
- департамент культуры Тюменской области;
- департамент образования Тюменской области;

- департамент по спорту и молодежной политике Тюменской области;
- департамент информационной политики Тюменской области;
- управление Министерства внутренних дел РФ по Тюменской области;
- управление федеральной миграционной службы по Тюменской области;
- управление Министерства юстиции РФ по Тюменской области;
- департамент социального развития Тюменской области.

Позитивным результатом реализации данной Программы может являться тенденция к оздоровлению общества, упрочнению принципов толерантности во взаимоотношениях между людьми различных национальностей, вероисповеданий, политических предпочтений.

В содержании программы формулируются ожидаемые конечные результаты реализации, среди которых: обеспечение этноконфессионального согласия, общественно-политическая стабильность в регионе, выражающаяся в отсутствии протестных акций на религиозной и этнической основе, публично выражаемых в радикальных формах эксцессов и конфликтов: дальнейшее упрочение толерантных взаимоотношений между людьми различных убеждений.

Вместе с тем, опираясь на результаты проведенного диссертантом эмпирического исследования – анкетного опроса респондентов и экспертного опроса специалистов в вопросах межконфессионального взаимодействия – важно отметить, что данная программа, определяя основные тенденции в реализации государственной политики по стабилизации общественно-политических отношений и предупреждению проявлений религиозного экстремизма носит общий характер и не учитывает разнообразия внутри социальных групп.

Так, например, программа не включает в себя мероприятия, ориентированные на различные молодежные субкультуры. Не учитываются технические и организационные возможности влияния на данную возрастную категорию. Не учитываются возможности студенчества, как кагорты, имеющей большой влиятельный потенциал на общество.

В программе практически не отражены меры по предупреждению деструктивной деятельности международных экстремистских организаций, данная проблема лишь упоминается, нет мер по реабилитации граждан пострадавших от подобной деятельности.

Унифицированность профилактических мер не принимает во внимание и социокультурное разнообразие внутри конфессий, возникающее в результате интенсивных миграционных процессов.

Не учитываются также внутренние факторы, которые способствуют дестабилизации религиозной ситуации в регионе, такие как: недостаточный образовательный уровень священнослужителей и зачастую формальный и некомпетентный подход к своей деятельности; использование религиозных убеждений людей в политических целях; попытки придать религиозный характер конфликтам иного содержания.

Важным, является и использование потенциала научного сообщества, которое не нашло должного отражения в комплексе мероприятий данной программы.

Таким образом, анализ данной программы при ожидаемых позитивных результатах выявляет некоторые ее недостатки. В качестве дополнения в целях более эффективной ее реализации диссертант предлагает Комплекс социально ориентированных мероприятий, включающих в себя следующие направления деятельности:

1. Строгий контроль государственных, правоохранительных органов в регулировании миграционных процессов.

Стихийные неконтролируемые миграционные процессы приводят к созданию конфликтогенной ситуации. Игнорирование законодательной системы, отсутствие легальной возможности трудоустройства и социальная незащищенность ведут к росту преступности со стороны мигрантов и к недовольству принимающей стороны. Определение квотного количественного состава приезжающих и строгий контроль над контингентом миграционного населения могут способствовать решению данной проблемы.

2. Регулярное освещение, привлечение общественности к реализации Программы через СМИ, широкое обсуждение в социальных сетях являются важными направлениями в деле распространении вопросов веротерпимости и толерантности.

Совместные дискуссии представителей православия и ислама, с участием представителей религиозных меньшинств, форумы, организованные научным сообществом и общественно-религиозными организациями, способствуют распространению позитивных настроений и обновлению практики взаимного межконфессионального диалога. Возможность выразить свое мнение и внести предложения по вопросам межконфессионального взаимодействия способствует выявлению проблемных зон религиозной ситуации в регионе.

3. Создание Ассоциации защиты семьи и личности от неконтролируемой миссионерской деятельности новых религиозных организаций.

Четкая организация, сформированная идеология, активная деятельность многих зарубежных и отечественных новых религиозных организаций деструктивного характера, как для общества, так и для личности, нередко приводит к нанесению морального, материального ущерба, служит угрозой физическому и психическому здоровью людей.

Европейский опыт показывает, что одним из самых эффективных методов борьбы с подобными культами является создание различных ассоциаций, которые активно участвуют в разъяснительных работах, отслеживают деятельность особо опасных сект и новых религиозных организаций, которые зачастую маскируют свою деструктивную деятельность под различными названиями. Развитие подобных ассоциаций с привлечением правоохранительных органов, научного сообщества, психологов и специалистов в области религии способно привести к положительным результатам и помочь пострадавшим от деятельности подобных культов. Создание общественных реабилитационных центров в Тюменской области станет серьезным механизмом для привлечения внимания к проблеме и в других регионах.

4. Привлечение научной общественности к разработке и внедрению в практику системы государственных грантов, направленных на поддержку исследований и проектов, ориентированных на оптимизацию системы профилактики религиозного фанатизма и экстремистской деятельности.

Организация и проведение научно-практических конференций, посвященных исследованию проблем религиозного фанатизма и экстремизма, издание и широкое распространение в субъектах Российской Федерации научных и научно-методических работ по проектированию и обеспечению функционирования системы профилактики религиозного фанатизма и экстремизма могут способствовать формированию научного сообщества исследователей, занимающихся изучением данной проблемы, что должно стать неотъемлемым компонентом в реализации Программы.

Контент – анализ региональных программ по профилактике религиозного экстремизма и терроризма выявил их ориентированность на молодежную среду [3], [43] [92]. Успешная реализация Программы возможна только при условии ориентированности на молодежную среду, которая является наиболее динамичной и уязвимой категорией населения. При этом необходимо учитывать и использовать эффективные и мотивирующие методы для позитивного воздействия на межконфессиональные взаимодействия в этой возрастной когорте. Следовательно, целесообразно, в целях профилактики религиозного фанатизма осуществлять комплекс социальных мероприятий для данной возрастной категории:

1. Разработка курсов «Религиозная и этническая толерантность», с использованием современных технических средств. Поступенчатая, научно обоснованная, и при этом доступная для понимания разъяснительная работа может привести к позитивным тенденциям и являться дополнительным методом привлечения внимания к проблеме.

Данное эмпирическое исследования и социологические исследования, проведенные на территории РФ, подтвердили предположение о неготовности учащихся и их родителей к тотальному внедрению в курс школьного образования

предмета «Основы религиозного воспитания». При этом назрела острая необходимость в заполнении лакун в области религии и культуры в системе нашего образования. Предлагаемый курс «Религиозная и этническая толерантность», может послужить актуальной альтернативой. Однако, стоит учесть, что апробацию его необходимо проводить в учебных заведениях среднего профессионального и высшего образования.

2. Организация конкурсов социальных рекламных роликов на телевидении и в социальных сетях на тему позитивного межконфессионального взаимодействия и развития толерантности среди молодежи.

Данная инициатива может способствовать формированию благоприятной и стабильной религиозной ситуации в информационной среде. Возможность продемонстрировать свои умения в пользовании современными техническими средствами, создавать авторские проекты, а также материальная заинтересованность могут послужить серьезными мотивационными факторами для развития подобной деятельности.

3. Разработка стратегии по организации досуга молодежи на уровне межконфессионального взаимодействия.

Многие высшие учебные заведения Тюмени, в том числе и Тюменский нефтегазовый университет, имеют позитивный опыт организации досуга молодых людей, имеющих различную конфессиональную, этническую, а также расовую принадлежность. В настоящее время недостаточное внимание уделяется организации мероприятий, имеющих не только развлекательный, но и просветительский характер. Знакомство с религиозными традициями, с историческим прошлым различных конфессий в форме творческого дискурса в сочетании с привычными формами молодежного отдыха могут стать одной из новых форм общения в молодежной среде. Популяризация такой формы общения может стать позитивной тенденцией для снятия напряжения в области межконфессионального взаимодействия.

4. Деятельность, ориентированная на переориентацию молодежных субкультур деструктивного характера.

Данные мероприятия могут быть организованы специалистами департамента по спорту и молодежной политике Тюменской области. Их приоритетной задачей будет являться создание поля для реализации агрессивных, экстремальных проявлений молодых людей, удерживая их в рамках действующего законодательства и социальных норм. Наиболее успешно эта стратегия может быть реализована через развитие экстремальных видов спорта, содержащих элементы риска – альпинизм, спидвэй, сноуборд, паркур и т.д. Таким образом, можно корректировать деятельность молодежного сообщества в новом позитивном направлении.

5. Повышение роли студенческих общественных объединений в жизни вуза, степени их влияния на процессы в студенческой среде, а также организация в образовательных учреждениях факультативных курсов по изучению законодательства в сфере противодействия экстремизму.

Стенды антиэкстремистской направленности в корпусах учебных заведений и студенческих общежитиях, с привлечением органов правопорядка к этой работе. Мониторинг и освещение сложившейся религиозной ситуации, информирование и изучение мнения среди студенческой молодежи могут привести к позитивным тенденциям.

Таким образом, можно утверждать, что при осуществлении региональной долгосрочной целевой Программы «Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений и профилактике экстремистских проявлений» на 2014–2016 годы с учетом комплекса социально ориентированных мероприятий, предлагаемых в данном диссертационном исследовании, можно ожидать позитивные тенденции в регионе в области межконфессионального взаимодействия. Скоординированность в действиях органов государственной власти, местного самоуправления, научных учреждений, конфессиональных и иных общественных объединений приведет к общественно-политической стабильности и к толерантным взаимоотношениям в регионе.

Таким образом, теоретико-методологический анализ, вторичный анализ социологических исследований и собственное эмпирическое исследование позволяют сделать следующие выводы. Существует прямая зависимость форм проявления религиозного фанатизма, его разновидностей, типов социальных фанатиков от природы и сущности этого феномена и от конкретной социокультурной ситуации. Анализ трансформаций форм фанатизма позволил выделить три основных направления: западное, восточное и российское. Основой конфликта для возникновения форм фанатизма является столкновение реакционного религиозного фанатизма нетрадиционных религиозных движений с альтернативным специфическим нерелигиозным социально-политическим фанатизмом, а также противостояние этих обоих видов фанатизма, формирующейся новой нефанатической общечеловеческой гуманистической идеологии. Обобщая существующие типологии форм фанатизма, автором предложена собственная классификация, которая выделяет религиозно-политический, этнорелигиозный и резистентный или протекционистский фанатизм.

Проведенное эмпирическое исследование, включающее в себя анкетный опрос жителей Тюменской области, экспертный опрос специалистов в вопросах межконфессиональных отношений, а также вторичные исследования дают основание утверждать, что религиозная ситуация в Тюменской области является относительно стабильной и благополучной, но при этом опрос выявил ряд негативных факторов, способствующих дестабилизации в сфере межконфессиональных отношений. Так, некоторые респонденты высказывают сомнения в соблюдении закона о свободе Совесть (вероисповедания). Появление нетрадиционных религиозных организаций большинство опрошенных связывает с деятельностью зарубежных религиозных организаций, а также подтверждает факт личного общения с религиозными фанатиками.

Определяя религиозный фанатизм как феномен отрицательного характера, некоторые респонденты полагают, что в определенных обстоятельствах он может иметь положительные качества, при этом не все респонденты ставят в единую

цепочку такие понятия как религиозный фанатизм, экстремизм и терроризм. Результаты социологического исследования выявили ряд негативных факторов, которые оказывают наибольшее влияние на активизацию деятельности религиозных фанатиков. Среди них: обострение межнациональных отношений; обострение социальной напряженности, порожденное кризисом в различных сферах человеческих отношений (экономике, политике, духовности, идеологии, нравственности; нерешенность проблем занятости).

Экспертный опрос специалистов в целом подтвердил данные анкетного опроса, но при этом подчеркивалось, что влияние религиозных организаций на духовно-нравственное сознание жителей нашей области нельзя назвать значительным, хотя существующая тенденция свидетельствует о все более возрастающем интересе к религиозным традициям. При стабильном статусе Российской Федерации как светского государства вызывает беспокойство некоторые попытки РПЦ оказать влияние на государственную власть. Эксперты считают несвоевременным и неподготовленным введение предмета «Религиоведение» в курс школьного образования. Для того чтобы осуществлять профилактическую работу по предупреждению вспышек религиозного фанатизма в стране, эксперты считают необходимым тесное взаимодействие правоохранительных органов, социальных институтов, общественных организаций и науки. По их мнению, наиболее эффективными могут стать: разъяснительные беседы и лекции в образовательных учреждениях, работа с населением в средствах массовой информации.

Завершающим этапом данного диссертационного исследования явился предложенный автором диссертационного исследования комплекс социально ориентированных мероприятий, способствующих профилактике религиозного фанатизма (региональный аспект).

Комплекс социально ориентированных мероприятий по профилактике религиозного фанатизма и экстремизма в Тюменской области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмысление ситуации, сложившейся во взаимоотношениях между различными конфессиями, которая, порой осложняется вследствие нарушения этнокультурной и этнорелигиозной целостности, вызванной как глобализационными процессами, так и интенсивными миграционными движениями, активностью экстремистских организаций и конфликтами внутри религиозных учений, позволяет сделать вывод о необходимости формирования и развития целостной, комплексной, концептуальной, законодательно закреплённой, организационно выстроенной и экономически обеспеченной системы социальных мероприятий, способных регулировать и предупреждать нежелательные тенденции в области межконфессиональных взаимодействий.

Проведенные в диссертации теоретико-методологическое обобщение научных источников, анализ нормативно-правовой базы и статистических материалов, а также, результаты собственных социологических исследований позволили автору разработать и обосновать комплекс социальных мероприятий для профилактики религиозного фанатизма.

Считаем целесообразным сделать следующие **выводы**:

Междисциплинарный подход к изучению категории «религиозный фанатизм» позволил автору обосновать сущность данного социокультурного феномена и определить специфические особенности модели социального поведения и мотиваций религиозных фанатиков.

Изучение научных разработок зарубежных и отечественных ученых, анализирующих природу и предпосылки для возникновения феномена религиозного фанатизма, приводит к выводу о том, что природа религиозного фанатизма, несмотря на достижения научно-технического прогресса, практически не изменилось. Религиозный фанатизм может базироваться не только на непросвещенности и слепой религиозной вере, основой которых являются страх и суеверие, а в равной степени на высоком уровне интеллекта в сочетании с нетерпимостью к инакомыслию в благоприятно сложившихся для возникновения

фанатизма социально-политических условиях. Будучи посеянным на религиозной почве, религиозный фанатизм может трансформироваться и влиять на разные социальные уровни. Субъективно-личностная и объективно-социальная природа религиозного фанатизма ведет к постоянному его обновлению, воспроизводство фанатизма напрямую зависит от социокультурных факторов. Важно отметить, что в ходе нашего исследования было необходимым неоднократное обращение к работам прикладной науки.

Систематизация научных концепций изучения религиозного фанатизма привела диссертанта к пониманию необходимости исследования религиозности как механизма функционирования религиозного фанатизма. Изучение факторов формирования религиозности позволяет также подчеркнуть междисциплинарность данного явления, обусловленную социальным, политическим, психологическим и частным характером предпосылок. Существующие в социологии подходы к изучению критерия «религиозность» отличаются вариативностью, при этом, по мнению диссертанта, необходимыми являются: показатель религиозности, степень или интенсивность религиозности и типы религиозности. Диссертационное исследование позволяет сделать вывод о зависимости проявлений религиозного фанатизма от состояния степени религиозности или религиозной идентичности. Методологический контекст теорий определения типов религиозности достаточно разнообразен и специфичен, что дало диссертанту сделать вывод о зависимости применяемых подходов, методов измерения, шкал от специфики религиозного учения. Нашему исследованию наиболее близка типология религиозности: *традиционная/нетрадиционная*, внутри которой рассматриваются категории *верующих – неверующих – колеблющихся*, в силу своей универсальности, применительно к различным религиозным учениям.

Анализ социальной направленности феномена религиозного фанатизма позволил определить его как социокультурное явление, дестабилизирующее социальную среду. Несмотря на то, что существует вариативность подходов в понимании этого явления, приоритетной является концепция о негативной

разрушительной сущности религиозного фанатизма, как для личности, так и для общества в целом. При этом, диссертант акцентирует внимание на том, что в определенных социально-политических условиях религиозный фанатизма способен выполнять защитную функцию для сохранения этнорелигиозной идентичности.

Изучение зарубежных и отечественных теорий по классификации форм религиозного фанатизма, обобщение современных теоретико-методологических подходов позволили диссертанту предложить авторскую концепцию форм проявлений религиозного фанатизма. основополагающим принципом были факторы социального взаимодействия, в зависимости от характера которых, диссертант выделил: *религиозно-политический, этнорелигиозный и протекционистский или резистентный* фанатизм.

Результаты и выводы социологических исследований – анкетного опроса жителей Тюменской области (без автономных округов) и эксперт - опроса (ведущих специалистов в области межконфессиональных отношений, представителей научного сообщества и общественно-религиозных объединений), а так же вторичный анализ социологических данных по изучаемой проблематике – позволили прийти к следующему выводу. Динамика отношений между конфессиями в Тюменском регионе относительно благополучная, но при этом достаточно подвижная и латентная, что, требует к себе особого внимания со стороны политиков, социологов и общественных организаций.

Эмпирическая часть диссертационного исследования позволила автору подчеркнуть актуальность и необходимость изучения религиозности населения Тюменской области, учитывая современные мировые социальные процессы, ведущие к размыванию социокультурных границ, к синтезу культур и религий, а также миграционные движения, ведущие к столкновению сложившихся идеологий, культурных идеалов и религиозных убеждений. Сравнительный анализ религиозности в мировом масштабе, в рамках российского государства и на территории Тюменской области позволил диссертанту сделать вывод о

сложившейся тенденции к возможной дестабилизации религиозной ситуации при отсутствии должного внимания со стороны политиков и ученых.

Функционирование долгосрочной целевой программы «Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений и профилактике экстремистских проявлений» на 2014–2016 годы, нацелено на регулирование проблем в сфере межконфессиональных отношений. Данная программа определяет приоритетные социальные технологии для профилактики религиозного экстремизма и терроризма.

Автор диссертационного исследования предпринял попытку дополнить и уточнить некоторые механизмы для оптимизации данной программы, основываясь на результатах анкетного опроса респондентов и экспертного опроса. Обобщенные научно-теоретические аспекты, эмпирический материал диссертационного исследования, вторичный анализ социологических данных по изучаемой проблематике были выстроены в комплекс социальных мероприятий, способствующих профилактике религиозного фанатизма и экстремизма в Тюменской области.

Список литературы

1. Конституция РФ. Статья 14 от 12.12.1993. [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/cons/1_1.html#p109 – (Дата обращения: 7.07.2013).
2. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационно-правового портала «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/171640/#ixzz2xKvSG7VE>. – (Дата обращения: 17.05.2012).
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/32140.html>. – (Дата обращения: 19.06.2013).
4. Долгосрочная целевая программа Комитета по делам национальностей Тюменской области «Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений и профилактике экстремистских проявлений на 2014-2016 годы», Тюмень, - 2013. – 44с.
5. Закон Тюменской области «О молодежной политике в Тюменской области» от 06.02.1997 №72. [Электронный ресурс] // Официальный сайт «WWW-Кодекс». – Режим доступа: <http://law.admtumen.ru>. – (Дата обращения: 1.12.2013).
6. Аберкромби Н. Социологический словарь: Пер. с англ./Н.Аберкромби, С. Хилл, Б.С.Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004.- 620 с.
7. Анцупов А.Я. Словарь конфликтолога. 2-е из., Питер, С.-Петербург. - 2006.
8. Асмолов А.Г. Психология обыкновенного фанатизма. «ВЕК ТОЛЕРАНТНОСТИ» выпуск 1 – 2, [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.tolerance.ru. – (Дата обращения: 11.05.2010).

9. Ашкинази Л.А. Измерение религиозности стр. 4665-4673. IV Очередной Всероссийский социологический конгресс Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Социология религии: традиционное и новое в жизни общества. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. - М.: РОС, 2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sociologos.ru/novosti/Opublikovan_sbornik_materialov_chetvertogo_vserossijskogo_sociologicheskogo. – (Дата обращения: 5.06.2013).
10. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика и этос воспитания. Научно-публицистическая монография. Тюмень: НИИ прикладной этики; Центр прикладной этики, 2002. - 256 с. С.48)
11. Балагушкин Е.Г. Проблемы морфологического анализа религий. – М.: 2003. – 218с.
12. Барбакова К.Г., Голенкова З.Т.. Социально-историческая детерминация глобализационных процессов в мировом сообществе. С. 41-45. Современное общество и социология: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. профессора М.М.Акулич. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2008. - 324с
13. Бачинин В. Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом Исторические очерки политической теологии и культурной антропологии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bachinin/04.php. – (Дата обращения: 21.05.2013).
14. Безрогов В.Г. Социальное пространство личности Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://online.ru/articles/4-02/206.html>. – (Дата обращения: 23.03.2013).
15. Бердяев Н. О фанатизме, ортодоксии и истине. Русские записки. Париж – Шанхай, 1937. - 180 с.

16. Бехтерев В. «Внушение и его роль в общественной жизни» ПИТЕР Санкт-Петербург Москва-Харьков-Минск, 2001. - 256с.
17. Бодрийяр Ж. Америка. Перевод с французского Д. Калугин. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2000. – 206 с.
18. Бреская О.Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода. // Социологические исследования № 12. 2011.- С. 77-87.
19. Булгаков С. Основания экуменизма. Журнал «Путь», 1938-1939. – С.3-15.
20. Варданянц Г.К. Терроризм: диагностика и социальный контроль // Социологические исследования, - 2005. - №7.
21. Вебер М. Избранные произведения. Перевод с немецкого Составление, общая редакция и послесловие доктора философских наук Ю. Н. Давыдова; Предисловие доктора философских наук П. П. Гайдено Москва «Прогресс», 1990 - 704 с.
22. Витюк В. В., Данилевич И. В. Терроризм как политический феномен и как теоретическая проблема // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М.: Институт социологии РАН, 2003.
23. Волков Е. Н. Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // Журнал практического психолога. М.: Фолиум, 1996.- № 2 - С. 87-93.
24. Вольтер Ф. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря»: [сб.: пер. с фран.] / Вольтер. – М.: АСТ: Астрел, 2011. - 748с.
25. Гегель, Г. Философия права. М.: 1990. – 843 с.
26. Гегель Г. Философия религии . В 2-х томах. Т.1. М.: «Мысль», 1976. - 532 с.
27. Гегель Г. Философия религии . В 2-х томах. Т.2. М.: «Мысль», 1976.- 573 с.
28. Гирш В. Гениальность и вырождение. ООО «АНТТ- Принт» Санкт–Петербург, 2005. – 288 с.
29. Глобальный барометр надежды и отчаяния Global Barometer on Hope and Despair. Международный опрос. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/02/4743> – (Дата обращения: 20.01.2014).
30. Гольбах П. Галерея святых. Издательство: М.: Политиздат. 1962. - 352 с.

31. Гольбах П. Священная зараза. Разоблаченное христианство. - М.:1936. - С. 127-128.
32. Государственно – конфессиональные отношения и религиозные объединения в Тюменской области (справочник) / под редакцией Ключевой В.П. - Печатный дом «Тюмень», 2009. – 304 с.
33. Гудков Л. Об интерпретации одного социологического исследования. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://expert.ru/2012/12/6/ob-interpretatsii-odnogo-sotsiologicheskogo-issledovaniya>. – (Дата обращения: 1.06.2013).
34. Гуревич П.С. Спасет ли мессия? «Христомания» в западном мире. Философско-публицистический очерк. – М.: Политиздат, 1981. –272с.
35. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Издательство: Эксмо, 2010. – 928с.
36. Дворкин А. Десять вопросов навязчивому незнакомцу (Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным). - М.: Информационно-консультативный Центр Свмч.Иринейя еп. Лионского, 1995. - 44 с.
37. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Н. Новгород, 2002. – 554 с.
38. Добренев В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 768с.
39. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf>. – (Дата обращения: 16.05.2012).
40. Дудина В.И. Социологический метод: от классической к постнеклассической точке зрения // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999. – С.57-65.
41. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд/Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. - М.: Мысль, 1994. - с. 399 с.
42. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Статья из сборника: Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. – 432 с.

43. Зайцева А. Спектакулярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией. Неприкосновенный запас 2010. № 4 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/za4.html>. – (Дата обращения: 21.03.2014).
44. Залевский Г.В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества Сибирский психологический журнал, 2009. - №28 - С. 50.
45. Зиммель Г. К социологии религии // Избранное. Том первый- Философия культуры. М.: 1996. – 671с.
46. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. Социологические исследования, 2008. - № 5 - С. 37-47.
47. Иванов С.Н. Терроризм смертников. Исторический аспект. // Вестник Удмуртского университета. Выпуск 1. 2008. – С. 126-134.
48. Ильин И. Что такое религиозность? Журнал Шестое чувство, 2008. - №1 - С. 25.
49. Ипатов Л.П. Современные особенности освоения православной традиции//Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М.: 2008. - 414 с.
50. История Русской Церкви Проф. П. В. Знаменского. Профессор П. В. Знаменский как историк Русской Церкви. Введение в историю Русской церкви: христианство в России при святом Владимире изданию девятому, исправленному. Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории. Москва. 2000. - 123 с.
51. История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Христианство (Christianisme), т. 3, 1753. Перевод и примечания Н.В.Ревуненковой. Под общей редакцией А.Д.Люблинской. Л.: Наука, 1978. – 318с.
52. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gks.ru> – (Дата обращения: 2.07.2012).
53. Канерва С. Фанатизм. Личный взгляд на проблему. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.urantia.spb.ru/fanat.html> – (Дата обращения: 1.05.2011).
54. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Сочинения: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 6.

55. Кант И. Трактаты и письма. – М.: 1980. – 224 с.
56. Кантеров И. История и плоды одного открытия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.galactic.org.ua/SLOVARI/f-4.htm> – (Дата обращения: 2.10.2013).
57. Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII – XIII веках. Пг., типография «Научное дело», 1915. – 360 с.
58. Ким В.В. Фанатизм как социальный феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва, 2003, - 195с
59. Ким В.В. Некоторые аспекты формирования фанатизма на примере религий // Международный сборник научных трудов. Выпуск 10. – Волгоград, издательство ВолТГУ, 2006. – С. 29-35.
60. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. ПЕР СЭ, Москва, 2007 - 464с.
61. Концен П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления / Пер. с нем. – Ч.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2011. – 388 с.
62. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Семь путей к катастрофе. – Новосибирск: Наука, сибирское отделение, 1990. – 224 с.
63. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия. - Издательство НГПУ, Новосибирск, 1999.
64. Кузнецова М.Н. Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления: Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. Омск, 2003. – 171с.
65. Кулаков А.П. Измерение в социологии. – Новосибирск: НГАСУ, 2005. – 124 с.
66. Лазуткин В.В. От раскола к цельности: истоки фанатизма.// Омский научный вестник. Вопросы философии, 2008. – № 5 - С. 115-117.
67. Лебедев С.Д. Парадоксы религиозности в мире Позднего Модерна. // Социологические исследования, 2010. - №12 - С. 85-94.
68. Лебон Г. Психология народов и масс. Издательство Терра – Книжный клуб, 2008. – 272 с.

69. Левада, Ю. А. Сочинения : избранное : социологические очерки, 2000-2005 / Ю. А. Левада : [сост. Т. В. Левада]. – М.: 2011. – 507 с.
70. Левада-центр [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.levada.ru/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman>. – (Дата обращения: 21.05.2013).
71. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: 1964. – 343 с.
72. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
73. Ленин В.И. Социализм и религия. Полное собрание сочинений В. И. Ленина, Издательство политической литературы, Москва, 1965 т. 12 - 38500 с.
74. Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2 - 581с.
75. Ломброзо Ч. Анархисты: Кримин.-психол. и социол. Очерк. Пер. с 2 итал. доп. изд. Н. С. Житковой. — Лейпциг ; Санкт-Петербург: «Мысль» А. Миллер, 1907 (Одесса). - 138 с.
76. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. – М.: Астрель: Полиграф-издат, 2012. – 348 с.
77. Маркс К. и Энгельс Ф. Об атеизме, религии и церкви / [Авт. вступ. ст. Ю. Б. Пишик] М.: Мысль 1986. - 669 с.
78. Масси Р. К. Петр Великий: В 3 т. Т. 1. Смоленск: 1996. – 464 с.
79. Митрохин, Л. Н. Религия и культура (философские очерки). — М.: ИФ РАН, 2000. — 318с.
80. Налетов И. В. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности // Социологические исследования № 5, 2004.
81. Национальный состав Тюменской области [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.portal-urfo.ru/tumen/about/naselenie/national> – (Дата обращения: 21.05.2013).
82. Наэм Дж. Психология и психиатрия в США. М.: Прогресс 1984. – 306 с.
83. Николаев В.Г. Идентичность//Культурология XX век. Энциклопедия в 2-х т. Т 1/Гл.ред и сост. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга; 1998. – 1392 с.
84. Никольский Н.М. История русской церкви. – М.: 1988. – 455 с.
85. Ницше Ф. Веселая наука. Издательство «Азбука» Санкт-Петербург, 201. - 352с.

86. Ницше Ф. Рождение трагедии или Эллинство и пессимизм. Так говорил Заратустра. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 691 с.
87. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом» Произведение публикуется по изданию: Фридрих Ницше, сочинения в 2-х томах, том 2, перевод — Н. Полилова. Издательство «Мысль»: 1990. – 829 с.
88. Новикова Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). Минск: - 2001.
89. Ноэль. Э. «Массовые опросы». М.: Ава-Эстра, 1993. – 272 с.
90. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка/ Российская АН.; Российский фонд культуры; - 2-е изд., - М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
91. Ольшанский Д.В. «Психология терроризма» Питер, 2007. - 288 с.
92. Отчет о научно-исследовательской работе социологическое исследование на тему: «Изучение ситуации в сферах общественно-политических, межнациональных и общественно-религиозных отношений в Тюменской области» ООО «Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований-2» Тюмень, 2010 – 108 с.
93. Омельчук Р.К. Фанатизм в свете онтологического подхода к вере. Вопросы философии № 2012, М.: Наука - С. 25-34.
94. Панкратова Г. Религиозность и религиозная самоидентификация. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident>. – (Дата обращения: 13.06.2013).
95. Панченко О.А., Кутько И.И., Березовский В.Н. Психические расстройства при религиозных ритуалах// Психиатрия и религия на стыке тысячелетий: Сборник научных работ Харьковской областной клинической психиатрической больницы № 3 и Харьковской медицинской академии последипломного образования/ Под общ. ред. П.Т. Петрюка, Р.Б. Брагина. – Харьков, 2006. – Т.4.- С. 76-79.
96. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. — М.: Мысль, 1971. - 352 с.
97. Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Феномен человека - вчера и завтра. Ростов-на-Дону. Издательство «Феникс» 1996. - 576 с.

98. Пруцкова Е.В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях Государство. Религия. Церковь «№ 2, 2012. – С. 268-293.
99. Рапопорт А. Истоки насилия: подходы к изучению конфликта. // Социальный конфликт: современные исследования. - М., 1991. - С.36-51.
100. Рассел Б. Фанатизм и терпимость. Интервью 1959 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://musa.narod.ru>. - (Дата обращения 26.12.2010).
101. Религиозные организации Российской Федерации: Справочник. Под общ. ред. М.М.Прусака; В.В.Борщева; Сост. Иваненко С.И. и др. Аналитический вестник №24. Специальный выпуск. - М.: Республика, 1996. - 271 с.
102. Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России: Справочник / Под рук. Н.А.Трофимчука. - М.: Изд-во РАГС, 1996. - 286 с.
103. Робеспьер М. Избранные произведения. Т. III. М.: "Наука", 1965. - 71с.
104. Рогожин В. Фанатизм. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dkp.narod.ru/fanat.htm>. – (Дата обращения: 2.12.2010).
105. Розанов В. Метафизика Христианства Купол Храма. Издательство АСТ, 2000. - 864 с.
106. Сабирова Г.А. Мусульманские идентичности и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008. - С.457-494.
107. Саванкова Н. Затворников по осени считают. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/10/01/sekta.html>. – (Дата обращения: 24.08.2013).
108. Санаева Т.Н. Социальный фанатизм / Нижегород. гос.архитектур.-строит. ун-т, Общечер. акад. человековедения.– Н. Новгород : Гладкова, 2001. – 100 с.
109. Санаева Т.Н. Социальный фанатизм: Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. – Нижний Новгород, 2002 - 195с.
110. Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций// Психология эмоций. Тексты. - М.: 1984. - С.120-137.
111. Сартр Ж.-П. Ситуация человека - ключ к гуманистическому психоанализу// Проблема человека в западной философии. - М., 1988. - С.443-482.
112. Светлов В.А. Аналитика конфликта. - СПб.: 2001.

113. Севостьянов Д. Фанатизм. Анализ иерархических и инверсивных отношений. // Журнал Власть № 12, 2009. - с. 80-82.
114. Сергиенко Н.П., Круглик Н.В., Муха В.Н. Религиозная идентичность жителей Краснодарского края. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-8-2013/sociology/sergienko-kruglik-mukha.pdf>. - (Дата обращения 6.01.2014).
115. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности. Социологический журнал № 3, 2008. - С. 45-61
116. Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. - С. 89-96.
117. Синелина Ю. Религия в современном мире. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.luther.ru/society/opinion/1813-2013-01-03-09-07-41.html> - (Дата обращения 12.12.2013).
118. Складорова Т.В. Религиозная социализация: проблемы и направления исследования // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. Вып. 4 (15), 2009 – С. 7-17.
119. Собрание сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса. К истории первоначального христианства с.472. Т.22 Издательство: Госполитиздат, 1955. - 25000 с.
120. Советский энциклопедический словарь под. рук. А.Н. Прохорова, Н.С. Гиляровского Изд-во «Советская энциклопедия, М.: -1980. - 1409 с.
121. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Издательство Тюменский государственный университет, 2011. - 356с.
122. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: ИПП, 1992,- С. 295-425.
123. Сорокин П. Философия голода//Новое время, 1992, № 3. С. 40-42.
124. Спиноза Б. Богословско-политический трактат.//Избранные произведения в 2 т. Т.2. - М.: 1957. – 727с.
125. Сумерки богов/Сост. И общ. ред. А.А. Яковлева: М.: Политиздат, 1990. – 398с.
126. Сухдео Г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://radasteya-info.narod.ru/secret.htm>. – (Дата обращения: 12.05.2011).

127. Тайные общества и секты. Культовые убийцы, масоны, религиозные союзы и ордена, сатанисты и фанатики / Подгот. текста Н.И.Макаровой.- Мн.: Литература, 1996. - 624 с.
128. Тенбрук Ф. Репрезентативная культура. //Социологическое обозрение. – 2013. - №3. – С.93-120.
129. Титаренко Л. Введение / Кафоликия: сборник материалов межд. конф. «Православие в постсоветские времена: осмысление ситуации» / Под ред. С. Г. Карасёвой. Минск, - 2007.
130. Толковый словарь русского языка. Современная версия М.: Изд-во Эксмо, 2005. - 736с.
131. Толмач А.Д. Феномен терроризма в массовом сознании.// Социологические исследования - 2009. - №4. - С. 82-88.
132. Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. 4.1. -М.: ИНИОНРАН, - 1993.
133. Тоффлер Э. Третья волна. - М. АСТ, 1999.- С. 6-261
134. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек / Тощенко Ж.Т. – М. : Гардарика, 2001. – 400 с.
135. Тощенко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Toshenko.pdf> . – (Дата обращения: 29.10.2013).
136. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. – 511 с.
137. Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? – М.: Academia, 2007. – 664 с.
138. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. – 432 с.
139. Угринович Д.М. Психология религии М.: Политиздат, 1986. - 352 с.
140. Угринович Д.М. У истоков искусства и религии // Наука и религия. - 1981. -№ 12.
141. Федеральная служба государственной статистики. Том 1. Численность и размещение населения. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. – (Дата обращения: 30.05.2012).

142. Фарахутдинов Ш.Ф., Бушуев А.С. Обработка и анализ данных социологических исследований в пакете SPSS 17.0. Курс лекций: учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 220 с.
143. Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2 томах.- Том 2.- М.: Полит.лит-ра, 1955. - 942с.
144. Фейербах Л. Сущность христианства//Фейербах Л. Сочинения. В 2т. Т.2.- М.:Наука, 1995. – 424 с.
145. Ферреро Г. Величие и падение Рима – Изд-во «Наука», Москва, 1998. – 159 с.
146. Фестингер Л. Введение в теорию диссонанса. — Современная зарубежная социальная психология. М.: 1984, - с. 97–110.
147. Филатов С.Б. Современная Россия и секты // Иностранная литература. - 1996. - №8 - С.201-219.
148. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. - 2005. - №4 - С. 39-40.
149. Фишер К. История новой философии: введение в историю новой философии. Фрэнсис Бэкон Верлуамский // Фрэнсис Бэкон Верлуамский: реальная философия и ее эпоха. М.: Издательство АСТ, 2003. - 541 с.
150. Фойгель А. М. Социальная природа религиозного фанатизма. Диссертация на соискание степени доктора философ, наук. - Ленинград, 1973. - 279 с.
151. Фойгель А.М. Социальная природа религиозного фанатизма. Автореферат на соискание канд. философ. наук. Л., 1973,
152. Фолкнер Д, Де Йонг Г.. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ. Социологические исследования. - 2011. - №12 - С.69-77.
153. Фомичев П.Н. Социологические теории национализма. Научно-аналитический обзор. - М.: 1991.
154. Франк С. Л. Крушение кумиров//Франк СЛ. Сочинения. - М.: 1990.- С. 111-180.
155. Франк СЛ. Политика и идеи//Франк СЛ. Сочинения. - М., 1990. - С.66-76.

156. Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. – 1992. - № 3. – С. 120.
157. Франк СЛ. Этика нигилизмаУ/Франк СЛ. Сочинения. - М.: 1990. - С.77-110.
158. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.:Азбука Аттикус, 2012. – 192с.
159. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ: Астрель, 2004. - 625с.
160. Фромм Э. Догмат о Христе. - М.:Юлимп, 1998. - 414 с.
161. Хвыля-Олинтер А.И., Лукьянов С.А. Опасные тоталитарные формы религиозных сект.- М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1996.- 83с.
162. Хейзинга Й. Осень средневековья. – М.: 1988. – 371с.
163. Хизриева Г. Пора защищать ряды мусульман от провокаторов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2013/43/islamu-ob_yavlen-dzhihad. – (Дата обращения: 14.11.2013).
164. Черныш Ю.А. Религия как фактор социокультурной социализации в современной России (на примере старообрядческой общины г.Самара) //Автореф. на соиск.уч.ст.канд.соц.наук. М.: 2005.
165. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века — М.: Академический Проект, 2005. - 304 с.
166. Чистяков Г.П. Психология религиозного фанатизма // Межкультурный диалог: Исследования и практика// Под редакцией Г.У Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютой, М.: Центр СМИ МГУ им. М.В.Ломоносова, 2004. – С. 23-31.
167. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Изд-во Прогресс, 1996 - 340 с.
168. Юнг К. Аналитическая психология, прошлое и настоящее. Изд-во Мартис, 1995 – 320с.
169. Яблоков И.Н. Философия религии. Актуальные проблемы: Монография– М.: Из-во РАГС, 2007. – 248 с.
170. Ядов, В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под. ред. В.А. Ядова. –Л.: Наука, 1979. – 264 с.

171. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов // Мир России. –1995. –№3–4. – С.158–181.
172. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. - М.: 1999. – 279 с.
173. Яковлев Н.Н. Религия в Америке 80-х: Заметки американиста. — М.: Политиздат, 1987. - 192 с.
174. Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. М.: Новое литературное обозрение, 2004. - С. 412-426.
175. Яхьяев М.Я. Истоки и смысл фанатизма. Монография Махачкала ИПЦ ДГУ 2005. - 212 с.
176. Яхьяев М.Я. Феномен религиозного фанатизма. - Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. - 231с.
177. Allport G. The Individual and His Religion: A Psychological Interpretation. Oxford, England: Macmillan, 1950. P. 9
178. Batson D., Ventis L/ The Religious Experience/ A social-psychological Perspective. P. 205
179. Burke E. A Letter to a Noble Lord (1796) // The Works... L., 1808. Vol. 8. P. 55
180. Compètes de Bossuet, publiées d'après les imprimés et les manuscrits originaux, edition par F. Lachat, Paris, Librairie de Louis Vivès, éditeur. V.X, 1863
181. Freud S. Ansprache an die Mitglieder des Vereins BNai Brith // GW. 1941. 17. S. 51.53
182. Glock C. On the Study of Religious Commitment//Religious Education, Research Supplement, 1962, № 42
183. Guard R. Des choses cachees depuis la fondation du monde. 1978.
184. Henneman G. Zur Phänomenologie des Ulaubens. — Zeitschrift für Religions und Geistesgeschichte, 1971, Heft 1/2, S.18–19
185. Kernberg O.F. Psychoanalytische Beiträge zur Verhinderung gesellschaftlich funktionierter Gewalt // Psyche. 2001. Vol. 55. S. 1086.1109
186. Levasseur R. Op. cit. T. 3. P. 63

187. M-me de Staël. De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations. Lausanne, 1796. с.202
188. Stark R., Glock Y. Charles. (1968). American Piety . Berkeley, CA: University of California Press. Цит . по Stark R., Bainbridge W.S. (1985). The Future of Religion. Secularization, Revival, and Cult Formation . Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Приложение 1

Таблица 1

**Численность населения
на начало года**

	2006	2007	2008	2009	2010
	Тюменская область (включая автономные округа)				
Численность населения – всего, тыс. человек	3323,3	3345,1	3373,4	3398,9	3430,3
в том числе:					
городское	2564,6	2591,0	2621,6	2648,6	2679,6
сельское	758,7	754,1	751,8	750,3	750,7
	Ханты-Мансийский автономный округ-Югра				
Численность населения – всего, тыс. человек	1478,2	1488,3	1505,2	1520,0	1538,5
в том числе:					
городское	1344,5	1357,2	1374,4	1390,6	1409,2
сельское	133,7	131,1	130,8	129,4	129,3
	Ямало-Ненецкий автономный округ				
Численность населения – всего, тыс. человек	530,6	538,6	542,8	543,6	546,2
в том числе:					
городское	450,6	457,9	461,3	461,8	463,9
сельское	80,0	80,7	81,5	81,8	82,3

Таблица 2

**Распределение населения по полу
на начало года**

	2006	2007	2008	2009	2010
	Тюменская область (включая автономные округа)				
Численность населения – всего, тыс. человек	3307,5	3323,3	3345,1	3373,4	3398,9
в том числе:					
мужчины	1603,6	1607,9	1615,6	1626,8	1636,6
женщины	1703,9	1715,4	1729,6	1746,6	1762,3
	Ханты-Мансийский автономный округ-Югра				
Численность населения – всего, тыс. человек	1469,0	1478,2	1488,3	1505,2	1520,0
в том числе:					

мужчины	726,6	729,2	732,4	739,1	744,7
женщины	742,4	749,0	755,8	766,2	775,2
Ямало-Ненецкий автономный округ					
Численность населения – всего, тыс. человек	523,4	530,6	538,6	542,8	543,6
в том числе:					
мужчины	262,1	265,3	268,6	270,1	269,9
женщины	261,2	265,4	270,0	272,6	273,7

Таблица 3

**Распределение населения по возрастным группам
на начало года**

	2006	2007	2008	2009	2010
Тюменская область (включая автономные округа)					
Численность населения – всего, тыс. человек	3307,5	3323,3	3345,1	3373,4	3398,9
в том числе:					
моложе трудоспособного	661,5	647,0	636,4	635,8	642,9
трудоспособном	2288,2	2308,2	2323,8	2331,7	2331,2
старше трудоспособного	357,8	368,1	384,9	405,9	424,8
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра					
Численность населения – всего, тыс. человек	1469,0	1478,2	1488,3	1505,2	1520,0
в том числе:					
моложе трудоспособного	306,4	300,0	295,5	295,7	299,0
трудоспособном	1053,5	1061,9	1067,3	1072,8	1073,5
старше трудоспособного	109,1	116,3	125,5	136,7	147,5
Ямало-Ненецкий автономный округ					
Численность населения – всего, тыс. человек	523,4	530,6	538,6	542,8	543,6
в том числе:					
моложе трудоспособного	118,6	116,7	114,7	113,7	113,5
трудоспособном	376,1	382,5	388,8	389,6	387,3
старше трудоспособного	28,7	31,5	35,1	39,5	42,8

Приложение 2

Таблица 1

Религиозная принадлежность населения (% по столбцу)

Религия	Юг ТО		ХМАО		ЯНАО	
	2006	2010	2006	2010	2006	2010
Православие	75,0	71,6	71,2	68,2	71,6	71,3
Ислам	3,3	9,1	8,1	8,3	8,1	12,0
Иудаизм	0,1	0,2	0,1	0,9	0,1	0,9
Буддизм	0,3	0,3	0,2	0,6	0,6	0,2
Протестантизм	1,2	0,1	0,3	0,8	0,2	0,5
Католицизм	0,3	0,1	0,9	0,8	0,6	0,6
Другое	0,3	0,9	0,5	1,8	0,4	0,2
Нет ответа	19,5	17,7	19	18,7	18	14
Всего ответов	100	100	100	100	100	100

Таблица 2

**Число религиозных организаций
(по данным Управлений Министерства юстиции России по Тюменской
области)**

на начало года, единиц

	2008	2009	2010	2011	2012
Все религиозные организации в том числе по конфессиям:	368	370	371	380	378
Русская православная церковь	145	146	144	146	146
Римско-католическая церковь	7	7	7	7	7
Ислам	91	90	95	106	107
Иудаизм	1	1	1	1	1
Евангельские христиане-баптисты	20	21	20	20	20
Пятидесятники	41	42	41	39	38
Адвентисты седьмого дня	9	9	9	9	9
Лютеране	1	1	2	1	1
Свидетели Иеговы	8	8	8	8	8
Сознание Кришны	2	2	1	1	1
Иные верования	43	43	43	42	40

Приложение 3

Таблица 1

Соотношение коренных и приезжих жителей Тюменской области по принадлежности к конфессиям (% по столбцу)

Регион	Конфессио- нальная принадлеж- ность	Здесь родился		Приехал по своему желанию из другого город (села) нашего региона		Приехал по своему же- ланию из другого ре- гиона Рос- сии или СНГ		Вынужден- ный пере- селенец (беженец) из другого региона России		Приехал сюда вре- менно из Другой страны	
		2006	2010	2006	2010	2006	2010	2006	2010	2006	2010
Юг ТО	Православие	89	86	89	84	88	84	89	35	50	
	Ислам	3	10	3	10	7	10	11	35	50	75
	Другие	2	1	3	2	2	4		29		
	Отказ	5	2	5	4	4	3				25
ХМАО	Православие	84	87	84	80	84	82	70	86	60	56
	Ислам	7	6	9	10	10	12	10	7	40	11
	Другие	3	4	1	5	3	4	5			22
	Отказ	6	3	7	5	4	3	15	7		11
ЯНАО	Православие	83	88	84	82	85	79	76	89	56	60
	Ислам	9	8	9	13	10	18	14	4	11	
	Другие	2	3	2	2	2	3	5	7		20
	Отказ	6	1	5	3	3		5		22	20

Таблица 2

**Конфессиональная принадлежность групп населения, проживающих в
регионе (% по столбцу)**

Регион	Конфессиональ-ная принадлежность	Как долго Вы живете в регионе							
		до 5 лет		5-15 лет		16-25 лет		более 25 лет	
		2006	2010	2006	2010	2006	2010	2006	2010
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Юг ТО	Православие	81	81	93	83	89	82	88	86
	Ислам	8	14	3	10	4	13	4	9
	Другие	2	2	1	3	2	2	3	1
	Отказ от ответа	10	3	2	3	5	4	5	3

Таблица 3

**Отношение различных слоев населения к своей религиозности
(по данным 2010 г.)**

Показатели	Верующий	Скорее верующий, чем неверующий	Скорее неверующий, чем верующий	Неверующий	Атеист	Нет ответа	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8
Пол респондента							
Мужчины	34	36	11	12	6	2	100
Женщины	35	45	8	7	3	2	100
Возраст							
до 25	34	41	6	11	6	1	100
25-34	32	43	9	8	5	2	100
35-44	29	44	12	10	3	2	100
45-54	36	39	9	8	6	2	100
55-64	41	39	8	8	3	1	100
65+	46	25	10	13	2	4	100
Тип поселения							
Деревня, село	29	40	9	13	6	2	100
Рабочий поселок	41	33	9	12	4	1	100
Малый город (до 100 тыс. жителей)	34	44	9	7	4	1	100
Средний город (100-500 тыс. жителей)	36	37	9	11	5	2	100
Крупный город (более 500 тыс. жителей)	36	45	7	5	3	4	100
Образование							
1							

Без образования, начальное образование	40	25	10	11	10	5	100
Незаконченное среднее	40	40	7	7	4	2	100
Среднее общее	36	36	9	12	5	3	100
Начальное специальное	35	39	8	13	4	1	100
Среднее специальное	35	40	9	9	4	2	100
Незаконченное высшее	35	41	9	7	5	2	100
Высшее	31	47	9	8	4	1	100
Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	38	38	10	10	5		100
Материальное положение Ваше, Вашей семьи сегодня							
Денег не хватает на повседневные затраты	41	32	10	9	6	2	100
На повседневные затраты уходит вся зарплата	40	39	7	7	5	2	100
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	36	37	11	10	5	2	100

В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов приходится брать в долг	32	43	9	11	4	2	100
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, машины, дачи	28	49	9	9	4	1	100
Практически ни в чем себе не отказываем	42	40	5	9	3		100

1							
Давно ли Вы живете в этом городе/поселке/селе/деревне?							
Менее 5 лет	36	39	10	9	5	2	100
5-15 лет	34	41	9	10	4	2	100
16-25 лет	33	41	9	10	6	2	100
Больше 25 лет	35	41	9	9	4	2	100
Отказ от ответа	30	35	4	13		17	100
Вы здесь родились или приехали из другого города (села), из другого региона?							
Здесь родился	34	40	9	11	5	1	100
Приехал по своему желанию из др. города (села) нашего региона	34	42	10	9	4	2	100
Приехал по своему желанию из другого региона РФ или СНГ	35	42	9	9	5	1	100

Вынужденный переселенец из другого региона РФ или СНГ	45	27	6	4	9	8	100
Приехал сюда временно из другой страны	36	15	13	18	8	10	100
В среднем	34	41	9	9	5	2	100

Приложение 4

Показатели государственной программы Тюменской области "Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений и профилактике экстремистских проявлений" на 2014-2016 годы

Государственный заказчик Комитет по делам национальностей Тюменской области

№ п/ п	Ед. из м.	Направленно сть показателя (прямого/обратного счёта)	Вес о- вой коэ ф- фици- ент	Базовое значен ие показат еля 2012 г. (факт)	2013 год (оцен ка)	Планируемый период			Цел ево е зна чен ие показат еля	
						2014 г.	2015 г.	2016 г.		
1	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Цель 1. Обеспечение межнационального согласия. Профилактика этнического экстремизма.										
1	Показатель цели 1. Показатель этнической толерантности (по результатам социологических исследований)	%	П	0,34	78,29	77				стабильность
Задача 1.1. Профилактика национальной розни и экстремизма в этнической среде										
2	Показатель 1. Количество протестных акций на национальной основе	ед.	О	0		0				стабильность
Задача 1.2. Реализация мероприятий национально - культурного развития										
3	Показатель 1. Количество мероприятий национально-культурного развития	ед.	П	254		261	280	300	304	304

	Показатель 2. Количество участников мероприятий национально-культурного развития	чел.	П	23200	24180	24300	24900	25000	25000
4	Показатель 3. Численность участников областного казачьего фестиваля "Благовест":								
	количество казачьих обществ и организаций,	ед.	П	16	17	19	22	22	22
	количество казачьих художественных коллективов,	ед.	П	95	95	97	100	100	100
	в них участников.	чел.	П	1100	1100	1300	1500	1500	1500
Задача 1.3. Реализация мероприятий в этнической среде									
5	Показатель 1. Количество национально-культурных объединений, организующих изучение родных (национальных) языков	ед.	П	12	12	12	12	12	12
	количество групп,	ед.	П	69	65	65	65	65	65
	в них учащихся	чел.	П	1585	1500	1500	1500	1500	1500
6	Показатель 2. Доля граждан, удовлетворенных реализацией этнокультурных прав, от общего числа жителей Тюменской области	%	П						

Цель 2. Обеспечение межконфессионального согласия. Профилактика религиозного экстремизма.										
7	Показатель цели 2. Уровень религиозной толерантности (по результатам социологических исследований)	%			90,1	76,70				стабильность
			П	0,33						
Задача 2.1. Развитие взаимодействия и укрепление сотрудничества органов государственной власти, местного самоуправления и религиозных объединений. Профилактика проявлений экстремизма в религиозной сфере										
8	Показатель 1. Количество протестных акций на религиозной основе					0				стабильность
		ед.	О		0					
2.2. Содействие возрождению и сохранению историко-культурного наследия, духовных ценностей народов										
9	Показатель 1. Количество культовых объектов, восстановленных при поддержке областного бюджета (нарастающим итогом)	ед.								
			П		59	59	60	60	60	60
	Финансовые затраты по задаче 2.2.	ты с. ру б.			707 877	79 676	55 818	27 050	27 050	
Цель 3. Обеспечение общественно-политической стабильности в регионе. Профилактика политического экстремизма.										
10	Показатель цели 3. Оценка населением области уровня общественно-политической стабильности в регионе (по результатам	%			72,5	75,9				стабильность
			П	0,33						

в сфере межконфессион альных отношений	%	П		94,7	73,1				
в сфере общественно - политических отношений	%	П		69,4	73,6				

Приложение А

Уважаемый респондент!

Просим Вас принять участие в социологическом исследовании, связанном с возможностью профилактики религиозного фанатизма в Тюменском регионе. Исследование проводит аспирант кафедры «Истории и культурологии» ТюмГНГУ. Результаты исследования будут использованы только в научно-практических целях. Анкета анонимная.

1. Считаете ли Вы себя верующим человеком? Считаете ли Вы, что религия играет в Вашей жизни важную роль?

1. Да, я глубоко верующий человек
2. Нет, я атеист и не верю в Бога
3. Религия не играет особой роли в моей жизни, но в определенных обстоятельствах, я обращаюсь к Богу.
4. Я верующий человек, но стараюсь не показывать этого внешне.
5. Иной вариант _____

2. Соблюдаете ли Вы религиозные традиции?

1. Да, делаю это искренне и по убеждениям.
2. Нет, для меня это не важно.
3. Да, соблюдаю, но скорее формально, потому что это в духе нашего времени.
4. Иной вариант _____

3. Как часто Вы посещаете храм?

1. Несколько раз в неделю
2. Иногда, время от времени
3. В дни религиозных праздников, несколько раз в год
4. По случаю личных событий (крещение, похороны родных, венчание)
5. Не посещаю
6. Иной вариант _____

4. Что Вы находите в посещении храма?

1. Сообщество единоверцев
2. Эстетическое удовольствие
3. Общение с богом
4. Облегчение скорби, страданий, избавление от грехов
5. Возможность помолиться
6. Иной вариант _____

5. Как Вы считаете, что может сыграть положительную роль в жизни человека в критический для него момент (личная драма, потеря работы, неудачи в карьере и т.д.)?

1. Помощь родных и близких, друзей
2. Посещение храма, молитвы
3. Помощь единоверцев
4. Вступление в нетрадиционную религиозную организацию
5. Иной вариант _____

6. Считаете ли Вы, что вера в Бога, посещение храма помогают в духовно-нравственном развитии человека?

1. Да, существенно помогают
 2. Нет, не влияют
 3. Помогают в определенный момент
 4. Иной вариант _____
-

7. Как Вы относитесь к представителям другого вероисповедания?

1. Хорошо, среди моих друзей и знакомых есть такие люди
 2. Я терпимо отношусь к представителям другой веры, но предпочитаю не общаться с ними
 3. Мне это абсолютно безразлично, сужу о людях по другим критериям
 4. Я негативно отношусь к представителям другой веры, но никак этого не проявляю внешне
 5. Я испытываю открытую вражду к представителям другого вероисповедания
 6. Иной вариант _____
-

8. Как Вы относитесь к вступлению в брак с лицом другого вероисповедания?

1. Хорошо, но предпочел бы брак с единоверцем
 2. Хорошо, так как вероисповедание партнера не имеет для меня никакого значения
 3. Плохо, но допускаю такую возможность
 4. Плохо, категорически возражаю против этого
 5. Иной вариант _____
-

9. Способны ли Вы ради религиозных убеждений нарушить общепринятые нормы?

1. Нет, никогда
 2. Нет, но в определенных ситуациях допускаю такую возможность
 3. Да, могу
 4. Да, но только в крайнем случае
 5. Иной вариант _____
-

10. Считаете ли Вы, что в нашей стране соблюдается закон о свободе вероисповедания?

1. Да
 2. Нет
 3. Затрудняюсь ответить
 4. Иной вариант _____
-

11. Считаете ли Вы, что на сегодняшний день, Россию можно назвать светским государством?

1. Да
 2. Нет
 3. Затрудняюсь ответить
 4. Иной вариант _____
-

12. Считаете ли Вы, что появление нетрадиционных религиозных организаций в России связано с деятельностью зарубежных религиозных организаций?

1. Да
2. Нет
3. Затрудняюсь ответить
4. Иной вариант _____

13. Приходилось ли Вам хотя бы раз в жизни общаться с религиозными фанатиками?

1. Да
 2. Нет
 3. Затрудняюсь ответить
 4. Иной вариант _____
-

14. Считаете ли Вы, что религиозный фанатизм ...

1. социальный феномен отрицательного характера
 2. социальный феномен позитивного характера
 3. может иметь положительные качества в определенных обстоятельствах
 4. Затрудняюсь ответить
 5. Иной вариант _____
-

15. Считаете ли Вы, что понятия «терроризм» и «религиозный фанатизм» неразрывно связаны между собой?

1. Да
 2. Нет
 3. Затрудняюсь ответить
 4. Иной вариант _____
-

16. Как Вы думаете, нужно ли внести в уголовное законодательство статью, об ответственности за манипуляцию психологическим сознанием человека?

1. Да
 2. Нет
 3. Затрудняюсь ответить
 4. Иной вариант _____
-

17. Какие негативные факторы, по Вашему мнению, служат причиной для активизации деятельности религиозных фанатиков? (Пронумеруйте варианты по степени значимости).

- обострение межнациональных отношений в отдельно взятом регионе
 - дифференциация населения по материальному признаку
 - нерешенность проблем занятости
 - обострение политической борьбы
 - криминализация различных сфер общественной жизни
 - активизация подрывной деятельности из-за рубежа
 - ухудшение международных отношений
 - обострение социальной напряженности, порожденное кризисом в различных сферах человеческих отношений (экономике, политике, духовности, идеологии, нравственности)
 - незаконный оборот оружия и иных средств совершения преступлений; разрастание масштабов и общественной опасности организованной преступности и наркобизнеса
 - Иной вариант _____
-

18. Как Вы думаете, какие меры по профилактике религиозного фанатизма наиболее эффективны в настоящее время? (Пронумеруйте варианты по степени значимости).

- лекции, разъяснительные беседы в учебных заведениях

- социальная реклама в средствах массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение)
- распространение социальных буклетов на улицах города
- введение в курс школьного образования предмета «Религиоведение» как обязательного
- внесение изменений в законодательство РФ, по ужесточению требований к регистрируемым религиозным организациям.
- специальная программа правоохранительных органов для активизации деятельности по профилактике религиозного фанатизма
- бдительность и личное участие каждого гражданина РФ
- Иной вариант _____

19. Кто, по Вашему мнению, должен стать основными субъектами реализации социальной политики по вопросам религий и по профилактике религиозного фанатизма в нашем регионе?

1. государство
2. социальные институты
3. партии
4. общественные объединения и организации
5. правоохранительные органы
6. религиозные организации
7. комитет по делам национальностей и религий
8. Иной вариант _____

20. Как Вы можете охарактеризовать религиозную ситуацию в нашем регионе?

1. Очень благополучная
2. Благополучная
3. Нормальная
4. Кризисная
5. Катастрофическая
6. Иной вариант _____

21. Ваша религиозная принадлежность:

1. Представитель православного вероисповедания
2. Представитель католического вероисповедания
3. Представитель ислама
4. Представитель буддизма
5. Представитель иудаизма
6. Иной вариант _____

22. Ваш пол:

- мужской
- женский

23. Ваш возраст:

- от 17 до 30 лет
- от 31 до 40 лет
- от 41 до 50 лет
- от 51 и старше

24. Ваше образование:

- незаконченное среднее
- среднее общее

- среднее специальное
- незаконченное высшее
- высшее

25. Вы проживаете:

- в городе
- в сельской местности

Благодарим за сотрудничество!

Приложение Б

Ф.И.О. , должность, тел. эксперта

ПРОТОКОЛ

Вопросы:

1. Какова, на Ваш взгляд, религиозная ситуация в Тюменской области?

1.1 Религиозную ситуацию в нашем регионе можно назвать благополучной, нет никаких оснований для беспокойства;

1.2 Религиозная ситуация в нашем регионе в целом спокойная, но время от времени возникают причины для беспокойства;

1.3 Религиозная ситуация в нашем регионе тревожная, конфликты на религиозной почве возникают регулярно;

1.4 Затрудняюсь ответить;

1.5 Иной вариант ответа

2. Насколько велико влияние религиозных организаций на духовно-нравственное сознание жителей Тюменской области?

2.1 Влияние религиозных организаций на общество очень сильное, носит позитивный характер;

2.2; Влияние религиозных организаций на общество незначительное, является скорее формальным;

2.3 Влияние религиозных организаций на общество значительное, носит негативный характер;

2.4 Затрудняюсь ответить;

2.5. Иной вариант ответа

3. Насколько усилилась религиозная активность жителей Тюменской области за последние 10-15 лет?

- 3.1 Количество верующих значительно возросло;
 - 3.2 Количество верующих увеличилось, но это скорее дань моде;
 - 3.3 Количество верующих уменьшилось;
 - 3.4 Количество верующих не изменилось;
 - 3.5 Затрудняюсь ответить;
 - 3.6 Иной вариант ответа
-
-
-

4. Считаете ли Вы, что понятия «религиозный экстремизм и терроризм» и «религиозный фанатизм» неразрывно связаны между собой?

5. Как Вы думаете, могут ли следующие факторы служить причиной проявления религиозного фанатизма? Пронумеруйте выбранные Вами ответы по степени значимости:

- 5.1 - использование религиозных убеждений людей в политических целях;
 - активизация деятельности деструктивных организаций;
 - экономическое и политическое преимущество одних религиозных организаций в ущерб другим;
 - обострение социальной напряженности, связанное с кризисом в различных сферах человеческой жизни (экономике, политике, культуре, нравственности и т.д.)
 - 5.2 Затрудняюсь ответить
 - 5.3 Иной вариант ответа
-
-
-
-

6. По Вашему мнению, возможны ли профилактические мероприятия по предупреждению проявления религиозного фанатизма? Если да, то какие из

- 6.1 - социальная реклама в средствах массовой информации;
 - распространение социальных буклетов на улицах города;
 - введение в курс школьного образования предмета «Религиоведение» как обязательного;
 - внесение изменений в законодательство РФ, по ужесточению требований к регистрируемым религиозным организациям;
-

- специальная программа правоохранительных органов для активизации деятельности по профилактике религиозного фанатизма;

6.2 Затрудняюсь ответить

6.3 Иной вариант ответа

7. Выразите, пожалуйста, свое мнение по поводу того, какова степень готовности учебных заведений к введению в курс школьного образования предмета «Религиоведение» как обязательного:

7.1 - не разработана единая программа курса;

- учебные заведения не оснащены в полной мере учебно-методической литературой;

- не сформирован контингент преподавателей, готовых читать этот курс;

- дети и родители социально не готовы к данному курсу;

7.2 Курс необходим, его нужно вводить в школьную программу, не смотря на степень готовности;

7.3 Затрудняюсь ответить

7.4 Иной вариант ответа

8. Полагаете ли Вы, что на сегодняшний день Россию можно назвать светским государством в соответствии со статьей 14 Конституции Российской Федерации? Обоснуйте, пожалуйста, свой ответ в нескольких предложениях.

9. Как Вы думаете, нужно ли внести изменения в требования, при регистрации религиозных организаций с целью профилактики религиозного фанатизма и экстремизма?

Приложение В

1. И.В.Бобров – заведующий кафедрой политологии Института Гуманитарных наук ТГУ;
2. И.Е. Варкин - Раввин Тюменской Еврейской Религиозной Иудейской Организации «Мадрегот», Тюменская синагога;
3. Э.Н. Джафаров – специалист отдела по взаимодействию с политическими партиями и общественными объединениями Комитета по делам национальностей Тюменской области;
4. В.П. Ключева – заведующая лабораторией социально-исторических исследований института проблем освоения Севера СО РАН;
5. С.Э. Лавренов - полномочный представитель Начальствующего епископа Российского объединенного Союза христиан веры евангельской по Югу Тюменской области, старший пастор церкви "Свет миру", религиовед;
6. В.В. Руденко – главный специалист отдела по делам религий Комитета по делам национальностей Тюменской области;
7. Б.Д. Туляганов – председатель Тюменской областной общественной организации «Навруз»;
8. В.А. Чистяков - главный специалист отдела по делам религий Комитета по делам национальностей Тюменской области;
9. А.Л. Шишелякина – научный сотрудник лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН;
10. А.П. Ярков - заведующий сектором межконфессиональных отношений Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета.